

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 2 (10)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2012**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHER TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 2 (10)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2012**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кутузов А.Г.
председатель

Рябов В.В.
заместитель председателя

Геворкян Е.Н.
заместитель председателя

Иванова Т.С.

Радченко О.А.

ректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор

президент ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,
заслуженный учитель РФ

проректор по международным связям ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Радченко О.А.
главный редактор

Викулова Л.Г.
заместитель главного редактора

Аликаев Р.С.

Афанасьева О.В.

Барышников Н.В.

Вострикова О.В.
секретарь

Дубинин С.И.

Киров Е.Ф.

Костева В.М.
ответственный секретарь

Курдюмов В.А.

Рыжова Л.П.

Савицкий В.М.

Собянина В.А.

Сулейманова О.А.

Тарева Е.Г.

Чупрына О.Г.

Щепилова А.В.

Языкова Н.В.

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор (Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова)

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор (Пятигорский государственный
лингвистический университет)

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор (Самарский государственный
университет)

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, доцент

доктор филологических наук, профессор (Самарский государственный
педагогический университет)

доктор филологических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор

доктор филологических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор

доктор педагогических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-913X

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Афанасьева О.В.* Развитие и трансформация мотива «предопределение» в американской литературе XVII–XIX веков..... 8
- Седых А.П.* Национальная литература и коммуникативная культура нации 16
- Карпущина В.Н.* Лингвоаксиологические параметры организации текстового хронотопа: прагматический потенциал разных семиосфер..... 21

Германская филология

- Собянина В.А.* Суффиксация как один из способов словопроизводства немецких коллоквиализмов на основе терминологической лексики 28
- Чупрына О.Г.* Эволюция языковой репрезентации понятия *судьба* в английском языке 36

Романская филология

- Кулешова А.В.* Косвенная речь как средство дистанцирования журналиста в аналитическом жанре французской прессы 44

Теория языка

- Горшкова Н.Э.* Язык города как объект лингвистического исследования 49
- Лягушкина Н.В.* К вопросу о формировании базовых концептов: пространство 55

Языковое образование. Межкультурная коммуникация

- Нечаева Л.Т.* Трудности при обучении письменному переводу с японского языка на русский (грамматический аспект, частица *なほど*) 62
- Гончарова В.А.* Феномен национального социокультурного стереотипа при обучении иностранным языкам: пути решения проблемы 69
- Сорокина Н.В.* Образы носителей родного, первого и второго иностранных языков как система авто- и гетеростереотипных представлений 76

Трибуна молодых учёных

- Варкан А.П.* Вера американских индейцев vs вера английских колонистов (Пенталогия о Кожаном Чулке Дж.Ф. Купера) 84
- Вяткина А.А.* Адресат французского журнала для детей раннего возраста «Рорі» 90
- Иняшкин С.Г.* К проблеме определения субжанров научно-фантастического дискурса 95
- Луткова Е.С.* Результаты исследования лингвокультурологического поля «US college education» в учебных целях 101
- Машошина В.С.* Мифологема «корабль» в романе Г. Мелвилла «Моби Дик» 107
- Носова Л.Н.* Специфика выражения категории адресованности в текстах инструкций по применению лекарственных препаратов 112
- Шишкин К.Г.* Принципы подхода к эпистолярному наследию Г. Грина 117

Наши зарубежные коллеги

- У Даньдань.* Лирический герой С. Есенина и А. Рембо 123

Критика. Рецензии. Библиография

- Тимашева О.В.* Рецензия на монографию Н.В. Морженковой «Авангардистский эксперимент Г. Стайн: в поисках жанра» (М.: Изд. гр. URSS, 2012. – 296 с.) 128

Научная жизнь

- Фурманова С.Л.* Первый коллоквиум «Отечественная лингвистика, литературоведение и лингводидактика второй половины XX столетия: история и судьбы» 130

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2012, № 2 (10)

- Требования к оформлению статей** 138

CONTENTS

Literary Studies

- Afanasieva O.V.* Development and Transformation of the Motif of «Providence» in American Literature in the XVIIth–XIXth Centuries 8
- Sedykh A.P.* National Literature and National Communicative Culture 16
- Karpukhina V.N.* Axiological Linguistics Basis of a Text Chronotope: Pragmatic Potential of Different Semiospheres..... 21

Germanic Languages

- Sobyagina V.A.* Suffixation as a Derivation Means of German Colloquialisms on the Basis of Terminological Lexis 28
- Tchupryna O.G.* The Concept of *Fortune* in English: Evolution of Linguistic Representation..... 36

Roman Languages

- Kuleshova A.V.* Reported Speech as a Means of the Journalist's Distancing in the Analytical Genre of French Press 44

Linguistics

- Gorshkova N.E.* The City Language as an Object of Linguistic Investigation 49
- Lyagushkina N.V.* On How Basic Concepts are Formed: Space 55

Language Teaching Methodology. Cross-cultural Communication

- Nechaeva L.T.* Difficulties in Training Written Translation from Japanese into Russian (Grammatical Aspect, the Particle など) 62
- Goncharova V.A.* The Phenomenon of National Social Cultural Stereotype in Foreign Languages Teaching: on Ways of Solving the Problem..... 69
- Sorokina N.V.* Native Speakers' Images of Mother Tongue, First and Second Foreign Languages as a System of Auto- and Heterostereotyped Conceptions 76

Young Scientists' Platform

<i>Varkan A.P.</i> Beliefs of Native Americans vs the Religion of English Colonizers (Leatherstocking Tales by J.F. Cooper).....	84
<i>Vyatkina A.A.</i> The Receiver of the French Magazine for Infants «Popi».....	90
<i>Inyashkin S.G.</i> Defining Subgenres of Science-fiction Discourse.....	95
<i>Lutkova E.S.</i> The Results of the Study of the Linguocultural Field «US College Education» as a Model of Teaching Content	101
<i>Mashoshina V.S.</i> The Mythologem «Ship» in the Novel «Moby Dick» by H. Melville.....	107
<i>Nosova L.N.</i> Presenting Peculiarities of the Receiver's Category in Package Insert Texts	112
<i>Shishkin K.G.</i> Principles of Approach to Epistolary Heritage of G. Greene	117

Our Colleagues from Abroad

<i>Wu Dandan.</i> The Lyric Character of S. Esenin and A. Rimbaud	123
---	-----

Critical Surveys. Reviews. Bibliography

<i>Timasheva O.V.</i> Review of the Monograph by N.V. Morzhenkova «Avant-garde Experiment of Gertrude Stein: In Search of a Genre» (M.: Editorial URSS, 2012. – 296 p.).....	128
--	-----

Scientific Events

<i>Furmanova S.L.</i> 1 st Colloquium «National Linguistics, Literary Studies and Linguodidactics of the Second Half of the XX th Century: History and Lives»	130
---	-----

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education», 2012, № 2 (10).....

Style Sheet	138
--------------------------	-----

О.В. Афанасьева

Развитие и трансформация мотива «предопределение» в американской литературе XVII–XIX веков

В статье рассматриваются изменения, которые происходили в интерпретации категории *промыслительности* на протяжении трёх столетий развития американской литературы (XVII–XIX веков). На анализе текстов произведений Уильяма Брэдфорда, Бенжамина Франклина, Джонатана Эдвардса, Марка Твена в статье делается вывод о приоритетности различных граней мотива «предопределение» в каждом из указанных столетий. Тем не менее вопросы веры и Провидения не теряют своей значимости для жителей США на протяжении 300 лет.

The article represents changes that took place in the interpretation of the category *providence* in American literature during the three centuries of its development (XVII–XIX centuries), which is being done for the first time in modern science. Based on the analysis of the works by William Bradford, Benjamin Franklin, Jonathan Edwards, Mark Twain the article offers the conclusion about different priority of the sides that belong to the regarded motif of providence in each of the centuries mentioned above. Nevertheless the problems of religion and providence have preserved their significance for the US population during 300 years.

Ключевые слова: пуритане; колонисты; предопределение; нравственность; трансформация; предрассудки; мотив.

Key words: puritans; colonists; providence; morality; transformation; prejudice; motif.

Как известно, одним из основных мотивов, характеризующих всю американскую словесность раннеколониального периода, является мотив «предопределение». Для пуритан, основавших первые колонии на североамериканском континенте в поисках *земли обетованной*, категория провиденциальности, естественно, оказывалась максимально значимой, ибо, согласно их вероучению, всё, что происходило в мире, определялось Божественной силой Провидения. С точки зрения доктрин данного философско-религиозного учения, от людей в их земной жизни мало что зависело. Тезис о промыслительности всего происходящего был тесно связан с понятием нравственности. В то

время единственно достойным поведением для члена пуританской общины оказывалось обязательное следование правильной (т. е. протестантской) вере. Люди, не верующие во Всевышнего, безусловно, считались безнравственными.

Вопросы морали в пуританской идеологии всегда занимали центральное место. Естественно, литературные произведения Новой Англии, отражающие данное положение дел, были основаны на доктрине предопределения и благодати. В своей жизни первые переселенцы руководствовались необходимостью осознания сути воли Господа, а потому истолковывали всё происходящее с ними с позиции Божьего Промысла. Подобная интерпретация событий фиксируется практически всеми авторами сочинений тех лет, наиболее признанными из которых являются Уильям Брэдфорд (William Bradford) и Джон Уинтроп (John Winthrop). Дневниковые записи этих известных колонистов (оба занимали в своих колониях должности губернаторов), соответственно «История поселения в Плимуте» («Of Plymouth Plantation») и «Дневник» («Journal»), входят во все антологии американской литературы, в которых упоминаются произведения XVII века.

Учёные, исследующие американскую литературу данного периода, подчёркивают, что оба вышеназванных сочинителя трактуют всё происходящее с ними и их современниками «как реализацию промыслительности, как исполнение воли Всевышнего, ибо только Он один ведаёт, что и кому предreshено в этой жизни, а также то, каким образом все мирские события должны свершиться» [6: с. 100]. Идея провиденциальности в вышеупомянутых хрониках, несомненно, является ведущей. Как замечает К.М. Баранова, «данное положение дел объясняется фактором приоритетности феномена Провидения на заре становления культурного самосознания колонистов» [6: с. 100]. Именно воля Господа, по мнению рассматриваемых авторов, с одной стороны, даёт возможность членам общины добиваться задуманного результата, но, с другой стороны, приводит и к наказанию согрешивших колонистов.

В каждом явлении, описанном в дневниках указанных авторов, последние видят знаки и символы Провидения и предлагают читателям собственные трактовки происходящего. Так, знак расположенности Создателя к колонистам Брэдфорд видит, например, в том факте, что переселенцы благополучно добираются до берегов Северной Америки, невзирая на многочисленные сложности, встречающиеся им во время путешествия через океан: «...they were... happy to get out of these dangers before night overtook them, as by God's providence they did» [1: p. 68]. Аналогичным образом объясняет он и тот факт, что эпидемия заразной лихорадки, от которой погибают многие, вдруг начинается и также неожиданно прекращается: «It pleased the Lord to visit them this year with an infectious fever of which many fell very sick and upward 20 persons died... towards winter it pleased the Lord the sickness ceased» [1: p. 290].

В записях от 1634 года губернатор упоминает о многочисленных случаях заболевания оспой индейцев, живших рядом с общиной. Болезнь, тем не менее, миновала англичан, которые помогали своим соседям, ухаживая за ними: «But by the marvelous goodness and providence of God, not one of the English was

so much as sick or in the least measure tainted with the disease» [1: p. 303]. Как следует из объяснения Брэдфорда, причиной этого было Провидение Божие. И тот факт, что в 1633 году колонисты смогли добыть много бобровых шкур («It pleased the Lord to enable them this year to send home a great quantity of beaver» [1: p. 290]), и гибель капитана Кромвеля, который упал на рукоять своей шпаги и скончался («...there might be something of the hand of God herein» [1: p. 384]), рассматриваются автором как проявления Божьего Промысла. Как пишет он в своем дневнике, рассказывая о событиях 1626 года, «человек предполагает, а Господь располагает»: «Man may purpose, but God doth dispose» [1: p. 201]. Как убеждённый пуританин, все жизненные ситуации Брэдфорд готов интерпретировать как знаки и символы, с помощью которых Провидение направляет поведение людей.

Такое же восприятие всего происходящего можно усмотреть и в текстах «Дневника» Уинтропа. Все исследователи его творчества (П. Миллер, Л. Баритц, Л. Паррингтон, К. Баранова, М. Коренева, Е. Стеценко) отмечают глубокий символизм «Дневника». Даже самые незначительные, на первый взгляд, события трактуются им как происходящие по воле Создателя. Так, в записи от 26 февраля 1633 года, Уинтроп повествует о том, что две девочки, сидевшие на брёвнах у дома, избежали печальной участи, ибо бревна обрушились сразу же после того, как они встали: «Two little girls of the governor's family were sitting under a great heap of logs, plucking of birds, and the wind driving the feathers into the house, the governor's wife caused them to remove away. They were no sooner gone but the whole heap of logs fell down in the place and had crushed them to death if the Lord in his special providence had not delivered them» [4: p. 54]. Губернатор, как следует из приведённой цитаты, объясняет это происшествие исключительно милостью Божьей. И подобными являются практически все его разъяснения и интерпретации. Анализ упомянутых дневников показывает, что предопределение, в понимании авторов XVII века, — это предрешение всего, что может случиться в жизни, отрицание случайностей, абсолютная вера в Божий Промысел, а также смиренное восприятие существующих проблем, которые уготованы Всевышним для их преодоления.

В отличие от XVII века в XVIII столетии вера в Божественный Промысел становится не столь абсолютной. Отметим, что ещё Брэдфорд в своих записях указывал на некоторое ослабление религиозного сознания у членов протестантских общин, что, безусловно, накладывало свой отпечаток на понимание колонистами данного феномена. Тем не менее понимание *неслучайности* всего происходящего доминирует у большинства прихожан, особенно в начале XVIII века. Наиболее значимыми фигурами в американской литературе того периода являлись Джонатан Эдвардс (Jonathan Edwards) и Бенжамин Франклин (Benjamin Franklin). Мотив предопределения прослеживается в работах и того, и другого автора.

В своем творчестве, включающем в основном работы теологического характера, известный американский богослов Джонатан Эдвардс пытался «восстановить у прихожан тот первоначальный смысл религиозных обязательств, которые, как он считал, оказались утерянными последователями пуритан-первопроходцев,

прибывших в Америку в начале XVII века» [6: с. 221]. В своих многочисленных проповедях Эдвардс неоднократно обращается к идее предопределения, убеждая своих прихожан, что только Господь вершит судьбы людей и решает, что, когда и каким образом должно произойти.

Однако если в начале своего творчества Джонатан Эдвардс рассматривает всё происходящее только как акты Божьего Промысла, то в более поздних его творениях, например в «Личном повествовании» («Personal Narrative»), отчётливо проступает понимание того, что и в человеке можно усмотреть признаки Божественности. Иными словами, возвеличивая Всевышнего, автор одновременно приподнимает личность человека, который нацелен на постижение религиозной истины. Таким образом, хотя интерпретация мотива предопределения у Эдвардса во многом опирается на европейскую пуританскую традицию («Edwards was a Calvinist. He believed in predestination and the mythical powers of God» [8]), можно отметить явную эволюцию в понимании этого явления автором «Личного повествования». Не подвергая сомнению абсолютный суверенитет Господа и всемогущество Создателя («We are dependent on God for happiness, being first miserable, and afterward happy» [2]), Эдвардс даёт своим прихожанам надежду и видит в этом истинный смысл Божьей милости к людям. Он убежден, что в жизни человека значимым оказывается не только постижение религиозных истин, но и те практические деяния, которые совершают люди, приобретая религиозный опыт.

Выдающимся американским писателем, общественным деятелем, просветителем и философом XVIII века был Бенжамин Франклин. Талантливый исследователь, «он решительно отбрасывает всякое вмешательство «потусторонних сил» в дела природы» [7: с. 10], ибо признаёт существование материи и причинно-следственную связь явлений. Тем не менее, выступая с позиций естествоиспытателя, Франклин не является атеистом и не порывает с религиозными традициями своей страны. В своём основном литературном произведении «Автобиография» («Autobiography») писатель подчёркивает, что он не сомневается в существовании Господа, в том, что Всевышний создал наш мир и верит в Провидение: «...I never doubted, for instance, the Existance of the Deity, that he made the World, and govern'd it by his Providence...» [3: p. 642]. При этом Франклин полагает, что промыслительность не может быть абсолютной. С его точки зрения, определённые догматы пуританизма не являются истинными, и их возможно оспаривать. Это и дало основания некоторым исследователям творчества американского просветителя подвергать сомнению его веру в Бога. Однако неоднократные упоминания в «Автобиографии» о том, что всё находится в руках Господа («in the hands of Providence»), красноречиво свидетельствуют о том, что Франклин полагает возможным в определённой степени полагаться на Провидение, а мотив предопределения оказывается вплетённым в канву его произведений, хотя трактовка этого мотива претерпевает в них определённые изменения по сравнению с сочинениями XVII века. Не отказываясь от идеи провиденциальности, автор «Автобиографии» не считает необходимым выдвигать её на первый план, ибо за полтора

столетия жизни в американских колониях в мироощущении переселенцев происходят существенные изменения. Отношение к религии уже не столь однозначно, ибо искомая свобода вероисповедания для пуритан обретена. Высказываются мысли о необходимости толерантного отношения к иным религиозным учениям. Многие из того, что воспринималось праотцами в XVII веке как проявления Божьего Промысла, трактуется в веке XVIII как некая данность.

В ещё большей степени изменения в трактовке изучаемого мотива можно выявить в произведениях американских писателей XIX века, в частности, в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера» («The Adventures of Tom Sawyer»). В XIX столетии вера американцев в Божий Промысел значительно ослабевает, появляются мысли о возможности проявления случайностей в жизни людей, хотя вера людей в Высшую силу, которая является причиной всего происходящего и защищает все живые существа на земле, по-прежнему существует. Именно таким образом идея предопределения трактуется в вышеназванном романе. Но его герои воспринимают Высшую силу по-разному. Если для определенной части она предстаёт в виде Божьего Промысла, то дети объясняют себе Её существование иначе. Их вера в предрассудки, их суеверия оказываются для них своеобразными проявлениями воли Всевышнего.

Впервые читатель сталкивается с этим, читая диалог Тома Сойера и Гекльберри Финна, главных героев романа. Дети обсуждают различные способы выведения бородавок на теле. Они упоминают гнилую воду, необходимость произнести заговор в лесу и относятся к подобным вещам абсолютно серьёзно. При этом если друзей постигает неудача, если суеверие «не срабатывает», они всегда находят этому те или иные объяснения, но не подвергают сомнению свою веру. Это относится, например, к поискам тайника у ствола старого дерева. Том и его друзья уверены, что если зарыть один шарик и прочитать заговор, то потом в этом же месте можно найти несколько похожих. Однако суеверие не срабатывает. Том быстро находит «причину» неудачи — проделки ведьмы: «He puzzled over the matter some time, and finally decided that some witch had interfered and broken the charm» [5: p. 63].

На протяжении всего произведения читатель сталкивается с многочисленными предрассудками мальчиков. Однажды утром, проснувшись на острове, Том видит червяка, который ползёт по его ноге: «He [Tom] sat as still as a stone, with his hopes rising and falling by turns as the creature... came decisively down upon Tom's leg and began a journey over him, his whole heart was glad — for that meant that he was going to have a new suit of clothes — without the shadow of a doubt, a gaudy piratical uniform» [5: p. 100–101]. Для Тома ползущий по его ноге червяк является знаком того, что скоро он получит новый костюм. Мальчик ни секунды не сомневается в этом «предзнаменовании». Мягкая ирония, с которой Марк Твен повествует о проявлениях Божьего Промысла в интерпретации подростков, составляет отличительную черту реализации мотива предопределения в анализируемом романе.

Для жителей городка Сент-Питерсберг, где происходит действие романа, религия является важной частью жизни, однако далеко не все они являются истинно верующими, такими, например, как вдова Дуглас, которая искренне верит в Божий Промысел. Большая же часть горожан лишь формально следует канонам общепринятой морали. Наставляя детей, объясняя им правила достойного поведения, сами взрослые зачастую нарушают их. Показателен в этом отношении эпизод, описывающий церемонию проповеди в церкви, когда Том пытается развлечь себя, наблюдая то за мухой, то за «поединком» жука и пуделя. Но изнывает на скучной проповеди не только главный герой романа. Многие прихожане, присутствующие на службе, также рады отвлечься: «By this time the whole church was red-faced and suffocating with suppressed laughter, and the sermon had come to a dead standstill... for even the gravest sentiments were constantly being received with a smothered burst of unholy mirth, under cover of some remote pew-back, as if the poor parson had said a rarely facetious thing» [5: p. 41]. Даже певчие в церковном хоре ведут себя неподобающим образом — они шепчутся и смеются во время проповеди.

Не менее значимым для анализа изучаемого мотива представляется разговор Тома с Бекки, когда подросток, сравнивая церковь и цирк, сообщает, что цирк намного лучше церкви: «I've been to the circus three or four times — lots of times. Church ain't shucks to a circus. There's things going on at a circus all the time» [5: p. 57]. В приведённом сравнении проскальзывает определённое недоверие автора романа к столь почитаемому (хотя не всегда искренне) в американском обществу социальному институту. Тем не менее многое из происходящего вокруг интерпретируется Томом как реакция Всевышнего на поступки людей. Так, раскаты грома и грозу он воспринимает как наказание Господа за своё плохое поведение: «And that night there came on a terrific storm, with driving rain, awful claps of thunder and blinding sheets of lightning... He believed he had taxed the forbearance of the powers above to the extremity of endurance, and that this was the result...» [5: p. 155].

В другом эпизоде романа, где индеец Джо, настоящий виновник убийства, спокойно лжёт и сваливает всю вину на Мэфа Поттера, потрясённые Том и Гек искренне верят, что убийца будет тут же наказан Всевышним: «Then Huckleberry and Tom stood dumb and staring, and heard the stony-hearted liar reel off his serene statement, they expecting every moment that the clear sky would deliver God's lightnings upon his head, and wondering to see how long the stroke was delayed» [5: p. 83]. Мальчики очень удивлены, что наказание откладывается, и делают вывод, что индеец Джо связан с нечистыми силами.

Иронию в изображении поступков горожан можно отметить и в эпизоде, когда Том с друзьями появляются на собственном «отпевании» в церкви. Родственники радуются «воскрешению» детей, и все прихожане восхваляют Господа за их спасение. Несмотря на то, что взрослые понимают, что дети их обманули, они всё равно приписывают «воскрешение» подросткам Всевышнему, которого восхваляют в гимне.

Таким образом, можно заключить, что вопросы веры и Провидения не теряют своей значимости для жителей США на протяжении трёх столетий. Мо-

тив «предопределение» не теряет своей актуальности для авторов литературных произведений XIX века. Однако интерпретация его претерпевает за этот период времени существенные трансформации. Отношение к религии в целом сильно меняется и становится не столь всеобъемлющим. Часто люди начинают прибегать к религиозным постулатам, когда им это становится выгодно. Некоторые из них используют религию в корыстных целях, иные по привычке следуют правилам общепринятой морали, не задумываясь о сути. Вера в знаки судьбы и предначертание существует, но она перестаёт быть абсолютной. Хотя идея промыслительности и остаётся частью жизни американцев в XIX веке, их отношение к ней сильно меняется, а в литературе наблюдается даже ирония по отношению к категории провиденциальности, занимавшей приоритетное положение в работах американских авторов раннеколониального периода.

Библиографический список

Источники

1. *Bradford W.* History Of Plymouth Plantation: 1606–1646 / W. Bradford. – S. 1., 2001. – 470 p.
2. *Edwards J.* Personal Narrative / J. Edwards // Edwards J. Works. 22 vols. – URL: <http://yalepress.yale.edu>, свободный.
3. *Franklin B.* Autobiography, Poor Richard, and Later Writings / B. Franklin. – New York: The Library of America, 1997. – 816 p.
4. *The Journal of John Winthrop 1620–1649* / Ed. by R.S. Dunn and L. Yeandle. – Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press, 1996. – 354 p.
5. *Twain M.* The Adventures of Tom Sawyer / M. Twain. – Harper Press, 2011. – 244 p.

Литература

6. *Баранова К.М.* Основные идейные и сюжетно-образные мотивы в литературе Новой Англии XVII–XVIII веков. Становление традиций в литературе США: дис. ... докт. филол. наук: 10.00.03; защищена 16.06.2011 г. / К.М. Баранова. – М.: МГОУ, 2011. – 490 с.
7. *Баскин М.П.* Вениамин Франклин: Вступительная статья / М.П. Баскин // В. Франклин. Избранные произведения. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1956. – С. 5–50.
8. *Cole A.A.* Contrast and Comparison of Jonathan Edwards and Benjamin Franklin, 2007 / A.A. Cole. – URL: www.associatedcontent.com, свободный.

References

Istochniki

1. *Bradford W.* History Of Plymouth Plantation: 1606–1646 / W. Bradford. – S. 1., 2001. – 470 p.
2. *Edwards J.* Personal Narrative / J. Edwards // Edwards J. Works. 22 vols. – URL: <http://yalepress.yale.edu>, svobodny'j.

3. *Franklin B.* *Autobiography, Poor Richard, and Later Writings* / B. Franklin. – New York: The Library of America, 1997. – 816 p.
4. *The Journal of John Winthrop 1620–1649* / Ed. by R.S. Dunn and L. Yeandle. – Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press, 1996. – 354 p.
5. *Twain M.* *The Adventures of Tom Sawyer* / M. Twain. – Harper Press, 2011. – 244 p.

Literatura

6. *Baranova K.M.* *Osnovny'e idejny'e i syuzhetno-obrazny'e motivy' v literature Novoj Anglii XVII–XVIII vekov. Stanovlenie tradicij v literature»: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.00.03 zashhishhena 16.06.2011 g.* / K.M. Baranova. – M: MGOU, 2011. – 490 s.
7. *Baskin M.P.* *Veniamin Franklin: Vstupitel'naya statya* / M.P. Baskin // V. Franklin. *Izbranny'e proizvedeniya*. – M.: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy literatury', 1956. – S. 5–50.
8. *Cole A.A.* *Contrast and Comparison of Jonathan Edwards and Benjamin Franklin, 2007* / A.A. Cole. – URL: www.associatedcontent.com, svobodny'j.

А.П. Седых

Национальная литература и коммуникативная культура нации

В статье рассматриваются способы оптимизации коммуникативной культуры на основе лучших образцов текстов национальной литературы. Пути оптимизации коммуникации видятся в русле словотворчества, мимесиса, создания словарей. Намечаются перспективы формирования филологической языковой личности в качестве эталона коммуникативного поведения.

The paper deals with problems of optimizing communicative culture using best exemplary texts of national literature. Ways to improve communication are seen in line with new words creation, mimesis, dictionaries compiling. The paper outlines prospects of forming a philological linguistic identity as a benchmark of communicative behavior.

Ключевые слова: художественный дискурс; языковая креативность; языковая личность; коммуникативное поведение.

Key words: art discourse; linguistic creativity; linguistic identity; communicative behavior.

Личность писателя, отражённая в его языковом творчестве, так или иначе воздействует на филологическую культуру национальной языковой личности. Лучшие образцы речи национального писателя входят в «золотой фонд» каждой лингвокультуры. Невозможно представить развитие любого языка без творческой переработки его «мастерами слова» — русский язык без Пушкина и Толстого, испанский язык без Сервантеса и Лопе де Веги, английский язык без Шекспира и Бёрнса, французский — без Бальзака и Пруста. Это не означает, что все русофоны говорят языком Пушкина, а все франкофоны — языком Пруста. С подобной констатацией трудно согласиться, но актуальность темы связи языка писателя и коммуникативного поведения этноса обостряется, когда мы говорим о действительном уважении к национальному языку.

Художественный дискурс как лингвистический эквивалент мышления может рассматриваться в качестве одного из наиболее ярких языковых векторов национального способа мирозидения. Языковая личность писателя выступает при этом как моделирующая проекция национального языка и национального коммуникативного поведения.

Феномен языковой личности предстает в данном случае как методологическая проблема, так как национальная личность — это в первую очередь языковая личность и истоки благополучия нации надо искать в высоком отношении к родному языку, культивировании лучших образцов языкового творчества великих писателей. Иными словами, речь здесь идёт о филологической культуре нации.

По мысли В.К. Харченко, «филологическая культура — это ответственность перед словом, интерес к феномену языка вообще, способность уважения к родному языку, благоговение перед той языковой купелью, в которой суждено пребывать каждому человеку, становясь личностью» [4: с. 3].

Забота о родном языке проявляется в разных странах по-разному, но большинство государственных филологических программ ориентированы на повышение престижа родного языка и формирование высоких норм национальной коммуникации. Так, во Франции существует диктант «всефранцузского масштаба», который проводит один раз в год тележурналист Бернар Пиво. На финал «золотого диктанта» собирается около 180 участников: по двое из каждого региона на каждую категорию участников — школьники, студенты, взрослые любители и профессионалы. Общенациональное телевидение осуществляет трансляцию события. Результаты конкурса обсуждаются в газетах и на форуме Интернета. Французский язык, таким образом, входит в каждый дом посредством самых мощных современных СМИ на правах «хозяина», а не гостя. Родной язык становится не просто средством общения, но и средством участия в престижном общенациональном испытании для соискателей, а также темой для дискуссий не только для профессионалов, но и для всех любителей французского языка.

Педагогический феномен, достойный подражания, существует в Новой Зеландии. В школах этой страны ключевым элементом обучения в начальных классах выступает чтение и письмо. Только после того как все дети овладели навыками чтения и письма, учитель имеет право приступать к изучению других предметов программы. Это пример реальной государственной заботы не только о родном языке, но и языковых личностях своей страны, ибо умение читать и писать на родном языке есть первый шаг на пути становления и самореализации личности как таковой. Языковая личность находит своё воплощение в процессе коммуникации, и чем выше культура речи говорящих на родном языке, тем совершеннее коммуникативная деятельность национальной языковой личности.

Каковы же пути пополнения сокровищницы родного языка и, следовательно, совершенствования коммуникативного поведения его носителей? Каким образом языковая личность писателя может воздействовать на коммуникативное поведение этноса и способствовать формированию и развитию национальной языковой личности? Ответы на поставленные вопросы «находятся» в коммуникативном пространстве текстов великих произведений национальной литературы. Именно художественный дискурс предоставляет материал для интеграции в отечественную коммуникацию лучших языковых образцов. Проводниками в страну художественной коммуникации выступают представители филологической элиты нации. Выражение «филологическая элита нации» предлагается трактовать в этимологическом смысле слова «филология» как «любовь к языку». Иначе говоря, главным критерием включения в филологическую элиту является культура речи личности вне зависимости от её социальной или профессиональной принадлежности. Представляется вполне уместным ввести здесь термин «филологическая личность» как высшая деятельностная инстанция языковой личности, которая не только пассивно воспринимает элементы языка и культуры, но и активно включается в борьбу за каждую ступень в их развитии и обновлении.

Отечественные и зарубежные филологи предлагают выделить как минимум три способа обогащения родного языка:

1. Создание слов по моделям, имеющимся в языке.
2. Развитие персониферы.
3. Создание и издание индивидуальных словарей [3; 4].

Первый способ – языкотворческий, основанный на использовании деривационных конструкций родного языка. В текстах, принадлежащих перу великих писателей разных времён и народов, находим яркие примеры подобной языковой креативности. Так, Ф.М. Достоевский придумал и «ввёл» в русский язык слово *стусеваться*. М. Пруст «изобрёл» для французского языка слово *jusqu'aboutiste* (экстремист, сторонник войны до победного конца), которое вошло в широкое употребление. Разумеется, злоупотреблять подобным словотворчеством в обыденной коммуникации не рекомендуется, но как один из признаков языковой пластики и правил языковой игры данный путь представляется весьма интересным и продуктивным. Наличие или отсутствие словотворчества в языке и коммуникации говорит о степени зрелости национальной языковой личности.

Второй способ — подражательный, построенный на миметическом принципе отождествления с тем или иным героем (реальным или вымышленным). Формирование персониферы нации есть одна из актуальных задач филологической личности. В современном мире мало образцов для подражания, и здесь на помощь приходят классические художественные произведения. Для русского этноса источником высокой культуры речи языковой личности остается XIX «золотой век» русской литературы, творчески переработанной и обновлённой великими отечественными авторами XX столетия — Борисом Пастернаком, Мариной Цветаевой, Анной Ахматовой, Иосифом Бродским и другими замечательными творцами российской литературы. Французский пантеон языковых личностей также богат и разнообразен, как и русский. Приведем лишь ключевые, по нашему мнению, фигуры французской литературной персониферы: Франсуа Рабле, Блез Паскаль, Рене Декарт, Пьер Корнель, Вольтер, Виктор Гюго, Бальзак. В XX веке Марсель Пруст объединяет классическую традицию и современность, и его языковая личность в лучших своих текстовых проявлениях может стать «учебником» по культуре речи. Критерием отбора образцов для подражания должно быть индивидуальное чувство красоты языка того или иного автора.

Частью персониферы нации являются также и литературные персонажи, освоенные большинством представителей конкретной лингвокультуры. По мысли С.Н. Есина: «Литература — это сверхреальность, и поэтому каждый знает о Наташе Ростовской больше, чем о своей многолетней соседке» [2: с. 30]. Как правило, мы моделируем своё коммуникативное поведение и поведение других людей по литературным персонажам (а с приходом кино — и по кинематографическим героям). В переносном смысле персонажей художественных произведений можно было бы признать «полноправными» гражданами общества. Так, в русскоговорящем континууме на правах концептов присутствуют собакевичи и плюшкины, а во франкоговорящем — гарпагоны и тартарены.

Третий способ — лексикографический, состоящий в создании «индивидуальных» словарей. Слово «индивидуальный» следует понимать в двух значениях:

1. Авторский словарь филолога (группы филологов), включающий слова, метафоры, афоризмы, цитаты различных писателей, собранные и собираемые людьми, следящими за культурой собственной речи.

2. Словарь языка отдельного автора. К данному типу словарей можно отнести ассоциативные словари, словари образных средств, фразеологические словари, словари языковых концептов, отражающие индивидуально-авторские особенности языка художественных произведений одного писателя.

В первом и во втором случаях речь идёт о бесценных пластах родного языка, обработанного лучшими представителями языковых личностей нации. Филологическая культура личности предполагает не только наличие богатого лексикона, но и владение образным строем родного языка. Авторские метафоры являются частью развивающей системы, которая креативно воздействует на структуру личности реципиента и ведёт к расширению его лингвокогнитивных способностей. Знакомство с данным словарным материалом должно способствовать формированию и развитию национальной языковой личности.

Художественный текст как феномен коммуникации наполнен высокими образцами творческого подхода к родному языку, и задача филологической личности состоит в том, чтобы сделать их доступными для широкого круга носителей национального языка. Языковая личность писателя кроме непосредственного контакта читателя с текстом произведения должна быть представлена и в обработанном филологами виде. С одной стороны, художественный текст как языковая ипостась личности писателя, с другой — словарь как путеводитель в авторский мир языкотворчества.

Представляется, что коммуникативное поведение этноса не может достичь развитого состояния без обращения к языковой личности крупного писателя. В противном случае коммуникация сводится к примитивному оперированию поведенческими штампами и речевыми клише. Здоровье нации зависит не только от качественного медицинского обслуживания, но и от высокого процента творческих личностей, способных вывести страну из тупика. Творческая личность — это прежде всего «хорошо говорящая» личность. Неординарность принятия решений и неординарность языка и коммуникации находятся в линейной зависимости, равно как и ответственность за языковой поступок, и ответственность за любой поступок в этом мире. Филологическая личность должна стать ориентиром для коммуникативного поведения этноса, противопоставить безответственному словоупотреблению осознанно высокий тип коммуникации, ведущий к адекватному и достойному общению между людьми.

Таким образом, языковая личность творца служит эталоном для национального типа коммуникации и должна рассматриваться в методологическом ключе. Речь здесь идёт о комплексном харизматическом типе воздействия на языковое сознание этноса, коммуникативном престиже писателя. В этом смысле нельзя не согласиться с мыслью Л.Г. Викуловой о том, что: «*Авторитетность литератора* основывается на его энциклопедической доминации, лингвистической компетенции и коммуникативном лидерстве» [1: с. 16].

Художественный текст по природе своей ориентирован на национального коммуниканта, говорящего на одном языке с автором. Сила художественного об-

раза прочнее многих материальных ценностей, так как является своего рода обобщением без абстрактных построений, концентрацией сущностных элементов духа нации. Языковая личность писателя формируется внутри родного языка и не может рассматриваться вне этнокультурных параметров национальной коммуникации. При этом язык нации подвергается трансформированию в коммуникативной структуре художественного текста. Художественно преобразованный язык — источник формирования и совершенствования коммуникативного поведения этноса. Целостная картина мира, воссозданная в национальном языке и литературе, обуславливает наличие общих закономерностей в функционировании не только художественной, но и обыденной коммуникации, а также индуцирует когнитивно-коммуникативный континуум для формирования филологического идеала нации.

Библиографический список

Литература

1. Викулова Л.Г. Паратекст французской литературной сказки: прагмалингвистический аспект: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05: защищена 4.12.2001 г. / Л.Г. Викулова. — СПб., 2001. — 29 с.
2. Есин С.Н. Избранное / С.Н. Есин. — М.: ТЕРРА, 1994. — 693 с.
3. Хазагеров Г.Г. Персоносфера русской культуры / Г.Г. Хазагеров // Новый мир. — 2002. — № 1. — С. 132–145.

Справочные и информационные издания

4. Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы: В 2-х тт. / В.К. Харченко. — Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2003. — 619 с.

References

Literatura

1. *Vikulova L.G.* Paratekst franczuzskoj literaturnoj skazki: pragmalingvisticeskij aspekt: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.05: zashhishhena 4.12.2001 g. / L.G. Vikulova. — SPb., 2001. — 29 s.
2. *Esin S.N.* Izbrannoe / S.N. Esin. — M.: TERRA, 1994. — 693 s.
3. *Xazagerov G.G.* Personosfera russkoj kul'tury' / G.G. Xazagerov // Novy'j mir. — 2002. — № 1. — S. 132 – 145.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

4. *Xarchenko V.K.* Slovar' bogatstv russkogo yazy'ka. Redkie slova, metafory', aforizmy', citaty', biografemy': V 2-x tt. / V.K. Xarchenko. — Belgorod: Izd-vo Belgorod. gos. universiteta, 2003. — 619 s.

В.Н. Карпухина

Лингвоаксиологические параметры организации текстового хронотопа: прагматический потенциал разных семиосфер

В статье рассматриваются проблемы организации хронотопа текстов детской литературы и оценки его изменений при переводе текстов в семиосферы рисунка и мультипликации.

The article considers chronotope arrangement in children's literature texts and evaluation of its transformations in the semiospheres of book pictures and cartoons.

Ключевые слова: семиосфера; перевод; художественный текст; хронотоп.

Key words: semiosphere; translation; fiction text; chronotope.

Текстовый хронотоп по-разному представлен в области вербальной и визуальной семиосфер. Объектом рассмотрения в данной статье являются художественные тексты, тексты рисунков к ним и мультипликационные фильмы, снятые по художественным текстам. Предмет нашего рассмотрения — способы представления хронотопических отношений в текстах, принадлежащих разным семиосферам, и соответственно лингвистические параметры оценки прагматического потенциала этих текстов в зависимости от изменения их сферы функционирования. В области вербальной семиосферы для нас представляют наибольший интерес границы между исходным языком (ИЯ) и переводящим языком (ПЯ); в области семиосферы изобразительного искусства и кино/мультипликации — границы, которые разделяют (и одновременно объединяют) визуальные и вербальные тексты. Ю.М. Лотман считал, что границы разных семиосфер являются наиболее «горячими» точками семиообразовательных процессов [6: с. 262].

Пространственно-временные отношения выражаются в вербальных текстах с помощью средств хронотопического дейксиса. В области семиосферы изобразительного искусства момент времени может обозначаться символическим образом, изменение на оси временных координат может отображаться опосредованно — с помощью изменения пространственного местоположения персонажей, уже изображённых ранее. Пространственные отношения на рисунке изображаются с помощью соотношения фона и выделенных основных фигур в соответствии с законами перспективы. В семиосфере мультиплика-

ции в качестве дополнительного (и очень существенного) средства выражения времени может выступать скорость смены кадров, а в изменениях пространственной перспективы очень важную роль играет звук. Максимальная условность художественного языка мультфильма увеличивает игровые возможности при трансформации художественного текста в текст мультфильма. «Исходное свойство языка мультипликации состоит в том, что он оперирует знаками знаков: то, что проплывает перед зрителем на экране, представляет собой изображение изображения» [5: с. 324]. Подобные изменения вербального языка с помощью визуальных и музыкальных кодов, спроецированные на экран с максимальной степенью условности, приводят к существенным изменениям в организации хронотопа нового текста.

Разнородность средств выражения хронотопических отношений в области разных семиосфер ведёт зачастую к изменению прагматического потенциала художественного текста, переведённого на язык рисунка или мультипликации. Условность очень многих иллюстраций к детским книгам может быть вызвана сознательным отказом писателей от иллюстрирования детских книг: это, с их точки зрения, мешало развитию детского воображения. Подобных взглядов придерживался, например, Д.Р.Р. Толкиен. А в век компьютерной анимации возможности расширения художественного пространства книги и рисунка оказываются просто безграничны по сравнению с теми скромными опытами, которые, например, пытался осуществить в своём переводе повестей А.А. Милна о Винни-Пухе Б. Заходер, соединяя в нём изобразительную и повествовательную функции печатного текста. Так, Заходер передаёт «прыгающие мысли» в голове у Пятачка, болтающегося в кармане Кенги, с помощью графической «лесенки», существенно отличающейся от «лесенки» Маяковского и близкой к модернистским экспериментам поэтов-шестидесятников [2: с. 399].

Противники диснеевских экранизаций текстов детской литературы выдвигают следующие доводы в пользу чтения, а не просмотра сказок в качестве мультфильмов: «За счет правил отбора тех детей, которые умели читать, литературной сказке <...> стали присущи элитарность и сепаратизм. Хотя многие сборники сказок XIX века были снабжены иллюстрациями (порой их количество было чрезмерным), образы соответствовали тексту. Иллюстрации обогащали сказку и делали её более глубокой, но чаще всего они выполняли по отношению к тексту служебную функцию» [9: р. 156–157; перевод наш. — В.К.]. Вполне возможно, что данные доводы являются достаточно обоснованными, хотя обилие современных исследований, посвящённых проблеме соотношения вербального и иконического компонентов текста, указывает на безусловное увеличение прагматического потенциала текстов, существующих в рамках нескольких семиосфер.

При переводе текстов с одного языка на другой возможны изменения их хронотопических характеристик. Так, традиционный нарратив английских текстов предполагает употребление глаголов в the Simple Present Tense, которое на русский язык чаще всего передаётся с помощью прошедшего времени. Крайним случаем изменения пространственных характеристик переводимо-

го текста оказывается изменение его топографии: это возможно в случае так называемого перевода-пересказа, который со временем может превратиться в самостоятельное произведение на переводящем языке, как произошло с «Волшебником Изумрудного города». Эта повесть вначале была достаточно точным переводом повести Лаймена Фрэнка Баума «The Wizard of Oz». Страна Оз как основное место действия исчезает из книги и её продолжений, превращаясь в *Волшебную страну*. То же самое происходит и с *The Dainty China Country*, поскольку глава о ней элиминирована из текста А.М. Волкова. Заимствования остальных топонимов, достаточно удачно переведённых Волковым на русский язык, не воспринимаются им самим как плагиат, хотя литературными критиками работа Волкова оценивается как «поразительная обратная эволюция — от перевода к оригиналу» [7: с. 184].

Подобные эволюционные изменения претерпел ещё один текст перевода-пересказа, обладающего очень большим прагматическим потенциалом в русскоязычной культуре, — текст перевода (ТП) повестей А.А. Милна о Винни-Пухе, осуществлённый Б.В. Заходером. В 1990–2000 гг. появляются сразу два новых перевода этого текста (В.П. Руднева и В. Вебера — Н. Рейн), созданные в рамках разных теоретических парадигм перевода, то есть происходит возвращение от перевода к оригиналу и далее — к переосмыслению существующей переводческой традиции. Нас будут интересовать трансформации хронотопических характеристик повестей Милна при передаче их на русский язык (в художественных текстах, рисунках к ним и мультфильмах, созданных на их основе).

Совмещение рисунков разных художников, относящихся к разным эпохам, в пределах книги перевода В. Вебера свидетельствует об усложнённости значений, придаваемых рисункам первым иллюстратором повестей Милна — Эрнестом Шепардом — в контексте постмодернистских изданий. Традиционные рисунки Шепарда, сопровождающие русский текст о Винни-Пухе, становятся условными в квадрате, поскольку они уже — знак знака, некоего «оригинального британского текста об игрушечном медведе по имени Winnie-the-Pooh». Эти рисунки уже не являются обычными иллюстрациями детской книги, они — часть культурного фонда Британии, «заимствованные» в культурный фонд России. Использование рисунков Шепарда в книге, содержащей параллельные тексты Милна и Вебера–Рейн, представляется достаточно логичным с композиционной точки зрения: как и следовало ожидать, в параллельных английском и русском текстах использовались одни и те же иллюстрации Шепарда. Игровой момент учитывается только в самой первой, вводной иллюстрации: перед текстом на английском языке Кристофер Робин идёт с Винни-Пухом по лестнице вниз, а перед текстом на русском языке — вверх.

Если сопоставить с рисунками Шепарда графику иллюстраций русских художников (А. Порет, Л. Шульгиной) к текстам Милна, можно заметить следующее: персонажи всегда в центре иллюстрации, фон обозначен весьма условно. Подобное наполнение художественного пространства характерно и для рисованных советских мультфильмов, созданных В. Зуйковым и Ф. Хитруком. Пер-

сонажи действуют там на абсолютно условном фоне, имитирующем детский, не очень умелый рисунок, сами же они прорисованы чётко, достаточно динамичны и поэтому являются постоянным центром кадра. Таким образом, можно сказать, что пространственная структура иллюстраций к разным вариантам интерпретаций текстов Милна не совпадает.

Однако настоящий синтез весьма разнородных текстовых знаков происходит при трансформациях художественного текста в кинематографический. Мультипликационная экранизация текстов Милна студией «Disney» происходит постепенно: сначала мультипликаторы придерживались исходного текста (ИТ) и создавали персонажей в соответствии с рисунками Э. Шепарда, только в цветной версии, но со временем в повествование (а текст мультфильма строился именно как подчёркнуто книжное повествование: на экране перелистывались страницы, герои перескакивали со страницы на страницу) начали включаться новые персонажи, расширялись пространственные и временные границы текста. Американские авторы мультфильмов о Винни-Пухе, сознательно не отграничивая время действия, создали достаточно объёмный сериал, претендующий на «полноту» передачи текстов Милна в мультипликационной версии, но тем самым был утрачен один из основных критериев эффективной мультипликации — занимательность.

Данный темпоральный парадокс художественного языка мультипликации чётко осознавался Ф.С. Хитруком, автором трёх замечательных советских мультфильмов о Винни-Пухе, созданных по мотивам перевода-пересказа Заходера [8]. Изменения, внесённые Хитруком в текст Заходера, вполне объяснимы его стратегиями работы в мультипликации. Они касались прежде всего структуры текста: из достаточно объёмного ТП Заходера были избраны три (изначально планировалось больше) наиболее интересные истории о Пухе и его друзьях. Именно они и оказались основой мультповествования. Сюжетность и занимательность (необходимость «аттракциона», «чуда» для зрителя) воспринимаются Хитруком как базисные характеристики состоявшегося мультфильма [8: с. 7–13]. Поэтому его выбор наиболее смешных эпизодов из поучительных историй о приключениях Пуха и его друзей, прошедших испытание временем, представляется вполне обоснованным (ср. подобную точку зрения на основную функцию мультипликации [9: р. 160]). Многие персонажи ТП Заходера получают в мультфильме Хитрука новые функции, участвуя в тех событиях, где в тексте Заходера основным действующим лицом был Кристофер Робин как супергерой («суперхарактер»). Его элиминация делает текст мультфильма универсальным (принадлежность к пространству англоязычной культуры практически снимается), заставляет персонажей брать на себя дополнительные функции и решать проблемы сообща, без помощи «супергероя». Интересно, что, по сути, отталкиваясь от традиции создания мультфильмов студией «Disney», в данном случае художник-мультипликатор В. Зуйков и режиссёр Ф. Хитрук пошли по пути изображения персонажей как основного, характерного элемента «кадрового пространства», использовавшегося когда-то У. Диснеем. Но основным отличием текста мультфильма Хитрука от интерпретационных западных версий является, на наш взгляд, сохранение

фрагментов вербального текста в художественном пространстве мультфильма. Прагматический потенциал текстов А.А. Милна становится гораздо более высоким при трансформациях этих текстов в семиосфере другой культуры, с одной стороны, и в семиосфере иконических знаков (рисунка и мультипликации), — с другой. Это позволяет говорить о динамическом развитии смыслов ИТ в рамках разных семиосфер и о том, что элементы ИТ становятся прецедентными в семиосфере не только английской, но и русскоязычной культуры.

Способность хронотопических элементов ИТ выполнять символическую (прецедентную) функцию в рамках семиосферы другой культуры может быть проиллюстрирована возможностями передачи интертекстуальных фрагментов хронотопа при переводе художественного текста. Основные топосы сказочных повестей Дж.М. Барри о Питере Пэне — *the Kensington Gardens, the Neverland/ Never-Never Land* — стали для носителей английского языка, безусловно, прецедентными. То же самое произошло и с эквивалентными этим топонимам названиями на русском языке, хотя при их переводе были осуществлены определённые лексические и грамматические изменения: *Кенсингтонский сад, страна Нетинебудет* (вариант И. Токмаковой), *остров Гдетотам* (вариант Б. Заходера). При функционировании данных топонимов в других текстах в качестве интертекстуальных отсылок переводчику необходимо сохранить хотя бы уже существующие их эквиваленты с соответствующим комментарием, если это представляется возможным. Однако Б. Кузьминский, переводчик романа «Волхв» Дж. Фаулза, не увидел топонимического интертекстуального элемента в тексте оригинала или не посчитал нужным его передать на русский язык: «*When we're in Alice-Springs... became a sort of joke — in never-never land* [3: с. 37]. — *Мы часто шутили: «Когда приедем в Алис-Спрингс...» — и это значило «никогда»* [4: с. 37]. В результате аллюзия к узнаваемому британскому детскому тексту, расширяющая интерпретационный потенциал фрагмента фаулзовского романа, оказывается вне пределов досягаемости русскоязычного читателя.

Достаточно интересной с точки зрения расширения прагматического потенциала ИТ нам представляется ситуация, в которой рисунки к исходному тексту начинают функционировать как самостоятельный текст (в том числе и в рамках семиосферы иной культуры). Иллюстрации известного британского художника-модерниста Артура Рэххема к повести Дж.М. Барри «Питер Пэн в Кенсингтонском саду» получили абсолютно автономное от ИТ существование в качестве набора открыток для детей со вступительной статьёй и комментариями [1]. Сохранение основной хронотопической характеристики (места действия) данного текста сопровождается, однако, изменениями хронологической составляющей. Открытки не пронумерованы, что, с одной стороны, делает хронологическую последовательность их восприятия совершенно свободной, а с другой — предполагает как минимум знакомство с ИТ или его переводом. Подобное изменение темпоральной составляющей создаёт новое интерпретационное поле игровых смыслов текста Барри: иллюстрации к определённым моментам ИТ становятся значимыми вне зависимости от их (пусть и вымышленной) хронологической последовательности, то есть повышается аксиологический статус каждой из ил-

люстраций Рэкхема независимо от её ценности в рамках интерпретации целостного текста. Комментарии к каждой из этих самостоятельных единиц иконического текста представляют собой две части: сначала указывается приблизительно соотносящийся с рисунком фрагмент ТП повести Барри на русском языке, а затем идёт собственно комментарий (исторический, культурологический, переводческий), зачастую поданный в игровом контексте: а) — *Конечно, это не наше дело, — заявили Мейми, пошептавшись между собой, старые деревья, — но нам кажется, что вы не имеете права находиться здесь в столь неуточный час*. — **В Кенсингтонском саду сегодня можно увидеть дерево эльфов — девятисотлетний дуб, в коре которого спрятаны фигурки эльфов, фей и птиц** (культурологический комментарий); б) *Вяз принялся охлопывать себя руками-ветками, в точности как кебмены, поджидающие на морозе седоков. — Кебмен — извозчик двухколёсного английского экипажа. Кебы и омнибусы (повозки, которые тянули лошади, предки современных автобусов) — основные транспортные средства в Лондоне в начале XX века* (исторический и переводческий комментарий).

Как нам представляется, подобные трансформации художественного текста и первоначально принадлежавших ему иллюстраций помогают значительно расширить прагматический потенциал ИТ и ТП. Повышение статуса иллюстраций как самостоятельно существующего в семиосфере иной культуры текста отражает ориентированность современной аксиологической параметризации текстового хронотопа, скорее, на иконическую составляющую, за счёт чего происходит расширение аудитории воспринимаемого текста и определённая его переоценка в соответствии с новыми критериями востребованности у аудитории.

Таким образом, при оценивании адекватности интерпретационных версий художественного текста, функционирующих в области разных семиосфер, могут быть успешно применены следующие лингвоаксиологические параметры: сохранение / изменение основных характеристик времени и пространства ИТ; номинаций и характеристик ключевых персонажей ИТ; игрового потенциала смыслов ИТ; соотношения вербального (условного) и иконического компонентов ИТ при его переводе в другие семиосферы. Расширение прагматического потенциала ИТ, функционирующего в иной семиосфере, позволяет стать тексту прецедентным и высоко востребованным в рамках семиосферы не только исходного, но и переводящего языка.

Библиографический список

Источники

1. *Барри Дж.М.* Питер Пэн в Кенсингтонском саду: Иллюстрации Артура Рэкхема; [комментарии О. Василиади]: набор открыток / Дж.М. Барри. — М.: ЗАО «Изд. Дом Мещерякова», 2011. — 48 открыток, *картон*.
2. *Заходер Б.В.* Винни-Пух и все-все-все / Б.В. Заходер // Избранное: Стихи, сказки, переводы и пересказы. — М.: Астрель : АСТ, 2001. — С. 341–554.
3. *Фаулз Дж.* Волхв: Роман / Дж. Фаулз; пер. с англ. Б. Кузьминского. — М.: Махаон, 2001. — 704 с.

4. *Fowles J. The Magus / J. Fowles.* — New York: Dell Publishing, 2008. — 668 p.

Литература

5. *Лотман Ю.М. О языке мультипликационных фильмов / Ю.М. Лотман // Ю.М. Лотман. Избранные статьи: В 3-х тт. — Т. 3. — Таллинн: Александра, 1993. — С. 323–325.*
6. *Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман.* — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — 704 с.
7. *Несбет Э. На чужом воздушном шаре: волшебник страны Оз и советская история воздухоплавания / Э. Несбет // Весёлые человечки: Культурные герои советского детства: сб. ст. / Сост. и ред. И. Кукулин, М. Липовецкий, М. Майофис. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — С. 181–203.*
8. *Хитрук Ф.С. Мультипликация в контексте художественной культуры / Ф.С. Хитрук // Проблемы синтеза в художественной культуре. — М.: Наука, 1985. — С. 7–24.*
9. *Zipes J. Breaking the Disney Spell / J. Zipes // Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / Ed. by P. Hunt. — Vol. 3: Cultural Contexts. — London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006. — P. 151–171.*

References

Istochniki

1. *Barri Dzh.M. Piter Pe'n v Kensingtonskom sadu: Ilustratsii Artura Re'kxema; [kommentarii O. Vasiliadi]: nabor otkry'tok / Dzh.M. Barri. — M.: ZAO «Izd. Dom Meshheryakova», 2011. — 48 otkry'tok, karton.*
2. *Zaxoder B.V. Vinni-Pux i vse-vse-vse / B.V. Zaxoder // Izbrannoe: stixi, skazki, perevody' i pereskazy'. — M.: Astrel': AST, 2001. — S. 341–554.*
3. *Faulz Dzh. Volxv: Roman / Dzh. Faulz; per. s angl. B. Kuz'minskogo. — M.: Maxaon, 2001. — 704 s.*
4. *Fowles J. The Magus / J. Fowles. — New York: Dell Publishing, 2008. — 668 p.*

Literatura

5. *Lotman Yu.M. O yazy'ke multiplikacionny'x fil'mov / Yu.M. Lotman. Izbranny'e stat'i: V 3-x tt. — T. 3. — Tallinn: Aleksandra, 1993. — S. 323–325.*
6. *Lotman Yu.M. Semiosfera / Yu.M. Lotman. — SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. — 704 s.*
7. *Nesbet E. Na chuzhom vozdushnom share: volshebник strany' Oz i sovetskaya istoriya vozduxoplavaniya / E. Nesbet // Vesyoly'e chelovechki: Kulurny'e geroi sovetskogo detstva: sb. st. / Sost. i red. I. Kukulin, M. Lipoveczkij, M. Majofis. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. — S. 181–203.*
8. *Xitruk F.S. Multiplikaciya v kontekste xudozhestvennoj kul'tury' / F.S. Xitruk // Problemy' sinteza v xudozhestvennoj kul'ture. — M.: Nauka, 1985. — S. 7–24.*
9. *Zipes J. Breaking the Disney Spell / J. Zipes // Children's Literature: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies / Ed. by P. Hunt. — Vol. 3: Cultural Contexts. — London, New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2006. — P. 151–171.*

В.А. Собянина

Суффиксация как один из способов словопроизводства немецких коллоквиализмов на основе терминологической лексики

В статье речь идёт о роли суффиксации в словообразовательных процессах, связанных с детерминологизацией специальных понятий в немецкой разговорной речи. Лексические единицы, образованные таким путём, выполняют в обиходе различные функции, прежде всего эмоционально-оценочную и экспрессивную, а также эвфемистическую. Преобладает отрицательная оценка некоторых аномальных наклонностей человека, выражающаяся чаще всего существительными с суффиксом *-itis*. Данный процесс имеет антропоцентрический характер.

The article focuses on suffixation and its role in derivation processes connected with determinologization of special notions in German colloquial speech. Lexical items thus derived perform various functions in everyday speech, primarily, emotional and evaluative, expressive as well as euphemistic. Predominant is negative evaluation of some deviant inclinations of a person which is expressed with the help of the suffix *-itis*. This process is of anthropocentric character.

Ключевые слова: суффиксация; детерминологизация; разговорная речь; функции лексических единиц; отрицательная оценка.

Key words: suffixation; determinologization; colloquial speech; functions of lexical units; negative evaluation.

Появление разговорных единиц на основе терминологической и профессиональной лексики происходит различными путями — семантическим, словообразовательным, семантико-словообразовательным, а также при помощи некоторых других способов, при этом в процессе словообразования участвуют как целые термины, так и их отдельные компоненты.

Словообразовательные процессы в разговорной речи охватывают значительную часть специальной лексики. Процентное соотношение этого способа

по сравнению с другими в словарях неодинаково. Анализ исследуемого материала показывает, что в 10-томном словаре Duden 20 % коллоквиализмов терминологического происхождения возникло словообразовательным путём [8], а в словаре разговорного языка Х. Кюппера их около 54% [10]. Остальная часть коллоквиальной лексики такого рода образовалась семантическим путём (доля других способов незначительна). Судя по словарю Duden, словообразовательных коллоквиализмов значительно меньше, чем разговорной лексики, возникшей семантическим путём. Словарь Х. Кюппера отражает примерное равенство и даже небольшой перевес словообразовательного способа. Если учесть, что в словаре Duden зафиксированы в основном коллоквиализмы узуального характера, а в словаре Х. Кюппера много окказионализмов (скорее, полуокказионализмов), то можно сделать вывод, что словообразовательные коллоквиализмы реже проникают в узус, и многие из них относятся к сфере окказионального. Этот факт, очевидно, объясняется тем, что семантические коллоквиализмы образуются на основе готовой формы и не претерпевают каких-либо изменений в плане выражения. Преобразование происходит только в плане содержания.

Словообразовательные коллоквиализмы характеризуются не только наличием семантических сдвигов, но прежде всего созданием новой формы — новой единицы, ранее отсутствовавшей в языке. Вероятно, новизна формы обуславливает менее активное проникновение разговорных слов такого рода в узус, так как система языка весьма консервативна и предпочитает придерживаться старых, привычных форм. Однако во многих случаях словообразовательные процессы базируются на семантическом переосмыслении отдельных компонентов, которое реализовывалось раньше.

Исследованием немецкого коллоквиального словообразования занимались В.Д. Девкин, Л.И. Полякова, И.В. Козырева, В.А. Заречнева, Л.С. Егорова, Л.С. Борисова, Н.В. Макарова и другие лингвисты, однако словообразовательные процессы в немецкой разговорной речи на основе терминологической лексики в трудах названных учёных затрагивались мало.

Как показывает анализ словообразовательных способов, большинство примеров разговорной лексики данного типа образовано путём словосложения (композиции) (около 84 % от всех словообразовательных коллоквиализмов), однако в предлагаемой статье хотелось бы остановиться на одном из способов словопроизводства — *суффиксации*, так как наиболее частотный способ словообразования — словосложение — был нами рассмотрен ранее в отдельной работе [6]. Словопроизводство представлено в исследуемых примерах немногочисленно (около 15 % от всех способов словообразования). Доля суффиксации в создании коллоквиализмов составляет 86 % от всех способов словопроизводства.

В процессе *суффиксации* принимают участие как суффиксы исконные, так и иностранного происхождения. Рассмотрим группу коллоквиализмов, которую можно назвать *псевдотерминологическими единицами*. Она наиболее продуктивна в данном процессе. Это существительные, образованные,

например, путём присоединения суффикса латинского происхождения *-itis* к базисным морфемам немецкого языка или заимствованным. Указанный суффикс является в специальной сфере терминологии специфическим средством для образования слов с терминологическим значением какой-либо болезни (медицинских терминов). Это так называемые псевдотермины, создаваемые в разговорной речи искусственно по аналогии с медицинскими терминами:

Telefonitis (разг. шутл.) — привычка подолгу говорить по телефону, почти болезнь: *Das Handy hatte Daniela vor etwas mehr als einem Jahr von ihren Eltern geschenkt bekommen. Die Gymnasiastin, die oft stundenlang vom elterlichen Anschluss aus telefonierte, sollte die Verantwortung für ihre Telefonitis selber übernehmen* [3: S. 15];

Radiatoritis — чрезмерное увлечение радиопередачами;

Pilleritis — страсть к частому употреблению таблеток; в некоторых случаях *-itis* присоединяется к терминологической основе: *Telefonitis* = *Telefon* + *itis*, но в большинстве случаев она является общеупотребительной, неспециальной.

Как показывают примеры, во всех случаях помимо дифференциальных сем можно выделить общую для всех сему — архисему «патология, отклонение от нормы, чрезмерное превышение нормы». Такие проявления воспринимаются нами уже как что-то похожее на болезнь. Данное значение созданному термину-коллоквиализму придаёт сам суффикс *-itis*. Таким образом, псевдотермины-коллоквиализмы, образованные при помощи суффикса латинского происхождения *-itis* со значением болезни, обозначают определённые аномальные наклонности человека, чрезмерное, иногда болезненное увлечение чем-то, воспринимаемое уже как некоторое отклонение от общепринятого: *Schenkeritis* — помешанность на подарках; *Rederitis* — страсть к болтовне, сверхболтливость, «недержание» речи; *Testeritis* — постоянное использование тестов для оценивания общественного мнения, уровня знаний и т. п.; *Totoritis* — страсть к игре в лото и тотализаторы. Аналогичные выводы были сделаны Н.А. Антроповой в монографии «Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики»: «Суффикс *-itis* и его расширенные варианты *-ritis*, *-eritis* встречаются в производных словах, обозначающих склонности, привычки людей, превратившиеся в нечто затянувшееся (возможно, обременительное, надоевшее, неприятное) или распространяющееся (заразное), воспринимаемое как заболевание» [5: с. 88].

Но иногда такие псевдотермины являются разговорными синонимами медицинских терминов, выполняющими, например, эвфемистическую или юмористическую функции: *Galoppitis* — диарея; *Renneritis* — диарея. В некоторых случаях базисная морфема, производящая основа — это уже стилистически отмеченная лексическая единица, которая придаёт всему слову стилистическую маркированность. Все термины, образованные подобным путём, имеют коннотацию осуждения определённых явлений в человеческой жизни: насмешки, иронии и т. д.: *Schwätzeritis* — болтливость, предрасположенность к болтовне; *Scheißeritis*, *Schieteritis* — диарея.

Следует отметить, что большая часть обозначений с указанным суффиксом была получена из словаря Х. Кюппера [10] и лишь немногие примеры зафиксированы в десятитомном Duden [8]. Отдельными примерами представлены также единицы с суффиксом *-ose*, который в медицинской сфере также образует названия болезней: *Tachinose* — нежелание работать, уклонение от работы, службы. Это слово появилось в разговорной речи по аналогии с медицинскими понятиями *Trichinose*, *Sklerose*. Глагол *tachinieren* в немецком языке имеет разговорное значение «лодырничать, уваливать от работы». Данная единица зафиксирована не только у Х. Кюппера [10], но и в словаре Duden с пометой «разговорно-шутливое» [8].

Таким образом, можно заметить следующую закономерность: терминологические суффиксы *-itis* и *-ose*, являющиеся терминоэлементами, при переходе в разговорную речь приобретают экспрессивно-оценочные коннотации, которые нетипичны для лексики и элементов специальных сфер. Все эти факты свидетельствуют о смене функций не только отдельных слов при переходе в иную среду функционирования, но и отдельных словообразовательных компонентов. Данный вывод подтверждается также относительно некоторых других суффиксов.

Суффикс греческого происхождения *-loge* аналогичным образом участвует в создании коллоквиализмов-псевдотерминов, так как служит, в первую очередь, для образования слов с терминологическим значением, обозначающих учёных, специалистов в различных областях. Этот суффикс в коллоквиализмах служит для обозначения лиц по профессии, специальности или роду занятий. Однако в отличие от слов, образованных при помощи суффикса *-itis*, имеющих чаще всего коннотацию осуждения нежелательного явления, в данном случае наблюдается явление мелиорации — повышение престижа того или иного занятия, а также эвфемистический и юмористический эффект:

Knastologe (разг. шутл.) — «специалист по тюрьмам», заключённый: *Als Knastologe ersten Ranges zeigte sich Horst Corell, denn 25 jährige Erfahrung in gesiebter Luft lassen allerhand Streiche aufkommen...* [2];

Drogeriologe — торговец наркотиками;

Bierologe — «специалист» по пиву, любитель пива.

При всей разнице в значениях этих слов можно выделить общие семы — «совершенство, искусство в овладении чем-либо», «высокая, большая интенсивность проявления чего-либо», «квалифицированный специалист в своей области»:

Potologe — наркоман, употребляющий гашиш (*Pot* из английского сленга — наркотик);

Spickologe — ученик, умело использующий шпаргалки;

Promillologe — (молодеж.) 1. пьяница; 2. полицейский с алкотестером.

Но иногда базисные морфемы являются отмеченными в стилистическом отношении. Это сниженная лексика, и коллоквиализмы, образованные на её основе, являются сниженными синонимами общелитературных слов, обозначающих один из аспектов того или иного рода деятельности. В таких случаях

происходит взаимодействие двух противоположных явлений — *мелиорации* и *пейорации*: суффикс **-loge** мелиорирует слово, а стилистически маркированный базис придаёт ему пейоративное значение: **Arschöologe** (вульг.) — уролог; **Mistologe** (от *Mist* — «навоз») — студент сельскохозяйственного вуза. Таким образом, здесь можно говорить об энантиосемии — наличии противоположных значений в структуре слова.

Подобное явление прослеживается и при образовании слов с помощью суффикса **-logie**, обозначающего большей частью сам род занятий или профессию, а также науку. Коллоквиализмы выступают в значении «высокая квалификация по тому или иному виду деятельности, роду занятий»: **Grabbologie**; G. studieren — eine weibliche Person intim betasten; **Spickologie** — gründliche Kenntnis von der Art und Weise, wie man in der Schule täuschen kann. Суффикс **-logie** в своем терминологическом значении является обозначением какой-либо науки, а в процессе коллоквиализации он становится составной частью слов, обозначающих род занятий, деятельность вообще, которые как бы возводятся в ранг науки, причём большей частью обозначается нечто запретное или осуждаемое обществом: **Knastologie** (разг. шутл.) — наука о тюремной жизни; **Schwindologie** — искусство лжи, обмана; мошенничество.

Подобные процессы словообразования происходят с аналогичным суффиксом в русской разговорной речи: **болтология** (презр., разг.) — пустые разговоры, бесплодные рассуждения, облакаемые в серьезную форму [7: с. 53]. Слово в этом случае получает отрицательную оценочность.

Разговорные единицы с вышеназванными суффиксами зафиксированы в значительном количестве в словаре разговорной лексики Х. Кюппера [10] (около 80% всех единиц такого рода), однако некоторые случаи выявляются как в других словарях [8], так и подтверждаются более новыми примерами в корпусах текстов Института немецкого языка в Мангейме [4].

В исследуемом материале выявлены также другие, менее частотные суффиксы, принимающие участие в образовании немецких разговорных единиц. Коллоквиализмы-существительные, образованные при помощи суффиксов **-phon** и **-skop**, обозначают бытовые предметы, а не приборы из различных специальных сфер, как это принято в терминологических областях: **Glötzophon**: (фам. шутл.) телевизор (ср. рус. телевизор — «ящик»): *Weiß Gott, nicht jeden Abend bereitet das Glötzophon eitel Freude* [8]. Довольно многочисленными примерами подтверждаются случаи использования этого слова в корпусах текстов Института немецкого языка (Мангейм) [4]. Приведём один из таких примеров: *Das Finale zwischen Brasilien und Italien verfolgten 1,5 Milliarden Menschen vor dem Glötzophon* [1]. Примечательно, что базисная морфема — это отмеченное в стилистическом отношении слово **glotzen** — «тарашить, выпучить глаза», или же слова диалектного характера, а также сленгизмы: н.-нем. *kieken* — «глядеть, глазеть» (разг. *gucken*) послужили основой для образования слова **Kiekophon** — очки. В специальной сфере суффикс **-skop** служит для обозначения оптических, а также других при-

боров, что и повлекло, например, появление лексической единицы со значением «очки»: *Glotzoskop* — очки.

Существительные, в состав которых входит суффикс *-ist*, употребляются при обозначении лиц с определённой манерой поведения, жизненной установкой: *Glotzophonist* — тот, что без разбора смотрит все передачи по телевизору; *Vitaminist* — человек с хорошими связями. В первом случае лексическая единица образуется на основе двух стадий словопроизводства, двойной суффиксации. Сначала образуется *Glotzophon* (*glotz* + *o* + *phon*), а затем к данному слову прибавляется суффикс *-ist*. В предпоследнем случае *-ist* присоединяется к уже готовому термину-коллоквиализму, образованному семантическим путём — путём метафорического переноса: *Vitamin(B)*: «иметь связи с влиятельными людьми», отсюда произошло *Vitaminist*. Связи для людей определённого сорта являются таким же жизненно важным средством существования, как витамины для человека.

Рассмотрим единицы, возникшие при помощи исконных суффиксов и терминологических основ. В отличие от псевдотерминологических коллоквиализмов здесь обязательна терминологическая основа, а сам суффикс не обладает специальным значением. Суффикс *-keit* придаёт коллоквиализмам, образованным на базе специальной лексики, значение качеств, характеристик людей, а также значение собирательности, обобщённости, чаще всего с оттенком осуждения: *Schmalspurigkeit* (*Schmalspur* — *жел.-дор.* узкая колея) — ограниченность, узость (образования, кругозора и пр.); *Großspurigkeit* — жить на широкую ногу.

Существительные с суффиксами *-erei*, *-elei* обозначают деятельность, поступки людей с оценочной, большей частью отрицательной характеристикой, с оттенком осуждения, пренебрежения: *Haspelei* (*Haspel* — *текстильн.* мотовило) (*уничиж.*) — говорить быстро и невнятно, невнятной скороговоркой.

Для обозначения лиц женского пола используется суффикс *-chen*. Единицы с таким суффиксом имеют как оттенок уменьшительности, ласкательности, так и ироническую коннотацию: *Atömchen* — ласковое обращение к женщине; *Satellitchen* — подруга молодого человека.

Как показывает анализ лексики, большая часть разговорных единиц, появляющихся путём суффиксации, относится к существительным (около 85 %). Лишь незначительная часть их относится к прилагательным.

При образовании прилагательных чаще всего встречается суффикс *-ig*. Существительные с таким суффиксом обозначают положительные или отрицательные внешние и внутренние качества человека (с точки зрения говорящих): *bombig* (*пазг.*) — удивительный, превосходный; *schockbombig* — впечатляющий, шокирующий; *großspurig* (*уничиж.*) — кичливый, надменный; *hasplig* (*пазг.*) — беспокойно вести себя, суетливо; сумбурно говорить. Для образования прилагательных используются также некоторые другие суффиксы: *atomfrei* — *ohne heikle Gesichtspunkte*.

В языке молодежи актуальность имеет также суффикс *-i* и суффиксоид *-mäßig*, присоединяющиеся к лексике терминологического происхожде-

ния: *Kloni* — Person, an der alles (super-) perfekt zu sein scheint: *Diese Klonis kann ich einfach nicht ab!*; *Proggi* (Denk-) — Programm: *Lass mal dein Proggi reparieren, ja!* [9]; *granatenmäßig, bombenmäßig* — великолепно, фантастика.

На основе вышеизложенного можно установить определённые закономерности употребления суффиксов. Прежде всего необходимо заметить, что слова, образованные при помощи суффиксов, могут иметь положительную или отрицательную оценочность, например, суффикс *-itis* выражает отрицательное отношение, а суффикс *-loge* связан с эвфемизацией. Некоторые суффиксы участвуют в образовании как положительной, так и отрицательной оценки: *-er, -ist, -chen*.

Выявляется также регулярность распределения суффиксов по определённым тематическим группировкам. Как видно из примеров, тематика в основном сконцентрирована на человеке. Таким образом, *антропоцентричность* распространяется и на словообразовательные процессы:

- обозначение лиц по роду занятий, профессии: *-loge, -ist*;
- обозначение лиц по манере поведения, жизненной установке: *-er, -ist*;
- манера поведения, действия, поступки, деятельность: *-itis, -ose, -erei, -elei, -keit, -logie*;
- обозначение лиц женского пола: *-chen*;
- предметы быта, принадлежности: *-phon, -skop*;
- качества, свойства: *-ig*.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о важной роли суффиксации в словообразовательных процессах, связанных с детерминологизацией специальных слов, и о появлении коллоквиальных единиц при помощи суффиксов на их основе. Она выполняет важные функции в немецкой разговорной речи. Единицы такого рода весьма оригинальны. Как правило, они оценочны и экспрессивны.

Библиографический список

Источники

1. Kleine Zeitung – 08.06.1998.
2. Mannheimer Morgen – 10.02.1998.
3. Züricher Tagesanzeiger – 08.02.2000.
4. Das Portal für die Korpusrecherche in den Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache. – URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/>, свободный.

Литература

5. Антропова Н.А. Словообразование в сфере немецкой разговорной лексики (имя существительное: деривация, префиксация, полуаффиксация): монография / Н.А. Антропова. – Чита: ЗИП СибУПК, 2003. – 220 с.
6. Собянина В.А. Роль терминологической лексики в образовании коллоквиальных композитов в немецком языке / В.А. Собянина // Актуальные проблемы современного словообразования: тр. межд. науч. конф. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2006. – С. 218–221.

Справочные и информационные издания

7. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. – СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999. – 4800 S.
9. *Ehmann H.* Voll konkret: Das neueste Lexikon der Jugendsprache / H. Ehmann. – München: Beck, 2001. – 160 S.
10. *Küpper H.* PONS-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart: Klett, 1990. – 959 S.

References***Istochniki***

1. Kleine Zeitung – 08.06.1998.
2. Mannheimer Morgen – 10.02.1998.
3. Züricher Tagesanzeiger – 08.02.2000.
4. Das Portal für die Korpusrecherche in den Textkorpora des Instituts für Deutsche Sprache. – URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/>, svobodny'j.

Literatura

5. *Antropova N.A.* Slovoobrazovanie v sfere nemeckoj razgovornoj leksiki (imya sushhestvitel'noe: derivaciya, prefiksaciya, poluaffiksaciya): monografiya / N.A. Antropova. – Chita: ZIP SibUPK, 2003. – 220 s.
6. *Sobyanina V.A.* Rol' terminologicheskoy leksiki v obrazovanii kollokvial'ny'x kompozitov v nemeckom yazy'ke / V.A. Sobyanina // Aktual'ny'e problemy' sovremennogo slovoobrazovaniya: tr. mezhd. nauch. konf. – Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 2006. – S. 218–221.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. *Ximik V.V.* Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj e'kspressivnoj rechi / V.V. Ximik. – SPb.: Norint, 2004. – 768 s.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999. – 4800 S.
9. *Ehmann H.* Voll konkret: Das neueste Lexikon der Jugendsprache / H. Ehmann. – München: Beck, 2001. – 160 S.
10. *Küpper H.* PONS-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küpper. – Stuttgart: Klett, 1990. – 959 S.

О.Г. Чупрына

Эволюция языковой репрезентации понятия *судьба* в английском языке

Языковая репрезентация понятия *судьба* в английском языке складывалась под влиянием мировосприятия, доминировавшего в разные периоды развития английского языкового сообщества и литературных традиций.

Linguistic representation of the concept of *fortune* has been forming in English under the influence of world views prevailing in different periods in the history of English-speaking society and literature traditions.

Ключевые слова: языковая репрезентация; понятие *судьба*; культурно-языковая парадигма; древнеанглийский; среднеанглийский.

Key words: linguistic representation; concept of fortune; linguo-cultural paradigm; Old English; Middle English.

Ключевым словом в обширной группе слов, которые в древнеанглийском языке соотносились с понятием *судьба*, было существительное *wurd*. Это слово отличалось насыщенным денотативным и сигнификативным содержанием, что может быть подтверждено двумя обстоятельствами. Первое состоит в том, что в латинских глоссах оно приводится в качестве соответствия нескольким латинским словам: *casibus* «случай, нечто случившееся», *eventus* «участь, удел, судьба», *fati / fata / fatis* от *fatum* «рок, судьба», *fors* «случай, случайность», *fortuna* «судьба, удел», *sortem* «жребий, удел, участь» [12]. Ко второму следует отнести широкое употребление *wurd* в текстах разных жанров и содержания, включая переводные произведения. Несмотря на то, что семантическую мотивировку *wurd* достаточно легко обнаружить, связав его с индоевропейским корнем **uer-t-* «вращать, крутить» (да. *weorðan*, г. *waigrān*, дск. *weġda* «становиться, превращаться, случаться, ди. *uŕðr*, двн. *wurt* «рок, судьба»), можно предположить, что метафорический сдвиг *повернувшееся / обернувшееся (чем-либо) → судьба* не был прямолинейным (от конкретного к абстрактному), но сопровождался более сложным понятийным картированием и дополнительными семантическими переходами. Существительное *wurd* принадлежало к склонению на *-i*. Исконные древнегерманские существительные женского рода на *-i* представляли собой замкнутую группу и обозначали одушевлённые имена и персонифицированные абстрактные имена. Соответственно древнеисландское *Urðr* и древнеанглийское *Wurd* функционировали и как имена Парки, что подтверждается латинско-древнеанглийскими глоссами: *Wyrde Parcae* [12: с. 116]. Отождествление *Wurd* с именем Парки отмечается только в глоссах, но не подтверждается текстами.

В древнеанглийских текстах, которые условно можно отнести к традиционной и переходной культурно-языковым парадигмам [7], раскрывается представление о **неведомости** судьбы. Его несложно различить в сочетании существительного *wyrd* с формами глагола *cunnan* «знать, ведать»: *Wyrd ne cuþon* (Beo 1233) «судьбы не ведали»; *wyrd ne ful cuþe* (Jul 33) «судьбы совсем не знал»¹.

В текстах, которые более тяготеют к учёной парадигме, также присутствует смысл неведомости судьбы, например, в «Elene»: *uncuðe wyrd* (1102) «неведомая судьба». В учёной парадигме смысл неведомости усложняется за счёт появления смысла **таинственности**: *wyrda geryno* (El 589, 977) «загадка (тайна) судьбы», *dygle wyrd* «таинственная, сокрытая судьба» (El 542). Таинственность в подобных текстах предстает как **воля или повеление судьбы**, о чём свидетельствует сочетание *wyrd* с существительным *gesceaft* (<*scyppan* «создавать, делать») «повеление, предопределение, воля, судьба». Божественная сила или Божественное откровение делают волю судьбы явной. Советники Навуходносора в поэме «Daniel» не могут раскрыть волю судьбы — *wyrda gesceaft* (137) (букв. выполнение, сотворение судьбы), поскольку язычникам недоступно божественное откровение, её раскрывает ветхозаветный пророк Даниил.

В текстах, соотносимых с традиционной и переходной культурно-языковыми парадигмами, с одной стороны, имеет место **противопоставление судьбы и Бога**: *Wyrd biþ swiþre, // meotud meahþigra þonne ænges monnes gehygd* (Seef 115–116) «судьба сильнее, Бог / Творец мощнее, чем мысль любого человека». С другой стороны, судьба воспринимается как **атрибут власти Бога** и как **сам Творец**: *swá unc wyrd geteod // metod manna gehwæs* (Beo 2526–2527) «как воздаст нам (Беовульф и Гренделю) судьба, Творец всех людей». В текстах, в которых христианские воззрения и сюжеты из Библии доминируют, по отношению к Богу используется устойчивый эпитет *wyrda waldend* «повелитель судьбы» (Andr. 1566; El. 80).

Предопределение, воля судьбы **определяют всё в мире и жизни** человека: *Eall is earfoðlic eorþan rice, onwended wyrda gesceaft weoruld under heofonum* (Seef 106–108) «Всё беспокойно в земном царстве, мир под небесами меняется по воле судьбы». Судьба может настичь за содеянное: *Us seo wyrd scyðeð, // heard ond hetegrim* (Andr. 1561–1562) «Нас судьба уничтожает, жестоко и ужасно». Но судьба спасает бесстрашного: *wyrd oft nereþ // unfægne eorl* (Beo 573–574) «судьба часто спасает бесстрашного князя». Следовательно, хотя судьба **неотвратима**, храбростью и бесстрашием можно получить её **благосклонность**.

Смысл судьбы как **последовательности событий** в жизни человека можно реконструировать в сочетаниях существительных *wyrd*, *gesceaft* с глаголами *gān* «идти», *hweorfan* «идти, поворачиваться, происходить», *cyrran* «идти, поворачиваться».

Судьба ассоциируется со **смертью**, что подтверждается как значениями сложных слов, один из компонентов которых — лексема со значением судьба: *forwyrd* «гибель, смерть», *gesceaphwīl*, *mālgescraft*, *meotodsceaft* «урочный час, роковой час, смерть», так и контекстными связями слов, обозначающих

¹ Древнеанглийские примеры приводятся по [4].

судьбу, с глаголами гибели и разрушения. Смысл смерти очевиден в словосочетании *wyrd un(ig)mete* (Вео 2420) букв. «встреча с судьбой».

Единственно возможные эпитеты по отношению к судьбе либо носят возвышенный характер — *mære* «славный, великолепный», либо соотносятся с понятием **жестокость** — *grim* «жестокий», *wrāþ* «свирепый», *egeslic*, «ужасный», *lād* «пагубный, жестокий». Употребление слов со значением «судьба» в древнеанглийском языке свидетельствует о том, что, хотя судьба наделяется свойствами и качествами человека, она не предстает в образе человека.

Формирование представлений о судьбе, которые вбирали в себя идеи античности и христианские воззрения на мироустройство, происходило в древнеанглийский период под значительным влиянием известного трактата «Утешение философии» Боэция, перевод которого выполнил король Альфред. Боэций воспринимает судьбу как силу, правящую Вселенной, но при этом она связана с другой силой, отношения с которой римский философ оставляет неясными. Альфред выделяет в понятии *судьба* (*fortuna*) те же функциональные компоненты, которые есть у Боэция, но они принципиально отличаются от последних. Это *wyrd* «судьба», *Wisdom* «мудрость, разум», *woroldsǣlða* «земные блага, земное счастье» и «случай» (*gelimp, gelimpan*). Для передачи латинских *fatum* и *fortuna* Альфред пользуется словами *wyrd, gesceaft, gebyrd, gesceap* и вводит новые. В переводе, который не является дословным, но содержание которого во многом отразило взгляды самого Альфреда, *wyrd* оказалось вовлечённым в одну семантическую и понятийную область с такими словами, как *foreþonc* «предвидение, провидение», *foresceáwung* «провидение, Божий промысел», *forestihung* «предопределение», *foreteohung* «предопределение, предназначение», *gesetnes* «положение, традиция, предопределение». Альфред объясняет, что *wyrd* — это исполнившееся Провидение (*foreþonc*) и Божий Промысел (*foresceáwung*): *Ðæt ðætte wé hátaþ Godes foreþonc and his foresceáwung, ...siððan hit fullfremed bið, ðonne hátaþ wé hit wyrd* (21) «то, что мы называем Божьим Промыслом и Провидением... как только это исполнено, так называем мы это судьбой». *Wyrd* предстаёт как инструмент и ежедневный труд Бога: *Ðæt ðæt wé wyrd hátaþ, ðæt biþ Godes weorc ðe hé ðelce dæg wyrp* (220) «то, что мы называем судьбой, то есть труд Бога, который он каждый день выполняет». Таким образом, в учёной культурно-языковой парадигме понятие, выражаемое *wyrd*, утрачивает самостоятельность и неотделимо от понятий Божьего Промысла и Провидения. Боэций раскрывает представление об изменчивой судьбе и вводит представление о колесе судьбы. И хотя само по себе это представление намного старше сочинения Боэция, средневековая Европа знакомится с его философским толкованием благодаря этому труду. Боэций говорит о том, что земные блага преходящи, благополучие и радость сменяются нищетой и несчастьем, и объясняет подобную смену действием Судьбы, вращающей колесо, на котором находятся все — и короли, и простые люди. В переводе появляется новое представление судьбы, которое Альфред калькировал с латинского — *hwerfende hweol* «вращающееся колесо» *Ac ale gesceaft hwearfad on hire selfre swa swa hweol* (25, 30) «но судьба обернулась вокруг себя подобно колесу».

Смена эпох после Нормандского завоевания, перестройка религиозного и светского мировосприятия, отмирание прежних литературных традиций и вытеснение английского языка в периферийные сферы приостанавливают развитие художественного и философского воплощения представлений о судьбе. Нет сомнения, что в стихии повседневного общения к судьбе обращались, объясняли события жизни её волей. Однако в первые полтора века после Нормандского завоевания на английском языке не были созданы сколь-нибудь значительные в художественном или мировоззренческом отношении произведения, в которых шла бы речь о смысле судьбы. Сохранившиеся тексты этого периода представляют собой либо религиозные наставления, как, например, «Ancrene Wisse», либо проповеди («Ormulum»), либо полувывымышленные летописи Британии, как, например, «Brut». В них репрезентация понятия *судьба* неотделима от представления счастья, благополучия, или несчастья, неблагополучия. Полиморфность смыслов *судьба*, *счастье*, *благополучие* очевидна в семантике существительного *selhthe* (< да. *sælehdæ*, *sældæ*). В «Ancrene Wisse» понятие несчастной судьбы, несчастья передаётся производными с исконным префиксом *un-*: *unhap* (*hap* < дск. *happ* «удача, случай»), *unlimp*, *unselhthe*.

С начала XIV века происходит не только изменение взглядов на судьбу, но заменяется весь семиотический фрагмент *судьба* в языковой модели мира. Унаследованные от древнеанглийского периода формы языковой репрезентации рассматриваемого понятия вытесняются новыми, латинскими по происхождению, но заимствованными из французского языка: *fortune*, *chaunce*, *destinee*, *fate*, *sort*. Согласно лексикографическим данным, включение этих слов в лексический состав английского языка заняло более полутора веков — с 1200 года по 1374 год [9]. Англо-латинский словарь, составленный в первой половине XV века, приводит одни и те же латинские эквиваленты для лексем *fortune* и *happe*, — *Fortuna*, *eventus*, *casus* [11: с. 173, 226]. С другой стороны, в этом же словаре *happe* связано с *desteyne*: *deseyne or happe* — *Fatum* [11: с. 120]. Хотя «Исторический тезаурус» [9] относит лексему *fate* к среднеанглийскому периоду, Англо-латинский словарь [11] и Словарь среднеанглийского языка [10] её не фиксируют.

Формирование представлений о судьбе и их языковых манифестаций в конце XIV века – первой половине XV века неотделимо от становления новой литературной традиции, которая начинается с Чосера, Гауэра и Лидгейта. В их поэтических произведениях очевидно стремление сблизить противоположные социальные, культурные и религиозные ценности, соединить античную мифологию и современные образы. Обращаясь к латинским, старо- и среднефранцузским текстам, поэты создавали новую светскую литературу и различными языковыми средствами и стилистическими приёмами формулировали основные мировоззренческие категории, среди которых *судьба* занимала одно из центральных мест.

В языковой репрезентации *судьбы* этого периода доминирует представление судьбы в образе богини, что отражается в написании слова *Fortune* с большой буквы. В условиях разрушившейся грамматической категории рода использова-

ние притяжательного местоимения *her / hir* «её» по отношению к обозначениям атрибутов *судьбы-fortune* служит эксплицитным представлением женского образа судьбы. В аллегорической поэме «The Assembly of Gods» Fortune предстает богиней, сидящей рядом с Плутоном. В «Кентерберийских рассказах» антропоморфные характеристики судьбы дополняются желанием судьбы **благоволить** человеку (*glosen*) или **сбрасывать** его с колеса (*overthrowe*).

Цвет вовлекается в ментальную и языковую репрезентацию судьбы. Зрительный образ судьбы создается с помощью многоцветных красок, которыми рисуют её лицо, чтобы передать её изменчивость и непостоянство. В «The Assembly of Gods» подобный зрительный образ перекликается с образом вербальным: *Fortune the goddesse, with her party face, / Was unto Pluto next in ordre set. / Varyaunt she was, ay in short space; / Hyr whele was redy to turne without let. / Hyr gownne was of gawdy grene chamelet, / Chaungeable of sondry dyverse colowres, / To the condycyons accordyng of hyr shoures* (316–322) «Многоликая Богиня Судьба была следующая по порядку сидящая рядом с Плутоном. Изменчивой она была в короткие сроки; Её колесо было готово к вращению без промедления. Её платье из яркого зелёного камелота меняется отдельными, различными цветами в соответствии с тем, как она пожелает» (здесь и далее перевод наш. — О. Ч.).

Изменчивость, как основная характеристика судьбы, становится ведущим смыслом в её представлении в произведениях среднеанглийского периода. Судьба вращает колесо (*turnaien*), на котором располагаются люди. По её воле они поднимаются вверх и падают вниз: *The harm of hem that stode in heigh degree, / And fillen so, that ther nas no remedie / To brynge hem out of hir adversitee. / For certein, whan that Fortune list to flee, / Ther may no man the cours of hire withholde* (Chaucer «Monk's Tale» 104–108)¹ «несчастье тех, кто стоял высоко, и упал так, что нет никакого лекарства, чтобы вытащить его из бедствий. Известно, что, когда Судьба желает убежать, никто не может удержать её движение».

Такие эпитеты судьбы и вращаемого ею колеса, как *blind* «слепая», *false*, *treacherous* (wheel) «лживое», «предательское» (колесо), появляются у Чосера и повторяются в более поздних произведениях. Смысл неведомости судьбы прирастает смыслами **неуверенности** в судьбе — *thanked be Fortune, and hir false wheel, That noon estaat assureth to be weel* (Chaucer «Knight's Tale» 67–68) «благодаря Судьбе и её лживому колесу никто не уверен в благополучии», а также и **недоверия** к судьбе — *lo, who may truste on Fortune any throwe?* «вот! Кто может доверять движениям судьбы?» (Chaucer «Hercules» 248).

Чосер сближает несчастную судьбу и **женщину как её причину**. В «Рассказе Монаха» есть такие строки: *But soone shal he wepen many a teere, / For wommen shal hym brynge to meschaunce!* (175–176) «вскоре прольёт он много слёз, поскольку женщины доведут его до несчастья (несчастной судьбы)».

В новый период развития английского языка квинтэссенция представлений о судьбе и их языковых репрезентаций сосредоточена в произведениях Шекспира. А.И. Полторацкий указывал на то, что «концептуальный аппарат, которым

¹ Среднеанглийские примеры приводятся по [3].

пользуются, рассуждая о судьбе, шекспировские персонажи, отчётлив и прост. Его состав ограничен всего тремя словами / понятиями: FATE (ед.ч. 45, мн.ч. 15), DESTINY (ед.ч. 22, мн.ч. 7), FORTUNE (ед.ч. 391, мн.ч. 124)» [8: с. 260]. У Шекспира все три понятия персонифицированы — *fate* и *destiny* выступают прямыми номинациями трёх сестёр. «Характерно, что для них нельзя установить потенциальный грамматический род или пол, так как ни в одном из контекстов нет соотнесённого с ними личного местоимения третьего лица или каких-либо других показателей рода / пола» [8: с. 261]. Что же касается лексемы *fortune*, то Шекспир продолжает тенденцию, наметившуюся в средний период, и использует личное местоимение *she* по отношению к имени собственному *Fortune*.

В современном английском языке центральными, передающими целостное представление о судьбе, по-прежнему остаются существительные *fate*, *destiny*, *fortune*. Самый очевидный референт судьбы-*fate* в современной языковой картине — **несвобода**: *Whatever limits us we call fate* («Всё, что нас ограничивает, мы называем судьбой»)¹. Будучи соотнесённой с понятием несвободы, судьба-*fate* оказывается противопоставленной парадигматическому ряду *thought*, *mind*, *soul*. Свободный разум человека, его смелая душа делают человека внутренне свободным от судьбы: *There is no chance, no destiny, no fate, that can hinder or control the firm resolve of a determined soul* («Нет такого случая, нет такого предназначения, нет такой судьбы, которые могут помешать или сдержать душу, полную твёрдой решимости»); *men are not prisoners of fate, but only prisoners of their own minds* («люди не пленники судьбы, они пленники своего собственного разума»). *Fate*, *death*, *time* образуют единый ассоциативный ряд в семантическом поле судьбы — все они соотносятся с представлением о смерти. *Fate*-судьба соотносится со смертью ассоциативно, но не семантически, хотя семантика смерти заключена в современных прилагательном *fatal* и фразеологизме *to meet one's fate* (ср. да. *wyrd un(ig)mete*).

В языковом сознании судьбе *fate* и *destiny* противопоставлены разнообразные активные действия, получающие языковые выражения в глаголах *to act* «действовать», *to labor*, *to work* «трудиться, работать», *to pursue* «искать, добиваться», *to control* «управлять», *to struggle* «бороться», *to change* «менять», *to escape* «избегать».

Судьба монотонна и однообразна — и *fate*, и *destiny случаются (happen)* и *выпадают (fall)*. Проявления судьбы-*fortune* более многолики — *fortune* не только *случается*, но и *предлагаем (to offer)*, что, впрочем, может совершать и *destiny*), *приносит (to bring)*, *улыбается (to smile)*, *благоволит (to favor)*.

Из античности, от Плуларха и Сенеки в английской языковой картине сохраняется представление о том, что никакое действие или бездействие человека не остановят **диктат судьбы-*fate***. Оно зафиксировано в известной поговорке: *Fate leads the willing and drags the stubborn* («Упорного судьба ведёт, а упрямого тащит»).

Судьба-*destiny* тоже **высшего происхождения**: *nature is at work. Character and destiny are her handiwork* («природа трудится. Характер и судьба — тво-

¹ Примеры из современного английского языка приводятся по [5].

рения её рук»). Но она не над человеком, она в нём самом: *Sow a thought and you reap an action; sow an act and you reap a habit; sow a habit and you reap a character; sow a character and you reap a destiny* («Посей мысль, пожнёшь поступок. Посей поступок, пожнёшь привычку. Посей привычку, пожнёшь характер. Посей характер, пожнёшь судьбу»).

Современное языковое сознание фиксирует **женский взгляд** на судьбу-*destiny*, женское суждение о *destiny*: *destiny is something men select; women achieve it only by default or stupendous suffering* («судьба — это нечто, что выбирают мужчины; женщины добиваются её только путём несоблюдения правил или великими страданиями»). Любопытно заметить, что романы о героях-мужчинах, успешно преодолевающих перипетии судьбы, называются «Sons of **Fortune**», «Fools of **Fortune**» [2; 6]. Путь к судьбе-*fortune* лежит через **преодоление** *fate*. В романе «*Fortune is a woman*»: *two bold-spirited women... struggle to escape the bonds of fate* «сильные духом женщины стараются изо всех сил, чтобы выбраться из оков судьбы» [1] и добиваются счастья, и потому они сама судьба.

Библиографический список

Источники

1. *Adler E.* Fortune is a Woman / E. Adler. – N-Y: Dell, 1992. – 592 p.
2. *Archer J.* Sons of Fortune / J. Archer. – N-Y: St. Martin's Paperbacks, 2003. – 544 p.
3. Corpus of Middle English Prose and Verse. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/cme/browse.html>
4. Labyrinth Library: Old English. – URL: <http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/oe.htm>
5. Quotes and Poems. – URL: www.quotesandpoem.com
6. *Trevor W.* Fools of Fortune / W. Trevor. – Lnd: Penguin Books, 1984. – 192 p.

Литература

7. *Чупрына О.Г.* Проблема описания семантики древнего слова (на материале древнеанглийского языка) / О.Г. Чупрына // Язык в проблемном поле гуманитаристики: коллектив. монография. – Архангельск: Поморский университет, 2010. – С. 126–156.
8. *Полторацкий А.И.* Судьба у Шекспира / А.И. Полторацкий // Понятие судьбы в контексте разных культур / Сост. Т. Б. Князевская; под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1994. – С. 260–268.

Справочные и информационные издания

9. Historical Thesaurus of English. – URL: <http://libra.englant.arts.gla.ac.uk/historicalthesaurus/>
10. A Middle-English Dictionary by Francis Henry Stratmann, a new edition, re-arranged, revised and enlarged by Henry Bradley. Oxford: Oxford University Press, 1940. – 709 p. – URL: <http://www.archive.org/details/middleenglishdic00stra>
11. Promptorium Parvulorum Sive Clericorum: Lexicon Anglo-Latinum Princeps, Vol. 1. – Lnd: Soc. Camdenensis, 1843. – 342 p. – URL: http://books.google.ru/books/about/Promptorium_parvulorum

12. *Wright Th.* A Volume of Vocabularies: Illustrating the Condition and Manners of Our Forefathers / Th. Wright. – Privately printed, 1857. – 327 p. – URL: http://books.google.ru/books/about/A_volume_of_vocabularies.html

References

Istochniki

1. *Adler E.* Fortune is a Woman / E. Adler. – N-Y: Dell, 1992. – 592 p.
2. *Archer J.* Sons of Fortune / J. Archer. – N-Y: St. Martin's Paperbacks, 2003. – 544 p.
3. Corpus of Middle English Prose and Verse. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/cme/browse.html>
4. Labyrinth Library: Old English. – URL: <http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/oe.htm>
5. Quotes and Poems. – URL: www.quotesandpoem.com
6. *Trevor W.* Fools of Fortune / W. Trevor. – Lnd: Penguin Books, 1984. – 192 p.

Literatura

7. *Chupry'na O.G.* Problema opisaniya semantiki drevnego slova (na materiale drevneanglijskogo yazy'ka) / O.G. Chupry'na // Yazy'k v problemnom pole gumanitaristiki: kolektiv. monografiya. – Arxangel'sk: Pomorskij universitet, 2010. – S. 126–156.
8. *Poltoraczkiy A.I.* Sud'ba u Shekspira / A.I. Poltoraczkiy // Ponyatie sud'by' v kontekste razny'x kul'tur / Sost. T.B. Knyazevskaya; pod red. N.D. Arutyunovoj. – M.: Nauka, 1994. – S. 260–268.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. Historical Thesaurus of English. – URL: <http://libra.englant.arts.gla.ac.uk/historicalthesaurus/>
10. A Middle-English Dictionary by Francis Henry Stratmann, a new edition, re-arranged, revised and enlarged by Henry Bradley. Oxford: Oxford University Press, 1940. – 709 p. – URL: <http://www.archive.org/details/middleenglishdic00stra>
11. Promptorium Parvulorum Sive Clericorum: Lexicon Anglo-Latinum Princeps, Vol. 1. – Lnd: Soc. Camdenensis, 1843. – 342 p. – URL: http://books.google.ru/books/about/Promptorium_parvulorum
12. *Wright Th.* A Volume of Vocabularies: Illustrating the Condition and Manners of Our Forefathers / Th. Wright. – Privately printed, 1857. – 327 p. – URL: http://books.google.ru/books/about/A_volume_of_vocabularies.html

А.В. Кулешова

**Косвенная речь как средство
дистанцирования журналиста
в аналитическом жанре
французской прессы**

Статья посвящена изучению такого вида чужой речи, как косвенная речь, анализу её функционирования в разных композиционно-речевых формах аналитического жанра французской прессы, а также исследованию особенностей её использования журналистом в качестве одного из средств дистанцирования от чужой речи.

The article is devoted to such a type of foreign discourse as reported speech, the analysis of its functioning in different forms of the analytical genre in French press, as well as the analysis of its specific features while used by the journalist as one of the means of distancing from a foreign discourse.

Ключевые слова: дистанцирование; косвенная речь; пресса; аналитический жанр.

Key words: distancing; reported speech; press; analytical genre.

В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению категории интертекстуальности, которая состоит в присутствии одного текста в другом [5]. Иначе говоря, в тексте можно выделить речь адресанта и чужую речь, оформляемую в виде прямой, косвенной и несобственно-прямой речи.

Данная статья посвящена изучению косвенной речи как средства дистанцирования журналиста от чужой речи в аналитическом жанре французской прессы, и в частности, в комментариях, передовой статье, аналитической статье, критической статье, хронике.

При передаче чужого высказывания наиболее важную роль играет адресант, который может относиться к высказыванию по-разному: либо стоять на позиции цитируемого им лица, либо дистанцироваться от его речи. Степень ответственности адресанта за цитируемое слово предполагает дистанцирование различной степени: в зависимости от того, принимает журналист

слова цитируемого им лица или нет. Соответственно в первом случае дистанция уменьшается, во втором — увеличивается.

В статье выдвигается гипотеза, согласно которой степень дистанцирования зависит от жанра, типа статьи, композиционно-речевых форм, а также вида чужой речи. Назовём журналиста, автора статьи, цитирующего чужую речь, первым адресантом; вторым и третьим адресантами — цитируемых авторов первичного сообщения.

Согласно определению, косвенная речь (далее — КР) представляет собой такой вид чужой речи, при котором передаваемое сообщение вклинивается в речь того, кто его передаёт. КР не воспроизводит дословно форму чужого высказывания, она представляет собой транспозицию речи A_2 , её полное семантическое преобразование, влияющее на смысл и содержание сообщения. Видоизменения, которым подвергается чужая речь в КР, затрагивают главным образом речевые показатели (лицо, время, место) и заключаются в следующем. Во-первых, в отсутствии кавычек, что создаёт некоторую сложность в выявлении чужой речи. Во-вторых, в употреблении сложноподчиненного предложения с глаголом, вводящим КР в главное предложение. В-третьих, в нейтрализации экспрессивной окраски передаваемого сообщения. В-четвёртых, в передаче чужой речи в сокращённом виде, что делает практически невозможным её дословное восстановление [7; 9].

В КР важную роль играют вводящие чужую речь глаголы. Большинство из них могут вводить и прямую речь (далее — ПР). Однако есть и такие, которые невозможно употребить в КР (например, *s'obstiner*, *faire*, *poursuivre*, *soupirer* и др.) [6].

Глаголы речи, вводящие КР, указывают на совершённый речевой акт. Как и в ПР, семантика глагола позволяет трактовать речь цитируемого лица. С точки зрения коммуникативной функции, можно выделить следующие группы глаголов, вводящих КР:

- глаголы со значением достоверности или ложности передаваемой информации (*révéler*, *prétendre*);
- глаголы хронологического порядка (*répondre*, *répéter*, *conclure*);
- глаголы иллокутивные (*supplier*, *promettre*);
- глаголы, характеризующие форму речевого акта (*raconter*, *démontrer*);
- глаголы, характеризующие речевую манеру (*crier*, *chuchoter*) [8].

В синтаксическом плане можно выделить следующие виды КР:

- КР с придаточным дополнительным;
- КР с вопросительным придаточным предложением (косвенный вопрос);
- КР с инфинитивом;
- КР с именем существительным, эквивалентным придаточному дополнительному предложению.

В ходе анализа было выявлено, что в различных статьях аналитического жанра КР входит в состав нескольких композиционно-речевых форм: рассуждение, информирование и рассуждение + описание.

В первой композиционно-речевой форме — рассуждении — КР используется главным образом в различных объяснениях, а также для выражения авторского мнения по какому-либо вопросу (1).

В примере (1), представляющем собой отрывок основной части хроники, в форме КР журналист объясняет, в чём заключается одна из теорий равенства мужчин и женщин.

(1) *Cette conception suppose que la moindre présence des femmes dans ces sphères aurait pour cause la haine sexiste. Pourtant, les études faites à propos de leur implantation sur le marché du travail montrent que la variable la plus importante n'est pas le nombre de violences sexistes qu'elles subissent mais celui d'enfants qu'elles élèvent* [3].

В примере (1) КР — придаточное дополнительное предложение, которое вводится глаголом говорения *supposer*. Источник информации не определён, авторы данной концепции не обозначены. Кроме того, условное наклонение (*aurait*) и авторский комментарий (*Pourtant, les études faites à propos de leur implantation sur le marché du travail montrent que la variable la plus importante n'est pas le nombre de violences sexistes qu'elles subissent mais celui d'enfants qu'elles élèvent*) свидетельствуют о неприятии журналистом цитируемого высказывания. Таким образом, автор статьи устанавливает максимальную дистанцию между своей и чужой речью.

Во второй композиционно-речевой форме — информировании — КР служит для передачи разного рода информации, данных (2), а также каких-либо сведений о цитируемом лице (3).

Пример (2) взят из основной части аналитической статьи, в которой речь идёт о студенческих демонстрациях в Квебеке. При помощи КР журналист передаёт слова свидетелей этих событий:

(2) *Certains ont noté qu'ils renouaient avec une tradition sociale-démocrate établie au Québec dans les années 60, par ce même parti libéral qui faisait alors la promotion de la gratuité scolaire de la maternelle jusqu'à l'université* [4].

КР в примере (2) — придаточное дополнительное предложение, вводимое глаголом говорения *noter*. Этот глагол не отражает какую-либо оценку данного высказывания. К тому же отсутствует авторский комментарий. Между тем имя цитируемого лица не указано, журналист использует неопределённое местоимение *certain*. Тем самым автор статьи частично снимает с себя ответственность за достоверность передаваемого им сообщения, устанавливая минимальную дистанцию.

В примере (3) дана КР в зачине критической статьи о фотовыставке, посвящённой американскому режиссеру и продюсеру Стэнли Кубрику:

(3) *Passé à la postérité en tant que réalisateur, Stanley Kubrick espéra d'abord devenir jazzman* [2].

Пример (3) представляет собой КР с инфинитивом, который вводится недекларативным глаголом *espérer*. Точная идентификация автора первичного сообщения (*Stanley Kubrick*) и отсутствие какого-либо комментария к чужим словам говорят о стремлении журналиста к объективности при передаче чу-

жой речи. В этой связи можно говорить об отсутствии дистанции между речью журналиста и цитируемым им лицом.

В сочетании форм «рассуждение + описание» КР используется для описаний и одновременно для разного рода объяснений (4). Пример (4 — КР с инфинитивом) взят из основной части критической статьи, тема которой — театральная постановка одной из пьес Томаса Бернара:

(4) *Il ne cesse de regretter d'avoir accepté l'invitation* [1].

Глагол *regretter*, вводящий чужую речь, передаёт чувство сожаления цитируемого лица. Далее разъясняется причина этого эмоционального состояния (*d'avoir accepté l'invitation*). Комментарии журналиста, выражающие его отношение к сообщению, отсутствуют. Между тем в тексте нет указания на автора первичного сообщения, что свидетельствует о наличии минимальной дистанции между речью журналиста и чужой речью.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод: КР является неотъемлемой частью нескольких композиционно-речевых форм. Они меняются, в зависимости от типа статьи и от её композиционного компонента: каждая композиционно-речевая форма характерна для одного или нескольких композиционных компонентов статей, принадлежащих к аналитическому жанру.

При этом в рассуждении КР чаще используется в аналитических статьях и в комментариях. Немного реже — в передовых статьях и хронике. Наименьшее применение КР находит в критических статьях. КР в рассуждении преимущественно встречается в таких композиционных компонентах, как основная часть, в которой проводится анализ, и концовка, где содержатся обобщения. При информировании КР встречается примерно в равной степени во всех типах статей аналитического жанра: в комментарии, передовой статье, аналитической статье, критической статье, хронике. Это связано с общими особенностями названных выше статей: объективность и точность в представлении фактов перед их непосредственным анализом. Следует отметить, что КР присутствует главным образом в зачине и основной части, так как именно в этих композиционных компонентах даётся информация, о которой пойдёт речь далее, но этот вид чужой речи представлен и в концовке статей. В составе сочетания форм «рассуждение + описание» КР встречается во всех статьях аналитического жанра, кроме комментария. При сочетании форм КР употребляется преимущественно в основной части указанных типов статей.

Композиционно-речевые формы, в свою очередь, оказывают влияние на степень дистанцирования журналиста от речи цитируемого им лица. Так, при рассуждении и при информировании дистанция может варьировать от нулевой до максимальной. А при сочетании форм «рассуждение + описание» она бывает лишь нулевой и минимальной.

Итак, отметим, что степень дистанцирования журналиста от чужой речи зависит от жанра прессы, типа статьи, композиционно-речевой формы и вида чужой речи. В статьях аналитического жанра — комментарии, передовой статье, аналитической статье, критической статье и хронике — степень дистанцирования при использовании косвенной речи чаще всего меняется от нуле-

вой до максимальной. При этом в аналитическом жанре косвенная речь может выступать в составе композиционно-речевых форм «рассуждение», «информирование» и сочетания композиционно-речевых форм «рассуждение + описание». Что касается степени дистанцирования, то она варьирует от нулевой до максимальной в зависимости от той или иной композиционно-речевой формы. В целом степень дистанцирования в косвенной речи меняется от нулевой до средней, хотя в некоторых случаях может быть и максимальной.

Библиографический список

Источники

1. Libération. – 31 mai 2012. – 40 p.
2. Libération. – 7 juin 2012. – 40 p.
3. Libération. – 8 juin 2012. – 40 p.
4. Libération. – 10 juin 2012. – 40 p.

Литература

5. Genette G. Nouveaux discours du récit / G. Genette. – Paris: Seuil, 1985. – 483 p.
6. Maingueneau D. Eléments de linguistique pour le texte littéraire / D. Maingueneau. – Paris: Bordas, 1990. – 174 p.
7. Maingueneau D. L'analyse du discours / D. Maingueneau. – Paris: Hachette, 1991. – 268 p.
8. Maingueneau D. L'énonciation en linguistique française / D. Maingueneau. – Paris: Hachette, 1999. – 156 p.
9. Sarfati G.-E. Eléments d'analyse du discours / G.-E. Sarfati. – Paris: Editions Nathan, 1997. – 104 p.

References

Istochniki

1. Libération. – 31 mai 2012. – 40 p.
2. Libération. – 7 juin 2012. – 40 p.
3. Libération. – 8 juin 2012. – 40 p.
4. Libération. – 10 juin 2012. – 40 p.

Literatura

5. Genette G. Nouveaux discours du récit / G. Genette. – Paris: Seuil, 1985. – 483 p.
6. Maingueneau D. Eléments de linguistique pour le texte littéraire / D. Maingueneau. – Paris: Bordas, 1990. – 174 p.
7. Maingueneau D. L'analyse du discours / D. Maingueneau. – Paris: Hachette, 1991. – 268 p.
8. Maingueneau D. L'énonciation en linguistique française / D. Maingueneau. – Paris: Hachette, 1999. – 156 p.
9. Sarfati G.-E. Eléments d'analyse du discours / G.-E. Sarfati. – Paris: Editions Nathan, 1997. – 104 p.

Н.Э. Горшкова

Язык города как объект лингвистического исследования

Статья посвящена анализу терминов, употребляемых в германистике для описания такого сложного лингвистического явления, как язык города. Рассматривая проблему определения сущности языка города, автор предпринимает попытку сформулировать определение данного языкового явления.

The article is devoted to the analysis of terms used in Germanic linguistics to present such a complex phenomenon as the city language. Considering the contents of the «city language» term the author makes an attempt to formulate a definition of this linguistic phenomenon.

Ключевые слова: городской язык; обиходно-разговорный язык; урбанолект.

Key words: city language; informal language; urban language.

В германистике неоднократно подчёркивалась необходимость изучения различных наддиалектных форм языка, занимающих промежуточное положение между полярными формами существования языка — территориальными диалектами и литературным языком. К числу таких наддиалектных форм языка относятся городские языки, или урбанолекты.

В лингвистике существует ряд терминов для обозначения совокупности городских языковых форм. В рамках отечественной диалектологии и социолингвистики для обозначения городской разновидности языка часто оперируют терминами: городской обиходно-разговорный язык (А.И. Домашнев, Л.Б. Копчук), (городской) полудиалект (В.М. Жирмунский, С.А. Миронов), городское койне (В.П. Коровушкин).

Термин «городской обиходно-разговорный язык» отражает более узкое значение промежуточной наддиалектной языковой формы. Обиходно-разговорный язык имеет статус языковой системы и характеризуется, в известной степени, надтерриториальностью, возникнув в одном регионе, его лингвистические составляющие (преимущественно лексемы, фразеологизмы и т. д.) могут быть заимствованы и распространяться в другом регионе. Уточняющее

определение «городской» сужает значение термина *обиходно-разговорный язык* до регионально окрашенной языковой разновидности.

Отечественный лингвист В.М. Жирмунский термином (*городской*) *полудиалект* предложил обозначать форму существования местных диалектов, располагающихся между предельными формациями национального варианта языка — собственно диалектами и литературным языком. По мнению лингвиста, изучение городских полудиалектов — одна из важнейших задач немецкой диалектологии. Значимым для нашего исследования представляется мнение, согласно которому признаки полудиалектов, нанесённые на диалектологические карты, показали бы гораздо более широкий охват, чем дифференциальные особенности местных говоров, и проиллюстрировали бы происходящий на протяжении последних столетий процесс унификации полудиалектов [2: с. 574]. Вместе с тем учёный отметил сложность изучения полудиалектов, которая обусловлена неоднородной и сложной структурой исследуемого языкового явления. Так, нижняя граница полудиалекта совпадает с верхней границей «собственно диалекта». Критерии определения нижней границы полудиалекта, несмотря на размытость и неустойчивость, представляются более или менее определёнными. С точки зрения экстралингвистических и исторических факторов, различие между диалектом и полудиалектом заключается в региональной и социальной специфике данных языковых явлений. Лингвистическими признаками разграничения диалектов и полудиалектов могут служить установленные В.М. Жирмунским примарные признаки, характерные только для диалекта, и секундарные признаки, свойственные как диалекту, так и полудиалекту [1: с. 576].

В дальнейшем термин *полудиалект* был уточнён отечественным учёным С.А. Мироновым. По мнению учёного, сложности возникают при попытке определения верхней границы полудиалекта. Первостепенным становится вопрос о том, граничит ли полудиалект непосредственно с литературным языком, с различными вариантами его устной (разговорной) формы или же с некой другой наддиалектной промежуточной формой, располагающейся между полудиалектом и литературным языком.

Важной представляется точка зрения учёного на полудиалект, рассматриваемый как возникшая на базе диалекта нивелированная, чаще (по происхождению) городская или же узкорегionalная разговорная наддиалектная форма языка, которая занимает низшую ступень (или нулевой слой) как в ареальном, так и в социально-функциональном отношении в иерархии всех промежуточных форм [5: с. 85].

При этом значимо, что обиходно-разговорный язык и полудиалект обладают набором секундарных признаков, что является для них объединяющим моментом, однако в обиходно-разговорном языке эти признаки более стёрты, нежели в полудиалекте, что находит своё отражение прежде всего в лексическом строе. Наличие наиболее стабильных, но менее специфических секундарных диалектных признаков (секундарные признаки второй степени) и сглаживание более ха-

рактрных, но менее устойчивых вторичных признаков (вторичные признаки первой степени) может считаться не только типичной особенностью того или иного обиходно-разговорного языка, но и своеобразным маркером его границ по отношению к низшему страту литературного языка и полудиалекту [5: с. 8–88].

На наш взгляд, термин *полудиалект* хорошо вписывается в систему обозначений форм существования современного немецкого языка, одновременно указывая на промежуточный и наддиалектный характер данной языковой формации и на её лингвистическое содержание, а именно на близость к диалекту и одновременно отрыв от него.

Термин *койне*, представленный в отечественной лингвистике, употребляется обычно с определениями городское, региональное, обиходно-разговорное койне. Отечественный лингвист В.П. Коровушкин проанализировал и обобщил ряд определений термина *койне* и выявил, что под *койне* понимаются близкие по содержанию языковые явления, возникшие в результате концентрации и взаимодействия диалектов и других языковых форм, разновидность интердиалектной региональной (городской или областной) или же регионально слабо ограниченной обиходно-разговорной речи. Особое внимание учёные обращают на то, что койне представляет собой «исторически сложившуюся на основе смешения диалектов, социолектов, этнолектов и, реже, контактирующих языков, относительно устойчивую, автономную экзистенциальную устную интерформу национального языка, обладающую своей собственной, структурно организованной системой, особым сочетанием социолингвистических норм и разнообразными коммуникативными функциями, как средство межсоциумного общения» [4: с. 170].

В исследованиях немецких лингвистов также подчёркивается важная роль крупных городов как центров языковой иррадиации в процессе вытеснения локальных форм в пользу промежуточных наддиалектных образований. Так, немецкий учёный Х. Мозер отдаёт приоритет термину *городские языки (Stadtsprachen)*. По мнению германиста, термин *городские диалекты (Stadtmundarten)* указывает на внутреннее расслоение термина *городские диалекты*, в то время как термин *городские языки* отражает суть обозначаемого явления, которая заключается в языковой иррадиации. Городской язык оказывает существенное влияние на обиходно-разговорные языки окружающих территорий [8: S. 17]. Другой немецкий учёный Н. Диттмар пользуется при обозначении городской разновидности языка, которая, по его мнению, охватывает совокупность всех употребительных в данном городе языковых явлений и вариантов, термином *урбанолекты (Urbanolekte)* [7: S. 193].

Термин *городской язык (Stadtsprache)* был введён в научный оборот немецким лингвистом Г. Шёнфельдом в 1962 году. Под городским языком уже в это время понимают не только локально обусловленные языковые особенности города (не просто тот или иной городской обиходно-разговорный язык или городской диалект), но и все языковые формы, используемые в пределах города, то есть исторически сложившуюся систему языковой дифференциации, прежде всего языковых вариантов (субязыков), и правила их употребления [9: S. 15].

На наш взгляд, лингвистический термин *городской язык* (*Stadtsprache*) [10: S. 686] наиболее полно отражает суть обозначаемого языкового явления. Во-первых, данный термин характеризуется однозначностью. Он сконцентрирован на определённом языковом явлении и не вызывает противоречий (как, например, термин *обиходно-разговорный язык*). Во-вторых, термин *городской язык* отражает структуру языковых форм, существующих в городе, в целом, как объединяющих в себе множество форм, слоев и вариантов (диатопического, диастратического и диафазического уровней¹) языка города. Взаимодействие данных языковых вариантов происходит в условиях социального и коммуникативного многообразия. В-третьих, термин *городской язык* отражает многоаспектность лингвистического явления городской разновидности языка, характеризуя его, с одной стороны, как диатопическое явление, с другой — как диастратическое явление.

Таким образом, под *городским языком* мы понимаем городскую языковую разновидность, объединяющую в своей сложной, иерархически организованной структуре всю совокупность употребляемых в городе форм, слоев и вариантов языка, взаимодействие которых осуществляется в условиях социальной и коммуникативной многомерности. Данная языковая формация обладает рядом признаков, проявляющихся на всех уровнях языка (фонетическом, грамматическом, лексическом).

Городские языки, как регионально обусловленные формации, могут рассматриваться в структуре диатопических языковых подсистем. Кроме того, язык местного административного центра — города оказывает нормализующее воздействие на диалекты и в силу своего престижного статуса обретает свойства диастратического варианта. Структура городского языка неоднородна, в ней представляется возможным выделить некоторые социально обусловленные лексические группы. Городские языки входят и в систему диафазических образований современного немецкого языка, так как образованы лексико-фразеологическими единицами, занимающими разную позицию на стилистической шкале.

В связи с вышеизложенным достаточно перспективным представляется развитие лингвистических исследований по следующим направлениям:

– исследование городских языковых разновидностей с целью выявления закономерных процессов, происходящих в составе данных языковых формаций, а также механизмов взаимодействия с прочими языковыми проявлениями в составе форм существования современного немецкого языка в его национальных вариантах;

– научное описание происходящих с городскими языками процессов в диахроническом аспекте, что позволит сделать заключение о развитии данной языковой формации и выдвинуть предположения о дальнейшем развитии городских языковых разновидностей как проявлений наддиалектных образований в системе форм существования современного немецкого языка;

---

¹ Диатопический уровень образован совокупностью региолектов; диастратический уровень включает в себя совокупность социолектов; диафазический уровень складывается из стилистических слоев [7: S. 206].

– сопоставительный анализ городских языковых разновидностей в национальных вариантах современного немецкого языка, который позволит оценить роль городских языков в системе форм существования немецкого языка как полинациональной языковой системы.

Библиографический список

Литература

1. *Домашнев А.И.* Типология сходства и различий языковых ситуаций в странах немецкой речи: монография / А.И. Домашнев, Л.Б. Копчук. – СПб.: Наука, 2001. – 165 с.
2. *Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология / В.М. Жирмунский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 636 с.
3. *Копчук Л.Б.* Лексика и фразеология немецких диалектов: монография / Л.Б. Копчук. – СПб.: ООО «Береста», 2002. – 127 с.
4. *Коровушкин В.П.* Основы контрастивной социолектологии: монография / В.П. Коровушкин. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. – 245 с.
5. *Миронов С.А.* Полудиалект и обиходно-разговорный язык как разновидности наддиалектных форм языка / С.А. Миронов // Типы наддиалектных форм языка: сб. ст. – М.: Наука, 1981. – С. 79–97.
6. *Ammon U.* Die nationalen Varietäten des Deutschen im Spannungsfeld von Dialekt und gesamtsprachlichen Standard / U. Ammon // Muttersprache. – Wiesbaden: GfdS, 1996. – Jg. 106. – № 3. – S. 243–249.
7. *Dittmar N.* Grundlagen der Soziolinguistik — Ein Arbeitsbuch mit Aufgaben / N. Dittmar. – Tübingen: Niemeyer, 1997. – 358 S.
8. *Moser H.* Mundart und Hochsprache im neuzeitlichen Deutsch / H. Moser // Dialekt: Texte und Materialien zur sozialen und regionalen Sprachdifferenzierung / Hrsg. von H.-R. Fluck. Frankfurt a. M. – Berlin; München: Wissenschaftlicher Verlag, 1981. – S. 15–20.
9. *Schönfeld H.* Beschreibung einer empirischen Untersuchung zur Sprachvarianz. Analyse der phonetisch-phonologischen Ebene / H. Schönfeld // Kommunikation und Sprachvariation. – Berlin: Akademie der Wissenschaft, 1989. – S. 330–358.

Справочные и информационные издания

10. Metzler Lexikon Sprache / Hrg. von Helmut Glück. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2000. – 817 S.

References

Literatura

1. *Domashnev A.I.* Tipologiya sxdstv i razlichij yasy'kovy'x situacij v stranax nemeckzkoj rechi: monografiya / A.I. Domashnev, L.B. Kopchuk. – SPb.: Nauka, 2001. – 165 s.
2. *Zhirmunskij V.M.* Nemeckzкая dialektologiya / V.M. Zhirmunskij. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956. – 127 s.
3. *Kopchuk L.B.* Leksika i frazeologiya nemeckkix dialektov / L.B. Kopchuk. – SPb.: ООО «Beresta», 2002. – 127 s.

4. *Korovushkin V.P.* Osnovy' kontrastivnoj sociolektologii: monografiya / V.P. Korovushkin. – Cherepovec: GOU VPO ChGU, 2005. – 245 s.
5. *Mironov S.A.* Poludialekt i obixodno-razgovorny'j yazy'k kak raznovidnosti naddialektny'x form yazy'ka / S.A. Mironov // Tipy' naddialektny'x form yazy'ka: sb. st. – M.: Nauka, 1981. – S. 79–97.
6. *Ammon U.* Die nationalen Varietäten des Deutschen im Spannungsfeld von Dialekt und gesamtsprachlichen Standard / U. Ammon // Muttersprache. – Wiesbaden: GfdS, 1996. – Jg. 106. – № 3. – S. 243 – 249.
7. *Dittmar N.* Grundlagen der Soziolinguistik – Ein Arbeitsbuch mit Aufgaben / N. Dittmar. – Tübingen: Niemeyer, 1997. – 358 S.
8. *Moser H.* Mundart und Hochsprache im neuzeitlichen Deutsch / H. Moser // Dialekt: Texte und Materialien zur sozialen und regionalen Sprachdifferenzierung / Hrsg. von H.-R. Fluck. Frankfurt a. M. – Berlin; München: Wissenschaftlicher Verlag, 1981. – S. 15–20.
9. *Schönfeld H.* Beschreibung einer empirischen Untersuchung zur Sprachvarianz. Analyse der phonetisch-phonologischen Ebene / H. Schönfeld // Kommunikation und Sprachvariation. – Berlin: Akademie der Wissenschaft, 1989. – S. 330–358.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Metzler Lexikon Sprache / Hrg. von Helmut Glück. – Stuttgart, Weimar: Verlag J.B. Metzler, 2000. – 817 S.

Н.В. Лягушкина

К вопросу о формировании базовых концептов: пространство

Статья посвящена рассмотрению формирования концепта *пространство* и отражению его в языке. Освещается точка зрения философии и лингвистики на вопрос осмысления *пространства*. Кроме того, показана взаимосвязь *пространства* с такими категориями, как *место*, *время*, *движение*.

The article focuses on how the concept *space* was formed and how it is reflected in the language. The paper suggests philosophical and linguistic stands on the issue. Besides the relation of *space* to such categories as *place*, *time* and *motion* is tackled.

Ключевые слова: базовый концепт; пространство; место; время; движение.

Key words: basic concept; space; place; time; motion.

Рубеж XX–XXI веков был ознаменован в лингвистике изучением основополагающих когнитивных понятий, одним из которых, бесспорно, является *пространство*. Понятие *пространства* послужило темой для многих научных исследований в нашей стране и за рубежом. Большое количество лингвистических работ посвящены как общим вопросам, связанным с описанием категории *пространства*, так и отдельным аспектам этой категории. Исследователи обращают внимание на важность определения понятия пространства, значимость разработки системы описания пространственных отношений, изучают связь *пространства* с другими категориями, такими как *время*, *место*, *событие*, *движение*, и другими. Важно отметить, что категория *пространства* выдвигается на первый план не только в лингвистике, но и в других смежных с ней дисциплинах. Так, эта основополагающая категория изучается в философии, психологии, культурологии, литературоведении, искусствоведении и других науках.

Одним из аспектов изучения *пространства* служит формирование данного концепта, а также его связь с восприятием других когнитивных структур. Довольно много споров по вопросу развития восприятия *пространства* у человека происходило на протяжении веков. Современными психологами и нейрофизиологами доказано, что становление данного понятия происходит в детском возрасте на основе осязания, дальнейшее формирование *пространства* базируется на зрительных и тактильных ощущениях. Иными словами, восприятие *пространства* не является врожденным, а приобретает на основе восприятия объектов.

Остановимся на определении термина *базовый концепт*. Концепты подразделяются на два типа. К параметрическим относятся те «концепты, которые высту-

пают в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, качество и других. К непараметрическим — концепты, имеющие предметное содержание» [2: с. 30]. В.И. Карасик отмечает, что параметрические концепты имеют «принципиально универсальную, общечеловеческую природу», при этом данные ментальные образования «неоднородны, в их составе выделяются категории общеподобные и научные и обиходные универсальные <...> О лингвокультурной специфике этих концептов можно говорить лишь применительно к их конкретизации в определённой культуре» [2: с. 30–31].

Иными словами, *пространство*, будучи, безусловно, базовым концептом, является универсальным по своей сути, т. е. представленным во всех лингвокультурах. Однако в каждом из естественных языков этот базовый концепт находит разное преломление. Обратимся к примеру различий в параметризации *пространства* в разных лингвокультурах. Исследуя концептуализацию локализации объекта с фронтальной/нефронтальной стороны посредством предлогов русского, английского и немецкого языков, мы пришли к выводу, что некоторые компоненты в значении предлогов разных языков репрезентированы различным способом, в частности это относится к параметру вертикального / горизонтального релятума (в трактовке О.Н. Селиверстовой и Т.Н. Маляр). *Вертикальным* релятумом является предмет, воспринимаемый как имеющий параметр высоты (человек, дом, фонарь и т. п.). *Горизонтальным* называется релятум, воспринимаемый как не имеющий высоты (поле, река и т. п.). Отметим, что, в сущности, данный релятум имеет высоту, но она незначительна по сравнению с другими параметрами, кроме того, в наивной картине мира он представлен как лишенный вертикального размера.

Английский предлог *behind* и немецкий *hinter* могут использоваться при описании обоих типов релятумов, ср.: *She had waited behind the hedge in the front garden, ready to smuggle him into the house without alerting the neighbours* [14]. — Она ждала в саду **за забором**, так чтобы можно было незаметно от соседей вместе с ним проникнуть в дом¹; *And beyond and behind the river, great hill after hill; and beyond and behind them, the mountains of Ingeli and East Griqualand* [14]. — И далеко **за рекой**, где высокие гряды холмов, а далеко за ними горы Ингели и Восточные Грикаленд; *Auf der anderen Seite des Wohnblocks liegen hinter kahlen Feldern die Stadtautobahn und irgendwo, in weiter Ferne, das Zentrum Berlins* [13]. — На другой стороне жилого массива **за голыми полями** находится автомобильная магистраль, а ещё дальше — центр Берлина. В первой ситуации в качестве релятума выступает забор, который, очевидно, воспринимается человеком как вертикальный объект. В последних примерах ориентирами служат река и поля, которые в языке представлены как горизонтальные объекты.

В русском же языке предлоги *сзади* и *позади* могут употребляться только при описании ситуаций, когда в роли релятума выступает вертикальный объект, напр.: *В редкой пелене мерцал фонарь моей больницы. Тёмное громоздилось сзади него; За столом <...> стоял Молотов, <...> слева и чуть позади*

¹ Здесь и далее перевод иноязычных примеров наш. — Н.Л.

сидел референт [12]. Фонарь является объектом, имеющим определённую высоту; человек, в том числе сидящий, также характеризуется наличием роста. Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с вертикальными релятумами.

Случаи описания ситуаций с горизонтальным релятумом при помощи предлогов *позади* и *сзади* не отмечены. (**Позади реки рос резной клён*; **Сзади поля стоял маленький домик*.) Отметим, что для отражения подобных ситуаций с релятумом, не имеющим высоты, в русском языке используется предлог *за*, ср.: *На юге за рощами, кладбищами, выгонами и стрельбищем, опоясанными железной дорогой, повсюду <...> чернела и ползла и позвякивала конница* [12].

Перейдём к описанию связи восприятия *пространства* и других когнитивных структур. Интересно проследить становление концепта *пространство* и его связь с понятием *место*. Для начала отметим, что об общем характере места и распространённости писал Дж. Локк, считая, что место употребляется «для обозначения <...> положения конечных реальных вещей <...> в бесконечных океанах <...> пространства» [6: с. 250].

Ссылаясь на диахронические исследования, Е.С. Кубрякова пишет, что *место* относится к концептам, входящим в первичные концептуальные системы, т. е. «с современной точки зрения место может быть <...> объяснено через пространство, с исторической же точки зрения первичен скорее всего концепт места». Как отмечает автор, в работах древних учёных описана категория *места* и отсутствует категория *пространства*, при этом *место* есть «первое, объёмлющее каждое тело» [5: с. 86]. Далее Е.С. Кубрякова останавливается на этимологии слова *место* и его эквивалентов в различных языках, ссылаясь на работы Т.В. Гамкрелидзе и Т.В. Топоровой: «...так, хеттское *pedan* родственно армянскому обозначению следа, а также латинскому обозначению ноги, <...> латинское же название места — *spatium* — сопоставляется с глаголом, обозначающим ‘простирается, расширяться’, и оно значило также ‘простор’, ‘предел’, определённую ‘протяжённость’, ‘интервал’ и т. п. Более поздние названия места в германских языках тоже связываются с обозначениями чего-то огороженного (внутреннего двора), плоского, ровного; понятие места было связано также с расстановкой объектов, их расположением друг относительно друга и т. д.» [5: с. 86]. И.А. Галкина, описывая наречия места в древнеанглийском языке, отмечает, что особенностью данной группы наречий является «их соотносённость с субъектом, отражающая нахождение или движение человека (иногда животного), а также включение в горизонтальную и вертикальную проекции мира» [1: с. 41]. Иными словами, *пространство* и *место* в древнеанглийском имели общие компоненты в своём значении. По мнению Е.С. Кубряковой, «подобные исторические сведения помогают объяснить не только возможные пути формирования концепта места, но и относительную связанность его происхождения с концептом пространства», появившегося позднее [5: с. 86]. Таким образом, с диахронической точки зрения концепт *пространство* вторичен по отношению к концепту *место*.

Особое внимание хотелось бы уделить связи понятий *пространства* и *времени*. То, что представление человека о времени сродни представлению о геометрическом пространстве, было подмечено ещё философами. Так,

И. Кант считал, что время — это форма внутреннего «созерцания нас самих и нашего внутреннего состояния <...> Именно потому, что это внутреннее созерцание не даёт никакого образа, мы стараемся устранить и этот недостаток с помощью аналогий и представляем временную последовательность с помощью бесконечно продолжающейся линии, в которой многообразное составляет ряд, имеющий лишь одно измерение, и заключаем от свойств этой линии ко всем свойствам времени, за исключением лишь того, что части линии существуют все одновременно, тогда как части времени существуют друг против друга» [3: с. 73]. Иными словами, время видится нам похожим на физическое пространство, что, безусловно, находит своё отражение в языке.

Дж. Локк отмечал, что сравнение *пространства* и *времени* может быть «небесполезным для их объяснения, и мы, возможно, получим более ясное и чёткое понятие о них, если рассмотрим их вместе». Философ сравнивает данные понятия в том числе на основе возможных измерений. Предположим, что от какого-либо места до самого дальнего тела Вселенной 5639 миль. Это будет подобно нашему предположению, что от начала существования чего-либо во Вселенной до нашего времени 5639 лет. Мы «можем в своих мыслях применять меру года к продолжительности тел или движения точно так же, как меру мили — к пространству за крайними пределами тел, и первой мерой измерять продолжительность там, где не было движения, точно так же как второй — измерять мысленно пространство там, где нет тел» [6: с. 243–247].

Говоря о способах исчисления времени, нельзя не отметить факт возможности бытового измерения *времени* через *пространство* и наоборот. Например, у мадагаскарцев единицей времени является продолжительность варки риса, у тунгусов — выкуривания трубки [7]. Современные европейцы могут измерять расстояние в днях пути и т. п. (*город отсюда в часе ходьбы, а tall just a few hours' journey from here — торговый центр в нескольких часах езды*). Иными словами, такой способ измерения *пространства* через *время* свидетельствует о взаимосвязи в представлении человека об этих категориях.

Многие лингвисты, в первую очередь Дж. Лакофф, отмечают, что представление *времени* метафорично. Темпоральные концепты повторяют структуру пространственных, заимствуя также и языковые средства выражения [10]. Об общих языковых средствах для описания этих двух типов концептов говорит также И.Т. Касавин. Язык связывает *пространство* и *время* специфическим образом. Так, локативные предлоги типа *около*, существительное *путь*, прилагательное *длинный*, наречие *внизу* используются и применительно к временным контекстам. Данное явление можно объяснить тем, что, локализуя в пространстве предмет, говорящий одновременно локализует и *событие*, в которое он вовлечен. Согласно И.Т. Касавину, «можно говорить о том, что функции данных предлогов состоят, скорее, в локализации событий во времени и пространстве» [4: с. 80].

Далее, многие учёные утверждают, что исконно пространственные и временные значения тесно связаны в семантике многих слов. Так, Е.В. Рахилина, исследуя семантику слова *конец*, пишет, что словосочетание *конец слова*

может иметь как временную, так и пространственную интерпретацию. «Его пространственная интерпретация соответствует слову написанному: *в/на конце этого слова ставится специальный значок* (как видим, пространственная интерпретация и сама двойственна: она допускает представление конца слова и как точки, и как отрезка). С другой стороны, временная интерпретация соответствует слову произнесенному: *В (*на) конце каждого слова он повышал голос*». Автор также подчёркивает, что «интерпретация имени процесса в контексте слова *конец* как периода времени, в течение которого процесс имеет место (ср. *конец обеда*), а также интерпретация предметных имён, функционально связанных с определённым процессом (ср. *конец книги*), открывает возможность для объяснительной гипотезы, обратной стандартному метафорическому переносу «пространство» – «время» <...>, речь идёт не просто о метафорическом переносе «пространство» – «время», но и о семантической «поддержке» пространственной интерпретации со стороны временной» [9: с. 251–252].

Остановимся на взаимосвязи концептов *пространство* и *движение*. Схожесть в понимании человеком этих двух ментальных структур была также отмечена в философии. По мнению И. Канта, «движение предполагает восприятие чего-то движущегося. Но в пространстве, рассматриваемом само по себе, нет ничего движущегося; поэтому движущееся должно быть чем-то таким, что обнаруживается в пространстве только опытом, стало быть, представляет собой эмпирическое данное» [3: с. 147].

Придерживаясь эмпирицистской точки зрения на происхождение понятия *пространства* и считая, что наше осознание мира происходит из опыта, Э. Мах наиболее последовательно изложил данную теорию. Подвергая анализу природу пространственных ощущений, Э. Мах говорит об их связи с целенаправленными движениями: «...моё тело отличается от тел остальных людей, помимо индивидуальных признаков, ещё и тем, что при прикосновении к нему являются своеобразные ощущения, которых я при прикосновении к другим телам не наблюдаю <...> Далее, я нахожу в себе воспоминания, надежды, опасения, склонности, желания, волю и т. д., в развитии которых я в такой же мере неповинен, как в существовании тел в окружающей меня среде. Но с этой волей связаны движения одного определённого тела, именно того, которое по этому признаку и по указанным выше признакам обозначается как мое тело. Когда я наблюдаю движения тел других людей, то практические потребности и сильная аналогия, действию которой я не могу противиться, побуждают меня мыслить, что и с ними связаны такие же воспоминания, надежды, опасения, склонности, желания, воля, какие связаны с моим телом» [8: с. 39].

Представления *пространства* и *движения* в языке также взаимосвязаны. Так, описывая особенности топографических наименований, О.Т. Молчанова отмечает, что *движение* и *пространство* воспринимаются как имеющие направленность, *движение* есть восприятие повторяющихся изменений пространственных отношений, таких как изменение местоположения, ориентации,

формы объектов и т. п. Автор подчёркивает связь этих концептов в системе топографических названий, например, наименование *левый берег реки* зависит от направления течения реки [11].

Рассмотрим ещё пример взаимосвязи понятий *пространство* и *движение*, выраженной в немецком языке: *Cate Blanchett fühlt sich herrlich entspannt. Obwohl sie gerade einen 30-Stunden-Trip hinter sich hat* [13]. — Кейт Бланшетт чувствует себя отдохнувшей, хотя только что у неё был 30-часовой переезд (букв. оставила за собой). В предложении описана ситуация нахождения объекта (поездки) с задней стороны движущегося релятума (Кейт). Отметим, что в данном случае мы имеем дело с метафорическим описанием движения времени, которое рассматривается в терминах корпоральной семантики, при этом объект локализован с нефронтальной стороны релятума относительно своей траектории движения.

Таким образом, мы рассмотрели взаимосвязь формирования и существования в языке базового концепта *пространство* и таких концептов, как *место, время и движение*.

Библиографический список

Литература

1. Галкина И.А. Наречия места как средство выражения пространственной ориентации / И.А. Галкина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). – Вып. 4 (67). – Томск, 2007. – С. 41–44.
2. Иная ментальность / [В.И. Карасик, О.Г. Прохвачёва, Я.В. Зубкова и др.]. – М.: Гнозис, 2005. – 350 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Литература, 1998. – 960 с.
4. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008. – 544 с.
5. Кубрякова Е.С. О понятии места, предмета и пространства / Е.С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / Под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84–92.
6. Локк Дж. Сочинения: В 3 тт. / Дж. Локк; под ред. И.С. Нарского, А.Л. Субботина; пер. с англ. А.Н. Савина. – Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 621 с.
7. Малышев В.Н. Пространство мысли и национальный характер / В.Н. Малышев. – СПб.: Алетейя, 2009. – 407 с.
8. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах; пер. с нем. Г. Котляра; под ред. Н.Н. Ланге. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с.
9. Рахилина Е.В. Без конца и без края / Е.В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов. – М.: Русские словари, 2000. – С. 243–262.
10. Чугунова С.А. О роли движения в понимании времени: язык и образное мышление / С.А. Чугунова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2008. – № 5 (19). – С. 135–143.
11. Molchanova O.T. Topography Cognition and Place-Names (with Reference to Attention Distribution, Object Location, and Shape Category) / O.T. Molchanova // Го-

ризонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 614–627.

Справочники и информационные издания

12. Национальный корпус русского языка. – URL: www.ruscorpora.ru, свободный.
13. Spiegel Online. – URL: www.spiegel.de, свободный.
14. The Corpus of Contemporary American English. – URL: <http://www.americancorpus.org>, свободный.

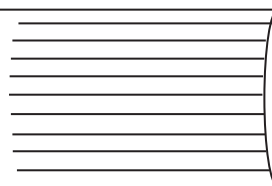
References

Literatura

1. *Galkina I.A.* Narechiya mesta kak sredstvo vy'razheniya prostranstvennoj orientacii / I.A. Galkina // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki (filologiya). – Tomsk, 2007. – Vy'p. 4 (67). – S. 42–44.
2. Inaya mental'nost' / [V.I. Karasik, O.G. Proxvachyova, Ya.V. Zubkova i dr.]. – М.: Gnozis, 2005. – 350 s.
3. *Kant I.* Kritika chistogo razuma / I. Kant; per. s nem. N. Losskogo. – М.: Literatura, 1998. – 960 s.
4. *Kasavin I.T.* Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v social'nyu e'pistemologiyu yazy'ka / I.T. Kasavin. – М.: Kanon+ROOI «Reabilitaciya», 2008. – 544 s.
5. *Kubryakova E.S.* O ponyatii mesta, predmeta i prostranstva / E.S. Kubryakova // Logicheskij analiz yazy'ka. Yazy'ki prostranstv / Pod red. N.D. Arutyunovoj, I.B. Levontinnoj. – М.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 2000. – S. 84–92.
6. *Lokk Dj.* Sochineniya: V 3 tt. / Dj. Lokk; pod red. I.S. Narskogo, A.L. Subbotina; per. s angl. A.N. Savina. – Т. 1. – М.: My'sl', 1985. – 621 s.
7. *Maly'shev V.N.* Prostranstvo my'sli i nacional'ny'j xarakter / V.N. Maly'shev. – SPb.: Aleteya, 2009. – 407 s.
8. *Max E.* Poznanie i zabluzhdenie. Oчерki po psixologii issledovaniya / E. Max; per. s nem. G. Kotlyara; pod red. N.N. Lange. – М.: BINOM. Laboratoriya znaniy, 2003. – 456 s.
9. *Raxilina E.V.* Bez koncza i bez kraja / E.V. Raxilina // Issledovaniya po semantike predlogov. – М.: Russkie slovari, 2000. – S. 243–262.
10. *Chugunova S.A.* O roli dvizheniya v ponimanii vremeni: yazy'k i obraznoe my'shlenie / S.A. Chugunova // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo univrsiteta im. A.S. Pushkina. – SPb., 2008. – № 5 (19). – S. 135–143.
11. *Molchanova O.T.* Topography Cognition and Place-Names (with Reference to Attention Distribution, Object Location, and Shape Category) / O.T. Molchanova // Gori-zonty' sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo. – М.: Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2009. – S. 614–627.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka. – URL: www.ruscorpora.ru, svobodny'j.
13. Spiegel Online. – URL: www.spiegel.de, svobodny'j.
14. The Corpus of Contemporary American English. – URL: <http://www.americancorpus.org>, svobodny'j.

Л.Т. Нечаева

Трудности при обучении письменному переводу с японского языка на русский (грамматический аспект, частица など)

Одна из главных целей при обучении переводу — научить выявлять синтаксические связи. Ошибки появляются не только при переводе сложных грамматических явлений в японском языке, но и при переводе частиц, союзов, на которые в течение учебного процесса мало обращается внимания. В данной статье будут рассмотрены варианты употребления частицы など, вызывающие трудности при переводе с японского языка.

One of overall objectives in translation training is to teach to reveal syntactic links. Errors appear not only while translating difficult grammatical phenomena in the Japanese language, but also while translating particles and conjunctions to which little attention is paid during educational process. The present article considers variants of use of the particle など, causing difficulties while translating from Japanese.

Ключевые слова: японский язык; обучение письменному переводу; частица *nado*; трудность перевода; употребление *nado* с существительными и глаголами.

Key words: Japanese language; written translation training; particle *nado*; translation difficulty; the use *nado* with nouns and verbs.

Письменный перевод является обязательным аспектом при обучении японскому языку. Задача преподавателя — подготовить специалиста, способного понять и выразить средствами русского языка содержание японского текста общего содержания.

Первый этап понимания — определение синтаксической структуры текста, поскольку его смысловая структура обусловлена логико-синтаксической структурой системы взаимосвязанных предложений, образующих текст и расположенных в виде речевой цепи, и находит отражение в ней.

Второй этап — определение синтаксической структуры конкретного предложения, членение предложения.

Третий этап — переводческий анализ предложения, деление на семантические группы и выявление связей между ними.

Особые трудности при переводе представляет выявление связей между семантическими группами, это связано, в первую очередь, с нелинейным построением японского предложения.

Одна из главных целей преподавателя — научить студентов выявлять синтаксические связи, при этом обращать внимание на особенности грамматических явлений, при переводе которых обычно возникают ошибки.

Ошибки появляются не только при переводе таких сложных грамматических явлений, но и при переводе частиц, союзов, на которые в течение учебного процесса мало обращается внимания и особенности употребления которых не раскрываются.

В данной статье рассматриваются варианты перевода предложений, в которых употребляется частица *など*, вызывающая трудности при переводе с японского языка. Все иллюстративные примеры употребления *など* взяты из статей ведущих японских газет — «Асахи», «Ёмиури», «Майнити», «Никкэй симбун».

В исследованиях по грамматике японского языка *など* называют показателем, семантически сходным с показателем множественности, имеющим значение репрезентативной множественности [1: с. 251].

В отличие от других показателей множественности частица *など* употребляется с существительными, глаголами, иногда с прилагательными, в основном входящими в состав глагольных конструкций, например:

仕事は医療*など*専門知識が要る。Сигото ва ирё:-**надо** сэммон тисики-га иру。
Для работы требуются знания специалистов в медицине и в других областях.

しかし9月から10月にかけて国債が格下げされる*など*、イタリアの改革姿勢を見る市場の目は厳しい。シカси кугацу-кара дзю:гацу-ни какэ кокусай-га какуса-гэ-сарэру **надо**, итариа-но кайкаку сисэй-о миру итиба-но мэ ва кибисий. *Однако, с точки зрения рынка, отслеживающего реформы в Италии, где с сентября по октябрь снизился курс государственных облигаций и др., ситуация там плохая.*

エネルギー確保のためイランに圧力をかけにくい*など*、中国側の事情がみてとれる。Энэруги:-какухо-но тамэ иран-ни асурёку-о какэникуй **надо**, тю:гокугава-но дзидзё:-га митэторэру. *Понятна и позиция Китая, который для обеспечения своей страны энергией не может давить на Иран, применять к нему какие-либо санкции.*

Употребление *など* с существительными

В позиции после существительного *など* оформляется показателями, соответствующими позиции слова в предложении, как, например:

1) тематической частицей *は*:

NYSE*など*は通常の現物株取引ではもうからなくなっている。NYSE-**надо** ва цу:дзё:-но гэмбуцу-кабуторихики-дэ ва мо: укаранаку наттэ иру. *NYSE и другие компании уже не участвуют в обычных сделках по акциям на товары, имеющиеся в наличии;*

2) показателем именительного падежа が:

日本医師会や看護協会、介護福祉士会などが、被災地に医療・介護スタッフを送り込んでいる。Нихон-исикай я кангокё:кай, кайгофукусикай-надо-га, хисайти-ни ирё:-кайго сутаффу-о окурикондэ иру. *Ассоциация врачей и Ассоциация медсестер Японии, также Союз социальных работников и другие организации послали в район стихийного бедствия врачей и персонал по уходу;*

3) показателем винительного падежа を:

G8外相会議の日程が発表されていなかったことなどを理由にしたという。Gхати-гайсё:-кайги-но ниттэй-га хаппё:-сарэтэ инакатта кото-надо-о рию:-ни ситай тою:. *И причиной этого стало то, что не опубликовали повестку дня и другое по встрече министров иностранных дел большой восьмёрки;*

4) показателем косвенного падежа:

被災時のショックや避難生活のストレスなどから生じる、心の問題のケアにあたる専門職も送り込む必要があろう。Хисайдзи-но сёкку я хинан-сэйкацу-но ситорэсу-надо-кара сё:дзирю, кокоро-но мондай-но кэа-ни атару сэммонсёку мо окурикому хицүё:-га аро:. *Необходимо послать специалистов, которые возьмут на себя заботу о психологических проблемах пострадавших, возникших из-за шока во время землетрясения и цунами, из-за напряжённой жизни беженцев, и по другим причинам.*

Частица など стоит после слова, выделяя предмет, явление, выражаемое данным словом, как главное в ряду ему подобных, например:

急激な物価上昇は暴動など社会不安につながることもある。Кю:гэки-на букка-дзё:сё: ва бо:до:-надо сякай-фуан-ни цунагару кото-га ару. *Бывает, что резкое повышение цен вызывает волнение в обществе — восстание и др.*

Вышеизложенные случаи употребления など с существительным обычно не вызывают трудностей, так как примеры на такое употребление приводятся в учебниках.

Трудности перевода конструкции など с существительным появляются в определённых случаях, на которые необходимо обращать внимание студентов. Следует научить определять синтаксическую позицию слова с данной частицей для достижения правильного перевода.

1. Слово с частицей など в определительной позиции не оформляется падежным показателем, т. е. надо понять из словосочетания «существительное – существительное», какая между ними связь — сочинительная или подчинительная, например:

地中海沿岸のチュニジアは人口1000万余の小国ながら、カルタゴ時代の遺跡など観光資源が豊富で、欧米や日本の観光客をひきつけてきた。Титю:кай-энган-но тюнидзия ва дзинко:-сэмманъё-но сё:коку-нагара, карутаго-дзидай-но исэки-надо канко:-сигэн-га то:фу-дэ, о:бэй я нихон-но канко:кяку-о хикицукэ-тэ кита. *Находящийся на побережье Средиземного моря Тунис, хотя и маленькая страна с населением немного более 10 млн. человек, привлекает туристов из Америки, Европы и Японии богатством исторических достопримечательностей времён Карфагена и др.*

2. Употребление запятых после *など* не всегда мотивировано, поэтому вносит сложности в понимание конструкции предложения. Употребление знаков препинания в японском языке не закреплено определёнными правилами, но можно выделить две ситуации, когда ставятся запятые при слове с *など*:

а) слово с *など* в предложении играет роль определения, и кроме этого определения к определяемому слову относятся другие определения, например:

農産品の輸出制限など、価格高騰に拍車をかける政策をG20諸国がとらないと約束することも重要である。Но:сампин-но юсюцу сэйгэн-надо, какаку-ко:то:-ни хакуся-о какэру сэйсаку-о Гнидзю:сёкоку-га торанай то якусоку-суру кото мо дзю:ё:-дэ ару. *Важно, и чтобы договорились о том, что страны большой двадцатки не будут принимать мер, стимулирующих быстрый рост цен, — ограничение экспорта сельскохозяйственных продуктов и др.;*

б) слово с *など* относится к члену предложения, не следующему непосредственно за данным словом, например:

民衆の反乱を避けるためには、言論統制の撤廃、汚職の追放、貧困者対策など、指導者自らが改革に着手するしかないだろう。Минсю:-но ханран-о сакэру тамэ-ни ва, гэнрон-то:сэй-но тэппай, осёку-но цуйхо:., хинконся-тайсаку-надо, сидо:ся-мидзукара-га кайкаку-ни тякусю-суру сика най даро:.. *Для того чтобы избежать народных волнений, наверное, не остаётся ничего другого, как руководителям самим начать реформы — отменить контроль прессы, уничтожить коррупцию, принять меры для улучшения жизни бедных и пр.*

3. Слово с частицей *など* стоит непосредственно перед глаголом и не оформляется никаким падежным показателем, т. е. надо понять из словосочетания «существительное – глагол», какая между ними связь, исходя из семантического значения глагола, например:

従業員の雇用問題など解決しなくてはならない問題は残っている。Дзю:гё:ин-но коё:-мондай-надо кайкэцу-синакутэ ва наранай мондай ва но-коттэ иру. *Ещё остались проблемы, которые необходимо решить, например, вопросы, связанные с наймом служащих, и другие.*

Употребление *など* с глаголами

Употребление и перевод *など* в позиции после глагола вызывает больше затруднений, чем при переводе *など* после существительного.

В позиции после глагола *など* чаще употребляется в определительных словосочетаниях и предложениях, а также перед союзом *と* в прямой речи, например:

国連食糧農業機関(FAO)の主要食料価格指数が08年に付けた史上最高値を更新するなど、食料やエネルギー価格の高騰が深刻だ。Кокурэн-сёкурё:-но:гё:-кикан (FAO)-но сюё:-сёкурё:-какаку-сису:-га хатинэн-ни цукэта сидзё:-сайтаканэ-о ко:син-суру надо, сёкурё: я энэруги:-какаку-но ко:то:-га синкоку да. *Серьёзен рост цен на продовольствие и энергию, когда сейчас обновлены зафиксированные FAO в 2008 г. самые большие в истории индексы цен на основные продукты питания.*

これに対し、ロシア側は「容認できない」「(北方四島への)ロシアの主権を見直すことはない」などと猛反発している。Корэ-ни тайси, росиагава ва «ë:нин-дэкинай» «(хоппо: ёнто:-э-но) росиа-но сьукэн-о минаосу кото ва най» надо то мо:хампацу-ситэ иру. *На это российская сторона ответила очень резко, заявив: «Не можем допустить», «Не будет пересмотрен суверенитет России в отношении четырёх островов» и др.*

Частица など стоит обычно после формы глагола на う/る, реже на た/だ, например:

Ислам教徒が大半の国でありながら、一夫多妻制を廃止し、女性の社会進出を進めるなど、欧米寄りの近代化政策をとった。Исураму-кё:то-га тайхан-но куни-дэ аринагара, иппу-гасайсэй-о хайси-си, дзёсэй-но сьакэй-синсюцу-о сусумэру надо, о:бэйёри-но киндайка-сэйсаку-о тотта. *Хотя ислам существует в большинстве стран мира, но (в Тунисе) проводили прозападную современную политику — отменили многожёнство, стимулировали участие женщин в общественной жизни и др.*

こんな連中を相手にしたなど、本当にはずかしい。Конна рэнтю:-о айтэ-ни сита надо, хонто:-ни субарасий. *Действительно, хорошо, что эту компанию сделали партнёром.*

Трудности перевода возникают в ряде ситуаций употребления など после глагола.

1. Частица など стоит после формы глагола на тари/だり, что не характерно для конструкций с など, например:

福祉の向上プロジェクトなどに財政的援助を与えており、スワヒリでも病院や学校を開設したりなどしている。Фукуси-но ко:дзё:-пуродзэккуто-надо-ни дзайсэйтэки эндзё:-о атаэтэ ори, суварио-дэ мо бё:ин я гакко:-о кайсэцу-сита-ри надо ситэ иру. *Оказывают финансовую помощь в проектах по повышению благосостояния населения, строят школы и больницы и в регионах, где говорят на суахили, осуществляют другую деятельность.*

2. Частица など стоит после вопросительной частицы か, например:

負担軽減が普天間の危険性除去にどう結びつくかなど具体論はない。Футан-кэйгэн-га Футэмма-но кикэнсэй-дзёкё-ни до: мусубицуку ка надо гутай-рон ва най. *Нет конкретного объяснения таких вопросов: «Как облегчение (финансового) бремени устраним опасность, связанную с базой Футэмма, и др».*

3. Определительное предложение с など не стоит непосредственно перед определяемым словом, поэтому бывает трудно определить, к какому слову это предложение относится, например:

インドと対立するパキスタンに軍事援助や原子力協力を進め、スリランカやミャンマー(ビルマ)で港湾整備を支援するなど、インド洋方面でも圧力をかけている。Индо-то тайрицу-суру пакистан-ни гундзи-эндзё: я гэнсирёку-о сусумэ, суриранка я мямма: (бирума)-дэ ко:ван-сэйхи-о сизэн-суру надо, индоё: хо:мэн-дэ мо ацурёку-о какэтэ иру. *Увеличивается давление на регион Индийского океана — через военное взаимодействие и сотрудничество в сфере ядерной*

энергетики с Пакистаном, противостоящим Индии, помощь в реконструкции портов в Шри-Ланке и Мьянме **и пр.**

4. После *など* в определительном предложении стоит запятая, что затрудняет понимание конструкции предложения, например:

北方領土問題でロシアが領土に特化した交渉を事実上拒否するなど、日本は領土交渉で苦しい立場に追い込まれている。Рё:до-мондай-дэ росиа-га рё:до-ни токка-сита ко:сё:-о дзидзицудзё: кёхи-суру надо, нихон ва рё:до-ко:сё:-дэ курусий тагиба-ни оикомарэтэ иру. *Япония в ситуации, когда Россия фактически отрицает проведение переговоров только по территориальной проблеме **и др.**, оказалась в сложном положении на переговорах по территориальным вопросам.*

5. Частица *など* играет роль субстантиватора, что бывает крайне редко, и совсем не свойственно этой частице, например:

70歳から74歳までの窓口負担を1割から2割に引き上げる、*などだ*。Нанадзю:сай-кара нанадзю:ёнсай-мадэ-но мадогути футан-о итивари-каранивари-ни хикиагэру, надо да. **Например**, с 10 % до 20 % увеличатся выплаты людям от 70 до 74 лет.

6. Употребляется не встречающаяся в учебниках по японскому языку конструкция: глагол + *など* + *する*, где указывается на то, что из ряда действий выбирается главное, и оно приводится в качестве аргумента, например:

それは、まず該当する部屋等を使用禁止にするなどするということです。Sorэ ва, мадзу гайто:-суру хэя-надо-о сиё: кинси-ни суру надо суру тою: кото дэсу. *Это, в первую очередь, **запрещение использовать** соответствующие комнаты и пр.*

7. В предложениях с частицей *など*, в которых сказуемое имеет отрицательную форму, может содержаться дополнительный отрицательный подтекст — сожаление, неудовольствие и т. д., что также затрудняет понимание. Например, в следующем предложении содержится явный оттенок «сожаления» по поводу сложившейся ситуации.

これは、未曾有の事態に直面して、首相の交代や衆院の解散・総選挙の余裕などなく、現内閣を頼みにするしかないという支持の広がりを見るべきだろう。Корэ ва, мидзоу-но дзитай-ни тёкумэн-ситэ, сюсё:-но ко:дай я сю:ин-но кайсан-со:сэнкё-но ёю:-надо нау, гэннайкау-о таноми-ни суру сика най тою: сидзи-но хирогари то миру бэки даро:. *Это мы должны рассматривать как усиление поддержки, когда перед лицом небывалой ситуации нет возможности смены премьер-министра, роспуска парламента, проведения всеобщих выборов **и др.**, и ничего не остается, как полагаться на существующий кабинет министров.*

8. После *など* может стоять частица *という*. Часто после этой частицы следует *こと*, *の* или существительное, например:

それまではトラックを購入するなどということは考えられないことだった。Sorэ-мадэ ва торакку-о ко:ню:-суру надо тою: кото ва кангаэрэрэнай кото датта. *Раньше трудно было представить — купить трактор **или другую технику**.*

Частица *など* может употребляться и после прилагательных, входящих в состав глагольных конструкций, например:

いわんや、彼らを不当に扱い、搾取し、奴隷として売ってもよいなどとは考えなかった。Иванья, карэра-о футо:-ни ацукаи, сакусю-си, дорэй-тоситэ уттэ мо ёй надо то ва кангаэнакатта. *Тем более невозможно представить, что (в Древнем Риме) с ними (артистами) можно было несправедливо обращаться, эксплуатировать и продавать как рабов и пр.*

Частица など встречается и после прилагательных, играющих роль сказуемых в предложении, например:

タイ国際航空のサービスがよいなどと言われています。Тай-кокусай-ко:ку:-но са:бису-га ёй надо то иварэтэ имасу. *Говорят, что обслуживание на самолётах тайской авиакомпании хорошее, и др.*

Однако など после прилагательных употребляется довольно редко.

Библиографический список

Литература

1. Алпатов В.М. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1 / В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлеская. – М.: Наталис, 2008. – 464 с.

References

Literatura

1. Alpatov V.M. Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazy'ka. Kn. 1 / V.M. Alpatov, P.M. Arkad'ev, V.I. Podlesskaya. – M.: Natalis, 2008. – 464 s.

В.А. Гончарова

Феномен национального социокультурного стереотипа при обучении иностранным языкам: пути решения проблемы

Статья рассматривает национальный стереотип как социокультурный феномен, входящий в парадигму языковой личности при межкультурном подходе к обучению иностранным языкам. При этом абсолютность стереотипов постулируется как сущностная проблема. Указываются методические пути решения проблемы, обосновывается модель обучения.

The article regards the national stereotype as a social cultural phenomenon within the conception of the language personality in foreign languages teaching; formulates the absolute nature of the stereotype as its problem; gives ways to solve it and grounds the model of adequate teaching.

Ключевые слова: национальный антропостереотип; сознательность; относительность.

Key words: national anthropostereotype; awareness; relativity.

В рамках межкультурного подхода к обучению иностранному языку в условиях языкового вуза, обусловленного необходимостью изучения языка в контексте культуры, особое место отводится формированию межкультурной компетенции как способу осуществления **межкультурной коммуникации** (далее — МКК). В свою очередь, МКК ориентирована на прогнозирование и устранение фактов взаимного непонимания между её участниками. В данном контексте важно учитывать фактор национальных социокультурных стереотипов как потенциальную деструкцию межкультурного общения.

Действительно, уже в первом определении стереотипов, введённом в социологию У. Липпманом, они понимаются как «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права» (цит. по: [3: с. 78]). Стереотип, таким образом, ввиду упрощённости своей природы, содержит потенциальную проблему для понимания в МКК.

Рассмотрим понятие стереотипа с точки зрения межкультурного подхода к обучению иностранным языкам. Для определения проблемы стереотипа в МКК уместно говорить об **антропостереотипах**, т. е. стереотипных пред-

ставлениях человека о национальном характере данной национально-культурной общности. Стереотипная интерпретация национального характера может быть нацелена как на представителей другой нации (**гетеростереотипы**), так и собственной (**автостереотипы**) [4].

Национальный стереотип — сложный социокультурный феномен, имеющий многоаспектную природу. Так, по мнению специалистов по проблеме стереотипа, он выражается в единстве четырёх аспектов: когнитивного, аффективного, социально-психологического и социологического. Учёные считают, что стереотип обладает такими свойствами, как условность, упрощённость, обобщённость, смысловая валентность, потенциальная неточность выражаемой им информации, обыденность, регрессивный характер, устойчивость, повторяемость, спонтанность. Кроме того, стереотип, имеющий социально-психологическую основу, отличается ярко выраженным эмоционально-оценочным характером, а также субъективным характером содержания. Наконец, стереотип как элемент социальной системы характеризуют такие свойства, как согласованность, нормативность, императивность. Таким образом, вышеперечисленные свойства стереотипа обуславливают его деструктивный эффект в процессе межкультурного общения. Отмечено, что существование стереотипов, как истинных, так и ложных, неизбежно ведет к затруднениям в коммуникации [3; 4].

Однако стереотип может не только быть препятствием в МКК, но и принести определённую пользу, помогать понимать ситуацию и действовать в соответствии с новыми обстоятельствами. Согласно мнению ряда учёных, в ситуации межкультурных контактов стереотипы бывают эффективны только тогда, когда они используются как первая и положительная догадка о человеке или ситуации, а не рассматриваются как непосредственная информация о них [3; 4]. Исходя из этой точки зрения, мы пришли к выводу о том, что социокультурные стереотипы обуславливают энтропийный эффект в процессе межкультурной коммуникации из-за их общей тенденции к единственно возможному восприятию другой национально-культурной общности [3]. Абсолютная природа стереотипа, его общая направленность на однозначную интерпретацию национального характера и культуры другой нации является причиной негативного влияния стереотипов на процесс межкультурного взаимопонимания при изучении иностранного языка.

Недопустимость многозначных трактовок стереотипизируемого объекта (в нашем случае — национального характера другого народа) рассматривается как центральный аспект в проблеме национальных социокультурных стереотипов. Это и позволило определить необходимость включения феномена антропостереотипов в процесс обучения иностранному языку с целью разработки методики их преодоления. Это возможно осуществить, с нашей точки зрения, на **основе осознанного снятия их абсолютности**, под чем мы понимаем формирование сознательного отношения к стереотипам на основе допущения объективной многозначности воспринимаемого объекта.

В результате проведённого исследования [1] мы определяем антропостереотип как сложный национальный и субъективно-культурный феномен вос-

приятия черт национального характера, выраженный в качестве суждения, которое обуславливает потенциальную деструкцию процесса межкультурной коммуникации в силу своей абсолютизирующей сущности.

Концептуальной основой для включения феномена стереотипа в обучение иностранному языку является языковая личность как субъект изучения иностранного языка и культуры. Именно в процессе межкультурного общения актуализация стереотипов находит наиболее яркое выражение, преломляясь в структуре языковой личности [2]. При этом необходимо учитывать и специфичность подхода к их снятию в процессе обучения иностранному языку.

Вектор стратегии преодоления абсолютности стереотипов развивается в направлении от перевода бессознательно воспринимаемых стереотипов в область осознаваемого, идентификации комплекса существующих антропостереотипов к собственно нейтрализации абсолютной природы стереотипов. Последнее действие, основное в предлагаемой стратегии, ориентировано на формирование способности учащихся к обобщению собственных стереотипных представлений на сознательной основе путём обращения к актуализации этих стереотипов на тезаурусном уровне языковой личности. Впоследствии осуществляется перевод сформированных на тезаурусном уровне обобщений в плоскость прагматического уровня языковой личности через познание особенностей функционирования обобщений в поведенческом аспекте (что содействует максимальной объективности и обобщению стереотипов, осознанию их релятивного характера). Таким образом, формируется способность студентов к осуществлению межкультурной коммуникации как прагматически-детерминированной характеристики языковой личности [1].

Такая стратегия легла в основу разработки соответствующей модели обучения преодолению национальных социокультурных стереотипов у студентов, включающей цель, содержание, принципы, методы, средства обучения и учебно-воспитательный процесс. Модель соотносится со спецификой обучения иностранным языкам на старших курсах языкового факультета вуза [5]. Ключевой **целью** обучения является формирование у студентов ориентировочной основы деятельности по преодолению абсолютности национальных социокультурных гетеростереотипов в процессе межкультурной коммуникации. Для данной стратегии важны три группы знаний, навыков, умений и отношений: ориентировочной, идентификационной и дезабсолютизирующей направленности. При этом дезабсолютизация предполагает снятие абсолютности стереотипов посредством обращения к их анализу с этической и эмической точек зрения, осмысления их релятивного контекста, формирования эмпатического отношения к иной национальной культуре.

В основу обучения положены **принципы**: речевой направленности, межкультурной направленности, сознательности, конструктивного сотрудничества преподавателя и студентов, культурно-связанного соизучения иностранного (английского) и родного (русского) языков, использования этического и

эмического подходов к познанию культуры, гармонизации национально-культурных отношений.

Актуализация этих принципов происходит преимущественно на базе эвристического и исследовательского **методов** обучения, которые находят конкретное воплощение в системе упражнений и обуславливают учебно-воспитательный процесс в целом. Разработанная специально для этого система упражнений по преодолению абсолютности стереотипов об английском национальном характере включает три типовые группы и соответствующие виды упражнений.

1. Типовая группа упражнений **психологического характера на осознание психологических механизмов стереотипного мышления** ориентирована на осознание сущностных свойств психологической природы стереотипного мышления.

2. Типовая группа упражнений **на идентификацию существующих (антропо)стереотипов** направлена на актуализацию существующего у студентов на момент обучения во фреймах сознания комплекса стереотипных представлений о национальном характере народа родной и изучаемой культур.

3. Типовая группа упражнений **на дезабсолютизацию стереотипов-концептов** направлена на снятие абсолютности стереотипов на основе: а) осознания ограниченного характера стереотипов на концептуальном уровне посредством усложнения их концептуальной структуры и изменения отношения к ним; б) перевода стереотипов в область мотивированного практического поведения посредством осуществления их этической декатегоризации и эмического анализа.

Компоненты модели обучения преодолению национальных социокультурных стереотипов об английском национальном характере у студентов старших курсов языкового вуза легли в основу структуры учебного пособия, являющегося основным **средством** обучения.

Разработанная модель воплощается в технологии обучения, которая включает три этапа. К этим этапам относятся: 1) создание обобщённой ориентировочной основы деятельности; 2) идентификация национальных социокультурных (гетеро)стереотипов; 3) снятие абсолютности стереотипов.

На **первом этапе** обучение нацелено на осознание психологической природы стереотипа как социокультурного феномена национального самосознания, а также на развитие умений осуществлять контроль над психологическими особенностями стереотипного мышления посредством перевода бессознательного в область осознаваемого. При этом у студентов формируются прежде всего знания, навыки, умения и отношения ориентировочной направленности. Кроме того, доминируют принципы сознательности и межкультурной направленности обучения. В качестве ведущей типовой группы упражнений на данном этапе выступают упражнения психологического характера на осознание психологических механизмов стереотипного мышления с конкретизацией эвристического метода обучения.

Второй этап нацелен на определение существующего у студентов комплекса гетеростереотипных (и автостереотипных) представлений на диагностирующем и итоговом этапах обучения, а также на развитие умений выделять стереотипные концепты в социокультурном контексте. В этом случае происходит формирование знаний, навыков, умений и отношений идентификационной направленности. Принцип культурно-связанного соизучения родного и иностранного языков является преобладающим. Ведущий для этого этапа эвристический метод конкретизируется в типовой группе упражнений на идентификацию существующих (антропо)стереотипов.

Третий этап является центральным в стратегии обучения и направлен на формирование способности учащихся к нейтрализации однозначности собственных стереотипных представлений, осуществление их верификации на сознательной основе путём обращения к актуализации этих стереотипов на тезаурусном и прагматическом уровнях языковой личности. Ключевой является типовая группа упражнений на дезабсолютизацию стереотипов-концептов. Обучение в рамках третьего этапа соответственно предполагает формирование знаний, навыков, умений и отношений дезабсолютизирующей направленности. При этом осуществляются: 1) усложнение (гетеро)стереотипных представлений; 2) объективация (верификация) стереотипных представлений.

Усложнение (гетеро)стереотипных представлений нацелено на **осознание ограниченного характера стереотипов на концептуальном уровне**. Это происходит на основе эвристического метода обучения путём контекстуальной демонстрации социокультурных концептов, противоречащих стереотипным представлениям.

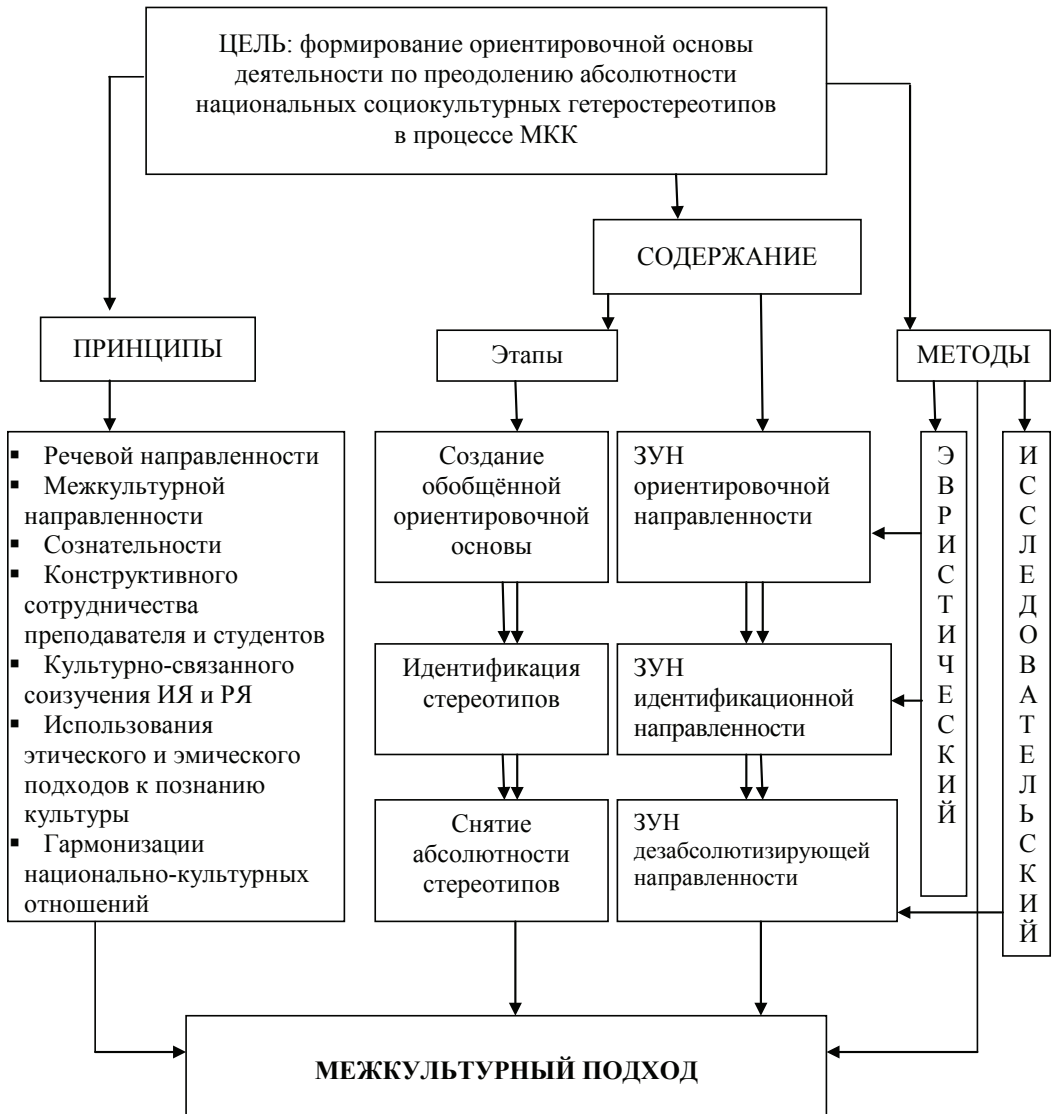
Объективация (верификация) стереотипных представлений ориентирована на **перевод стереотипов из области концептуальной актуализации в практическую, прагматически-мотивационную область** на базе исследовательского метода обучения. Это достигается посредством этического анализа культурно-ценностной основы стереотипов, а также осознания относительного характера культуры как феномена в рамках эмического подхода. Соответственно специфическими принципами для данного этапа являются принципы использования этического и эмического подходов к познанию культур, гармонизации национально-культурных отношений. При этом преподаватель выступает в роли медиатора межкультурного диалога.

Разработанная методическая модель обучения преодолению национальных социокультурных стереотипов в обобщенном виде представлена в схеме 1.

Предложенная технология преодоления стереотипов была успешно апробирована в ходе обучения. Проблема нейтрализации «всеобщности» стереотипов лежит в основе формирования объективной межкультурной коммуникативной компетенции как способности осуществлять эффективную межкультурную коммуникацию у студентов старших курсов языкового вуза.

Схема 1

Методическая модель обучения преодолению стереотипов

Библиографический список

Литература

1. Гончарова В.А. Национальные социокультурные стереотипы в обучении иностранным языкам (языковой вуз, английский язык): опыт преодоления / В.А. Гончарова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010. – 164 с.
2. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: Союз, 2001. – 291 с.
3. Попков В.Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации / В.Д. Попков; Социальное общество им. М.М. Ковалевского // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – № 3 (19). – Т. 5. – С. 178–191.

4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 365 с.

5. Языкова Н.В. Формирование профессионально-методической деятельности студентов педагогических факультетов иностранных языков / Н.В. Языкова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1994. – 238 с.

References

Literatura

1. Goncharova V.A. Nacional'ny'e sociokul'turny'e stereotipy' v obuchenii inostranny'm yazy'kam (yazy'kovej vuz, anglijskij yazy'k: opyt' preodoleniya / V.A. Goncharova. – Ulan-Ude': Izd-vo Buryat. gosuniversiteta, 2010. – 164 s.

2. Elizarova G.V. Kul'tura i obuchenie inostranny'm yazy'kam / G.V. Elizarova. – SPb.: Soyuz, 2001. – 291 s.

3. Popkov V.D. Stereotipy' i predrassudki: ix vliyanie na process mezhkul'turnoj kommunikacii / V.D. Popkov; Social'noe obshhestvo im. M.M. Kovalevskogo // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. – 2002. – № 3 (19). – Т. 5. – S. 178–191.

4. Stefanenko T.G. E'tnopsixologiya: uchebnik dlya vuzov / T.G. Stefanenko. – 4 izd., ispr. i dop. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 365 с.

5. Yazy'kova N.V. Formirovanie professional'no-metodicheskoy deyatel'nosti studentov pedagogicheskix fakul'tetov inostranny'x yazy'kov / N.V. Yazy'kova. – Ulan-Ude': Buryat. kn. izd-vo, 1994. – 238 s.

Н.В. Сорокина

Образы носителей родного, первого и второго иностранных языков как система авто- и гетеростереотипных представлений

В статье представлен анализ динамики национальных стереотипов студентов в ситуации межкультурной коммуникации. Динамика исследована с помощью метода ситуационного анализа (case study) на примере представлений одной студентки, посетившей ФРГ и США. Исследование показало, что авто- и гетеростереотипы взаимообусловлены и функционируют как единая система.

The paper analyzes students' national stereotypes dynamics in situations of intercultural communication. The dynamics is considered on the example of a Russian student's national conceptions about Americans and Germans before and after her visits to the USA and BRD, a case study method being used. The study supports the hypotheses that auto- and heterostereotypes are interdependent and function as a system.

Ключевые слова: национальный (этнический) стереотип; автостереотип; гетеростереотип; кейс-стади.

Key words: national (ethnic) stereotype; autostereotype; heterostereotype; case study.

Одной из важнейших задач современного языкового образования является подготовка студентов к эффективному осуществлению межкультурной коммуникации. Насколько успешным будет взаимодействие с представителями иных культур, зависит от многих факторов, в том числе и от актуализации устойчивых образов-представлений о своём народе (автостереотипов) и о других народах (гетеростереотипов). К сожалению, этому фактору уделяется пока недостаточно внимания как в практике преподавания иностранных языков, так и в научных исследованиях. Формирование авто- и гетеростереотипов в процессе изучения языков часто происходит как «немой» процесс в сознании студентов, не осознаваемый ни самими студентами, ни преподавателями. Малоизученными остаются динамика национальных (этнических) стереотипов в межкультурной коммуникации, содержание стереотипов о конкретных народах и их взаимосвязи.

Актуальность данной проблемы побудила нас провести эмпирические исследования образов носителей родного (русского) и иностранных (немецкого, английского) языков в представлениях студентов факультета иностранных языков и специфики их актуализации в ситуации непосредственной межкультурной

коммуникации. Исследовался межкультурный опыт студентов Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЗабГГПУ), полученный ими во время поездок в Германию, в г. Кассель (2009) и в г. Марбург (2010). Поездки были организованы благодаря финансовой поддержке Немецкой службы академических обменов (DAAD-Studienreise) и ЗабГГПУ.

Исследования были проведены на основе метода кейс-стади. Это один из качественных методов исследования, направленный на изучение конкретной ситуации, частного случая, существующего в реальной действительности. Одной из особенностей кейс-стади является комплексное использование методов сбора данных. Наше исследование было проведено в два этапа: до и после поездки. Перед поездкой мы использовали метод свободного описания (сочинение), ассоциативный эксперимент, анкетирование. После поездки студенты также написали сочинения и дали развернутые интервью (на основе полуструктурированного опроса). Кроме того, использовалось включенное наблюдение (в роли преподавателя) на занятиях по немецкому языку. Комплексное (иногда дублирующее) использование названных методов исследования позволило собрать достаточно большой объём данных о стереотипах каждого студента и их динамике и обеспечило большую надёжность результатов качественного анализа. Следуя логике кейс-стади, мы намеренно отказались от количественной обработки данных, поскольку, во-первых, выборка студентов невелика (всего 28 студентов). Во-вторых, качественный анализ на основе кейс-метода по каждому студенту отдельно позволяет более полно раскрыть влияние личного опыта и индивидуальных особенностей на коммуникацию.

В рамках данной публикации представляется возможным кратко представить результаты исследования лишь одного из кейсов — межкультурного опыта одной студентки. Результаты исследования на основе кейс-стади представляются обычно в виде особой формы научного отчёта — нарратива (повествования с точки зрения автора и словами автора) [2], в котором используются цитаты-примеры, предоставляющие слово непосредственным участникам событий. Цитаты выделены нами курсивом, в примерах из интервью сохранены особенности устной разговорной речи. Имя студентки из соображений научной этики изменено.

Итак, сначала обратимся к представлениям студентки Марии (20 лет) о Германии и немцах до поездки. Для Марии эта поездка в Германию была первой в её жизни. Она считала её очень важным событием, поскольку человеку, изучающему язык, *«просто необходимо знать культуру и жизнь народа»*.

Следует отметить, что это была не первая поездка Маши за границу. За два месяца до поездки в Германию она вернулась из США, где провела три летних месяца у своих друзей. Поездка в Америку имела огромное значение для девушки, так как была исполнением детской мечты. Как говорит сама Мария, она очень хотела побывать там *«с самого рождения»*, и не только побывать, но и переехать туда на постоянное место жительства. Жизнь в США очень понравилась Маше, она существенно повысила свой уровень владения английским языком и еще больше утвердилась в намерении переехать туда.

Всё это свидетельствует о том, что Мария сильно ориентирована на «Запад», стремление жить в Америке является одним из ведущих мотивов в её жизни. Данные обстоятельства позволяют нам утверждать, что немецкий язык играет для Марии второстепенную роль, хотя формально он является её основной специальностью. Уровень её владения им ниже, чем английским, но она настроена постоянно его повышать.

Обобщённо образ немецкого народа в представлениях Марии до поездки отражается в следующих ключевых характеристиках: немцы — *трудолюбивый, пунктуальный, высокоорганизованный, культурный, цивилизованный* народ. Особенно много внимания студентка уделяет описанию отношения немцев к делу, работе: *«Немцы трудолюбивы, они много работают, добросовестно относятся к своим обязанностям. [...] Немцы очень пунктуальные, ответственные, делают работу чётко. [...] Немецкое качество известно всему миру. Немецкий народ не стоит на месте, постоянно разрабатывая, совершенствуя и претворяя в жизнь новые технологии»*. Обилие характеристик, создающее детализированную картину стиля работы немцев, свидетельствует о важности этого представления для Марии.

Достаточно подробно и конкретно Мария описывает и некоторые другие сферы жизни немцев, например, роль мужчины в семье: *«Главным в семье у немцев является мужчина. Он много зарабатывает и может полностью содержать свою семью, деньги хранятся у него, и семейный бюджет планирует и распределяет именно он»*. Очевидно, что главенство в семье студентка связывает исключительно с финансовой сферой. Помимо упомянутых качеств немцев Мария отмечает также *гостеприимство, скупость, высокую культуру поведения, замкнутость, серьёзность, немногословность и чёткость формулировок* немцев.

Пребывание в Германии и знакомство с немецкой культурой произвело на Марию положительное впечатление и привело к пересмотру представлений о немцах. В сочинении она пишет: *«Немцы предстали передо мной совершенно в другом виде»*. Однако, анализируя полученные данные, мы увидели, что представления Марии о немцах изменились частично, стали более дифференцированными за счёт введения некоторых ограничений.

В числе первых представлений, претерпевших изменения, студентка называет пунктуальность немцев и описывает своё мнение о ней следующим образом: *«Безусловная пунктуальность, присущая каждому немцу, это скорее несколько неправильный стереотип, сложившийся у русских о немецком народе. Конечно, я не буду отрицать, что в Германии очень много пунктуальных людей, но далеко не все и не всегда!»* Изменение представления произошло благодаря наблюдениям Марии за поведением студентов, опаздывающих на занятия. А наблюдения за жизнью немецкой семьи, наоборот, подкрепляли стереотип о пунктуальности немцев: *«Наша семья была очень пунктуальная. Она (хозяйка) всегда спрашивала, во сколько мы придём, и с точностью до минуты мы должны быть дома»*. На почве непунктуальности русских студенток

даже возникали проблемы. Таким образом, представление о пунктуальности сохранилось, но перестало быть абсолютным.

То же самое произошло и с представлением об идеальной чистоте в Германии. Мусор, разбросанный кое-где на улицах, противоречил этому представлению. Наблюдения студентки сделали данное представление более дифференцированным, но в целом оно сохранилось: *«Стоит отметить, что немцы в большинстве своем очень чистоплотны, им не свойственно мусорить! [...] Иногда встречались места, где можно было увидеть мусор на улице, но не везде. В основном чисто».*

Полностью изменилось представление Марии о сдержанности, серьезности и замкнутости немцев: *«Я думала, что немцы очень замкнутые, очень серьезные люди, не шутят или шутят редко. Но это не так. Они, скорее, очень активные, радушные и лишний раз не забывают пошутить»* (сохранена стилистика автора. — Н.С.).

Другие представления Марии, зарегистрированные до поездки, остались без изменения. Например, представление о том, что *«немцы гостеприимны, но скупы»* подтвердилось абсолютно. В качестве примера проявления скупости Мария приводит описание следующей ситуации: *«Я купила карту, чтобы звонить домой. Если бы я использовала обычный стационарный телефон, то мои звонки оплачивала бы только я по этой карте. И я попросила позвонить, но она (хозяйка) сказала: “Нет, это дорого”. Она, видимо, не поняла меня».* Обобщив свой опыт общения с немецкой семьей, Мария пришла к выводу о том, что *«немцы вряд ли будут тратить лишние деньги на того человека, которого они принимают».* Следует отметить, что представления о щедрости и гостеприимстве играют очень важную роль в системе автостереотипов Марии. По этим параметрам она четко противопоставляет русских немцам и американцам (подробнее об этом см. ниже).

Сохранились и представления студентки о распределении ролей в немецкой семье. В интервью она сообщает: *«Это представление подтвердилось, потому что в семье, в которой я жила, действительно один мужчина работал и зарабатывал деньги, а жена содержала дом. Финансы хранились у него, если ей что-то нужно, она брала деньги у него».* Заметим, что здесь Мария уже не употребляет выражение «главный в семье». На дополнительный вопрос интервьюера об отношениях между мужчинами и женщинами студентка ответила так: *«Я могу судить по семье, в которой я жила. Отношения были очень хорошие, доброжелательные. Нет такого, что мужчина главнее, женщина ниже. Можно сказать, на равных».* То есть мы видим, что некоторое изменение в гендерных стереотипах о немцах всё-таки произошло, хотя не ясно, считает ли Мария такие отношения типичными для Германии или нет. Данное представление, возможно, находится в процессе трансформации и пока недостаточно четко осознаётся студенткой.

Как было сказано выше, поездка в Германию состоялась вскоре после трёхмесячного пребывания Марии в США. Мы можем предположить, что образ американцев и вслед за ним образ немцев являются наиболее четко очерченными сре-

ди всех гетеростереотипных представлений Марии в категории «другие народы». При этом встраивание образа немцев в систему гетеростереотипов происходило именно на фоне её представлений об американцах. Полученные в ходе исследования сведения дали нам возможность проследить взаимосвязь представлений о трёх народах (немцах, русских и американцах) и их динамику во время поездок. Образ американцев исследовался ретроспективно, то есть представления студентки до поездки были восстановлены по её словам уже после возвращения.

До поездки в США американцы представлялись Марии *весёлыми, толстыми, деловыми людьми, которые занимаются бизнесом и иногда ведут себя некультурно*. Девушка считает, что такой образ сложился в представлениях каждого русского. После поездки «американские картины» с большими высотными домами сменились в представлениях студентки картинами *одноэтажной Америки, в которой «проживает 80 % населения»*. Оказалось, что *далеко не все американцы толстые, многие активно занимаются спортом и находятся в хорошей форме*. Появилось много новых представлений об американцах: *очень эмоциональные, очень, даже чересчур дружелюбные* (продавцы, прохожие), их отношения между собой *неглубокие, поверхностные*, они редко по-настоящему дружат.

Посетив США и Германию, Мария проводит параллели между американской и немецкой культурами и находит между ними довольно много общего. При этом она противопоставляет их русской культуре по многим параметрам. Наиболее важной сферой, где наблюдаются существенные различия, студентка считает отношения начальника и подчинённого, и один из вариантов таких отношений — отношения учителя (преподавателя) и ученика (студента). Эти различия Мария формулирует следующим образом: *«У русских от начальства идёт какая-то подавляющая позиция: “Вы это не сделали, вы должны сделать”*. Больше какой-то негатив. А у американцев не так. Там сделаешь даже какую-то мелочь, и тебя хвалят полчаса. Что-то поможешь, они довольные, прямо до небес. У нас это даже и не заметили бы». Ту же особенность Мария подчёркивает и в поведении немецкого профессора по отношению к студентам: *«Когда Шмидт преподавал у нас в университете, его уроки были мягкие, лёгкие, спокойные, весёлые. Если человек что-то не знает, он долго смеялся и говорил, что он будет ждать, пока студент не ответит, и шутил по этому поводу. Он не говорил: “А почему вы не приготовились?” И студенты были расположены к этому, заниматься было намного легче. Обстановка была другая. <...> Я считаю, что европейский вариант более продуктивный. Человеку даётся шанс понять, что он что-то может, что он что-то знает»*. Очевидно, что американский и немецкий варианты поведения в данной сфере оцениваются студенткой положительно, а российский — отрицательно.

Различия, довольно точно подмеченные Марией, обусловлены разной дистанцией власти в западных и российской культурах. Отношение к власти в американской и немецкой культурах сопряжено с понятием равенства. Как пишет об этом Г.В. Елизарова, «люди, обладающие властью, воздерживаются

от внешних признаков её проявления. <...> Руководители стремятся завуалировать команды и высказать их в виде просьб и предложений, а также вовлечь подчинённых в принятие решений. <...> На другом полюсе находятся иерархичные культуры, в которых неравенство по отношению к власти принимается как должное; авторитарное поведение, <...> прямое выражение приказов, высказывание оценочных суждений по отношению к нижестоящим <...> является нормой» [2: с. 38]. Русская культура тяготеет к полюсу иерархичных культур, что и проявляется в приведённых Марией примерах.

Немецкую и американскую культуры Мария объединяет также по параметру отношения к работе. И американцы, и немцы *«всё делают систематически»*, работают планомерно и регулярно. Характеристик стиля работы немцев в высказываниях студентки до поездки намного больше, чем деловых характеристик американцев. Скорее всего, в представлениях студентки немцы являлись более сосредоточенной на работе нацией, чем американцы. После поездки в Германию в текстах студентки уже нет такого количества характеристик стиля работы немцев, она лишь подчёркивает систематичность их работы. Вероятно, эти представления сохранились, но потеряли свою ведущую роль в гетеростереотипе немцев. Россия же в отличие от Германии и США, по мнению Марии, *«страна бесшабашная»*. *«Русские могут веселиться очень долгое время, потом всё сделать за один день»*, — отмечает она в этой связи.

Общность немецкой и американской культур проявляется, с точки зрения студентки, и в социальном оформлении внешности, например, в манере одеваться. В этом обе культуры очень сильно отличаются от русской культуры, что обусловило переживание Марией некоего культурного шока во время её пребывания в Америке. Вот как она рассказывает об этом в интервью: *«Мы, русские, привыкли, что мы должны накраситься, надеть платье, чтобы пойти куда-то, например, на свадьбу. Мы были там (в США) на трёх свадьбах. Я в своей комнате надела платье обтягивающее, каблук, накрасилась, выхожу. Все на меня так смотрят странно: “Маши, снимай это немедленно, так не пойдёшь, потому что это будет чересчур”. То есть для них это выглядит как девушка лёгкого поведения»*. Спортивный стиль одежды типичен, по наблюдениям Марии, и для немцев.

Сопоставляя особенности трёх культур, Мария находит существенные отличия между ними также и в проявлении гостеприимства. Все три народа она считает гостеприимными, но присваивает им разные места в рейтинге по этому параметру. Выше мы уже говорили о том, что немцев студентка считает гостеприимными, но скупыми. *«Американцы гостеприимны и более щедры, чем немцы, но не настолько, насколько русские»*. Русские занимают в этом рейтинге первое место: *«Русские живут на широкую ногу. Если к русским приезжают гости, то русские готовы потратить много денег на человека, которого принимают, особенно из заграницы»*. Отметим, что этот автостереотип имеет ярко выраженный позитивный заряд аффективного компонента, который, возможно, даже усилился после сравнений, сделанных в пользу России.

Близость американской и немецкой культур в представлениях Марии не является абсолютной. Помимо уже упомянутых отличий она называет также разную степень выраженности доброжелательности в поведении немцев и американцев. Особенно заметно это проявляется на уровне социальных контактов, например, в сфере обслуживания. Общение американского продавца с покупателем Мария описывает следующим образом: «*В США меня особенно удивило, что, когда приходишь в торговый центр, они спрашивают: “Как вы себя чувствуете? Здравствуйте! Добрый день! Я вам желаю, чтобы у вас был самый счастливый день сегодня в вашей жизни!”*» Такое речевое поведение студентка объясняет ментальностью американцев, причём не столько их дружелюбием, сколько большой эмоциональностью. В Германии, по мнению Маши, продавцы тоже дружелюбные, но «*нет такого «чересчур», как в Америке*». Россия в этом рейтинге доброжелательности занимает последнее место.

Обобщая вышесказанное, отметим, что после поездки в Германию представления Марии о немцах во многом подтвердились, но стали более дифференцированными. Её отношение к немцам стало более позитивным. Представления о немцах и американцах сблизились, образуя некую общую структуру западных культур, противопоставленную России. Что касается автостереотипа Марии, то эта система представлений проявила себя в ситуации межкультурной коммуникации как стабильная.

Завершая анализ образов русских, немцев и американцев в представлениях Марии, мы можем сделать вывод о системной взаимообусловленности авто- и гетеростереотипа (подробнее об этом см. [3]). Автостереотипы, как правило, противопоставлены гетеростереотипам, образуя некую оппозицию (*немцы — организованные, русские — бесшабашные*). Если рассматриваются представления о нескольких культурах, то они ранжируются по определённым параметрам (ср. «рейтинги» гостеприимности, доброжелательности в представлениях Марии). Если изменяется представление о другом народе (*в США и ФРГ начальники хвалят, подбадривают*), то происходит корректировка и автостереотипных представлений (*в России дают на подчинённых*). Причём трансформация происходит не только в когнитивном, но и в аффективном компоненте стереотипа. Если в системе гетеростереотипов усиливается позитивная оценка, то в системе автостереотипов она снижается. Указанные свойства системы авто- и гетеростереотипов необходимо учитывать в учебно-воспитательном процессе по иностранным языкам и внедрять технологии обучения, направленные на глубокое осознание природы стереотипов и оптимизацию процесса межкультурной коммуникации.

Библиографический список

Литература

1. *Веселкова Н.В.* Методы исследования в социальной работе. – URL: <http://do.teleclinica.ru/184311>.

2. *Елизарова Г.В.* Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
3. *Солдатова Г.У.* Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания / Г.У. Солдатова // Познание и общение. – М.: Наука, 1988. – С. 111–125.

References

Literatura

1. *Veselkova N.V.* Metody' issledovaniya v socialnoj rabote. – URL: <http://do.teleclinica.ru/184311>.
2. *Elizarova G.V.* Kul'tura i obuchenie inostranny'm yazy'kam / G.V. Elizarova. – SPb.: Karo, 2005. – 352 p.
3. *Soldatova G.U.* Mezhe'tnicheskoe obshhenie: kognitivnaya struktura e'tnicheskogo samosoznaniya / G.U. Soldatova // Poznanie i obshhenie. – M.: Nauka, 1988. – S. 111–125.

А.П. Варкан

**Вера американских индейцев
vs вера английских колонистов
(пенталогия о Кожаном Чулке
Дж.Ф. Купера)**

В статье анализируется религиозный аспект в пенталогии о Кожаном Чулке Дж.Ф. Купера. Основной акцент ставится на выявлении позиции автора относительно веры английских колонистов и веры коренных американцев.

This article presents the analysis of the religious aspect in the *Leatherstocking Tales* by J.F. Cooper. The principal subjective is to identify the author's position relative to the religion of English colonizers and the beliefs of Native Americans.

Ключевые слова: индейское мировоззрение; язычество; библейский текст; земля обетованная; самобытность культуры.

Key words: Indian worldview; paganism; Scriptures; the Promised Land; cultural identity.

В процессе работы над книгами пенталогии о Кожаном Чулке «*The Leatherstocking Tales*» Купер воссоздавал историю своей страны. Для этого автору было необходимо глубоко изучить культуру индейцев. Так как историческая панорама жизни коренных американцев дополняется и по сей день, логично предполагать, что во времена писателя количество источников для получения информации об аборигенах было ограниченным. Несмотря на это, автору удалось представить на суд читателя портрет Америки XVIII–XIX веков и дать убедительное описание двух различных культур, столкнувшихся на континенте. Но стоит отметить, что при этом автор не был склонен уделять большого внимания деталям: романтизм поднимает его над фактами обыденной жизни. Кроме того, в пенталогии он предпочитает говорить не о конкретной религии, а о вере, ему ближе не писанные законы, а законы чести и совести.

По мнению Марка Твена, Купер допустил ряд фактических ошибок, создавая романы серии [7: с. 4]. Данный факт, будучи убедительно подтверждённым, может быть оправдан тем, что автор стремился сосредоточить своё вни-

мание на самых существенных чертах истории Америки, упуская при этом подчас немаловажные детали. Писателю без труда удалось завладеть интересом читателей и сконцентрировать их внимание на главном. Анализируя историю своей родины, Купер мог прогнозировать направление её развития. Взор автора был устремлён в будущее, идеал которого он видел в некоем компромиссе между первозданной природой и прогрессом человечества. С точки зрения Р. Спиллера, Купер «стоял ровно посередине», отмечая одинаковое количество достоинств и недостатков как в развивающемся обществе, так и в образе жизни аборигенов [6: с. 327].

Всё же можно утверждать, что в пенталогии о Кожаном Чулке автор занимает позицию ближе к индейскому мировоззрению. Таков и взгляд главного героя серии романов. Натаниэль Бампо (*Nathaniel Bumppo*) резко критикует путь развития цивилизации на континенте. Будучи американцем, протагонист пенталогии видит не только прогресс, но и ошибки, граничащие порой с преступными действиями, при продвижении переселенцев на Запад.

Хотя в серии романов о Кожаном Чулке идея «града на холме» так и не воплотилась в жизнь, была создана единичная модель идеального человека, достойного «земли обетованной». В романе «Следопыт» автор даже уподобляет Натаниэля Адаму до грехопадения [5: с. 138]. Главный персонаж пенталогии — своеобразная золотая середина между белыми и индейцами — этносами с разными взглядами на окружающую действительность. Этот контраст между двумя культурами и стал основой для построения сюжетов всех книг пенталогии.

Вопрос религии как одного из компонентов культуры разрешается Купером с учётом реальных противоречий. В произведении столкнулись христианство и язычество. Мы обозреваем конфликт извне, через главного героя. Соединяя в себе христианскую религию с индейским мировоззрением, Натаниэль выше мелочей, свойственных повседневным проявлениям общества. Единственной для него является вера в высший разум.

Центральный персонаж пенталогии уникален, а когда он уходит из жизни, то ему не находится замены, несмотря на то, что среди белых людей, как и среди краснокожих, есть множество достойных. В романе «Пионеры» умирает лучший друг героя, индеец Чингачгук. В данном романе последнего именуют Джон, поскольку он принял христианскую веру. Это повествование основано на историческом факте: могикиане приняли христианство быстрее других племён и, следовательно, раньше других начали участвовать в жизни переселенцев из Старого Света. Вполне вероятно, что именно эта адаптация и привела к постепенному исчезновению племени могикиан — их культура была иной: «краснокожие» находились на другой ступени развития общества. Было невозможно превратить их в другой этнос: каждый из них самобытен. Проблема заключалась в том, что для колонистов, точно так же как и для индейцев, существовала лишь одна культура — их собственная.

В XV–XVI веках представление о многообразии человеческих культур лишь начинало проникать в сознание наиболее передовых мыслителей. Дж.Ф. Купер,

творивший в XIX веке, разделял точку зрения единства Бога, лишь по-разному именовавшегося в разных культурах. В пенталогии мы наблюдаем, что автор осуждает своих героев, не разделяющих его позицию. Так, в «Последнем из Могикиан» Давид Гамут (*David Gamut*) даёт следующую оценку религии краснокожих: «Они никогда не соединяют свои голоса в хвале Господу и, по-видимому, принадлежат к числу самых нечестивых идолопоклонников» [3: с. 175]. Такой вывод псалмопевец сделал лишь по тотему в виде черепахи, который был отличительным знаком одного из племён. Страницей ранее автор, напротив, подчёркивает толерантное отношение индейцев к религии бледнолицых: «Магуа не был вполне лишён того чувства благоговения, с которым индейцы относятся ко всему, что касается тайн религии» [3: с. 174]. Сам Купер, будучи христианином, тактичен по отношению к другим религиям. Более того, ему удаётся найти и подчеркнуть преимущества верования аборигенов. В пенталогии говорится, что к индейцам их бог находится ближе, чуть ли не среди них, а христианский Бог располагается на значительном расстоянии. Христиане организуют общественный институт для общения с Богом, тогда как у индейцев оно идёт через природу — продукт творения божественного, а не человеческого. Природа олицетворяет веру коренных американцев, а церковь у Купера служит символом веры колонистов. Автор рисует образы служителей христианского храма, которым не всегда даёт положительную оценку. Так, в романе «Прерия» «достойный священник пошёл на **благочестивый обман**» (выделено нами. — А.В.) [4: с. 142].

Пуританские убеждения главного героя Купера противоречат существованию каких-либо посредников между человеком и Господом. В частности, Натаниэль не почитает церкви: «Что касается церквей, то, вероятно, от них должна быть какая-нибудь польза, иначе добрые люди не стали бы их строить. Но особенной необходимости в ней нет. Говорят, это храмы Господа Бога, но, по-моему, Джудит, вся земля — это храм для людей со здоровым умом» [1: с. 145].

Для самого Купера «формальное присоединение к церкви является менее важным, чем вера и мораль» (перевод наш. — А.В.) [8: р. 67]. Автор и его герой отвергают внешние проявления верований. В начале романа «Прерия» писатель рисует следующий близкий ему образ: «Он не религиозен, потому что с молоком матери впитал убеждение, что смысл религии не в соблюдении обрядов, а всякую подделку под религию разум его отвергает» [4: с. 55].

Аналогичная мысль прослеживается и в «Пионерах»: «...тщательное соблюдение внешних форм религии указывает на скудость веры» [2: с. 15]. Именно эта фраза является исчерпывающей для понимания позиции героя. Купер воспринимает внешнюю религиозность как препятствие к истинной вере.

Несмотря на тот факт, что Купера называли «непрофессионалом в делах церковных» (перевод наш. — А.В.) [8: р. 67], мы видим его критику в адрес христиан. Иллюстрацией может послужить диалог из романа «Зверобой»: белая девушка с Библией в руках, предпринимая попытку убедить индейского воина в мирных намерениях своих соотечественников, говорит о том, что

«во всей книге нет ни слова о ружьях; порох и пули неуютны Великому Духу». Ответ индейца: *«Тогда почему бледнолицые пользуются и тем и другим? Если им приказано отдавать вдвое против того, что у них просят»* [1: с. 177] — свидетельствует о том, что абориген видит тот диссонанс между написанным в Священной Книге и действительным поведением колонистов, который для переселенцев остаётся незаметным. Отсюда презрительное отношение «краснокожих» не только к Священному Писанию, но и к книгам вообще.

Интересен тот факт, что подобную точку зрения полностью разделяет главный герой: *«<...> слова, напечатанные в книгах, не могут быть более истинными, чем те, которые начертаны на небесах, на лесных вершинах, на реках и на родниках»* [1: с. 394]. Словами героя автор и здесь выражает позицию аборигенов, у которых своя книга — это окружающий их мир, и они обладают способностью без труда «читать» её. Так, например, по звуку хрустнувшей ветки и по шуму ветра индеец мог понять многое. Природа-мать служила кормилицей и убежищем коренным жителям континента. Большинство же англичан воспринимали окружающий мир не как источник мудрости, а скорее как жизненный ресурс. Истины они черпали из Священного Писания, смысл которого порой были неспособны понять.

Примером легкомысленного отношения к библейскому тексту может служить эпизод из романа «Пионеры». Завсегдатай трактира Мистер Холлистер, пересказывая библейский сюжет, многозначительно заметил: *«<...> у израильтян была сильная кавалерия: там ведь написано, что Иисус Навин поражал врагов остриём своего меча. Стало быть, под его командой были не просто всадники, а регулярная кавалерия. Недаром в Библии они так прямо и называются “избранными”»* [2: с. 101].

Писатель явно ставит под сомнение понимание религиозных истин колонистами. Что касается веры «краснокожих», в пенталогии мы находим мысль автора о единобожии у племён: над существами, живущими на земле, стоит Великий Дух. Посредник между Великим Духом и людьми обладает особой магической силой, разлитой в мироздании, одни племена называли его Маниту, другие Оренда, третьи — Вакан. Они возносили ему молитвы перед каким-либо важным событием. Так, в «Последнем из Могикан» [3: с. 247] из уст Ункаса мы слышим религиозную песню о могуществе Маниту, о его присутствии в окружающем мире.

Центральный персонаж на протяжении всей истории пенталогии ищет компромисс между природой и Церковью. В романе «Следопыт» Охотник Натти восклицает: *«В лесу <...> словно ты стоишь перед лицом творца: всё вокруг так свежо и прекрасно, словно только что вышло из его рук, и никто не донимает тебя премудростями церковных вероучений, которые только сушат душу. Нет, нет, истинный храм — это лес, здесь твои мысли свободны и воспаряют даже выше облаков»* [5: с. 93].

В подтверждение тому, что герой ближе к индейской позиции, можно привести утверждение индейца Чингачгука: *«Великий Дух — на озере, в лесу, в обла-*

ках, в Уа-та-Уа, в сыне Ункаса, в Таменунде, в Зверобое» [1: с. 406]. Центральный персонаж лишь выражает мировоззрение индейцев языком христианина. Герой даже проецирует элементы церкви на окружающую его природу: «Рошу эту, занимавшую много акров, можно было уподобить величественному храму, где клёны были колоннами, их кроны — капителями, а небо — куполом» [2: с. 167]. Вот она, истинная церковь для христианина Натти, где он «повседневно и повсечасно непрестанно служит своему творцу» [5: с. 457–458].

Казалось бы, религии переселенцев и коренных американцев полярно противоположны, но по прочтении пенталогии о Кожаном Чулке можно заключить, что Купер не считает христианскую религию противоречащей религии индейцев. Даже героиня одного из романов («Зверобой») проводит параллель между двумя верованиями: «Великий Дух, как вы называете нашего Бога, приказал написать книгу, которую мы называем Библией» [1: с. 174]. Купер показывает реальную возможность сосуществования двух культур и их веры. Символ такого союза — дружба между белым охотником Натти и индейцем Чингачгуком. Так автор подводит нас к тому, что в верованиях двух этносов есть общие черты.

Итак, Джеймс Фенимор Купер предпринимает попытку сравнить верования двух культур. При этом автор выбирает два пути: противопоставления, а затем, напротив, обращается к выделению общих черт. В конечном итоге Купер находит своего рода компромисс: писатель возвращается к истокам веры. Он изымает все «лишнее»: посредников между человеком и Богом у христиан, идолопоклонничество у индейцев — и идилично соединяет веру в Бога с поклонением его детищу — окружающей нас природе.

Библиографический список

Источники

1. Купер Дж.Ф. Зверобой, или Первая тропа войны / Дж.Ф. Купер; пер. с англ. Т. Грица. – М.: Правда, 1981. – 528 с.
2. Купер Дж.Ф. Пионеры, или У истоков Саскуиханны / Дж.Ф. Купер; пер. с англ. – URL: http://webreading.ru/adv/_adv_indian/dgheym-s-kuper-pioneri-ili-u-istokov-saskuihanni.html, свободный.
3. Купер Дж.Ф. Последний из Могикан, или Повествование о 1757 годе / Дж.Ф. Купер; пер. с англ. Е.М. Чистяковой-Вер, А.П. Репиной; вступ. ст. А. Елистратовой. – Мн.: Университетское, 1985. – 270 с.
4. Купер Дж.Ф. Прерия / Дж.Ф. Купер; пер. с англ. – URL: http://webreading.ru/adv/_adv_indian/dgheym-s-kuper-preriya.html, свободный.
5. Купер Дж.Ф. Следопыт, или На берегах Онтарио / Дж.Ф. Купер; пер. с англ. Р.М. Гальпериной, Д.Л. Каравкиной, В.Н. Курелла. – М.: Правда, 1981. – 496 с.

Литература

6. Литературная история Соединённых Штатов Америки. Том 1 / [Р. Спиллер, У. Торп, Т.Н. Джонсон и др.]; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1977. – 603 с.

7. *Tven M.* Литературные грехи Фенимора Купера / М. Твен. – URL: <http://www.marktwain.ru/literaturnie-grehi-fenimora-kupera>, свободный.

8. *Robertson H.P.* James Fenimore Cooper and Catholicism / H.P. Robertson // Papers from the 2003 Seminar (№ 14), James Fenimore Cooper. His Country and His Art. – NY: College at Oneonta, 2004. – 108 p.

References

Istochniki

1. *Kuper Dzh.F.* Zverboj, ili Pervaya tropa vojny' / Dzh.F. Kuper; per. s angl. T. Gricza.– M.: Pravda, 1981. – 528 s.

2. *Kuper Dzh.F.* Pionery', ili U istokov Saskuixanny' / Dzh.F. Kuper; per. s angl. – URL: http://webreading.ru/adv_/adv_indian/dgheymys-kuper-pioneri-ili-u-istokov-saskuihanni.html, svobodny'j.

3. *Kuper Dzh.F.* Poslednij iz Mogikan, ili Povestvovanie o 1757 gode / Dzh.F. Kuper; per. s angl. M. Chistyakovoj-Ver, A.P. Repinoj; vstup. st. A. Elistratovoj.– Mn.: Universitetskoe, 1985. – 270 s.

4. *Kuper Dzh.F.* Preriya / Dzh.F. Kuper; per. s angl. – URL: http://webreading.ru/adv_/adv_indian/dgheymys-kuper-preriya.html, svobodny'j.

5. *Kuper Dzh.F.* Sledopy't, ili Na beregax Ontario / Dzh.F. Kuper; per s angl. R.M. Gal'perinoj, D.L. Karavkinoj, V.N. Kurella. – M.: Pravda, 1981. – 496 s.

Literatura

6. Literaturnaya istoriya Soedinyonny'x Shtatov Ameriki. Tom 1. [R. Spiller, W. Thorp, T.N. Johnson i dr.]; per. s angl. – M.: Progress, 1977. – 603 s.

7. *Tven M.* Literaturny'e grexi Fenimora Kупера / М. Твен. – URL: <http://www.marktwain.ru/literaturnie-grehi-fenimora-kupera/>, svobodny'j.

8. *Robertson H. P.* James Fenimore Cooper and Catholicism / H.P. Robertson // Papers from the 2003 Seminar (№ 14), James Fenimore Cooper. His Country and His Art. – NY: College at Oneonta, 2004. – 108 p.

А.А. Вяткина

Адресат французского журнала для детей раннего возраста «Papi»

Статья посвящена проблеме адресата французского журнала «Papi» для детей раннего возраста. Рассматривается вопрос прямого (реального) адресата, даётся характеристика адресата-взрослого и адресата-ребёнка. Анализируется феномен социализации ребёнка посредством журнала и с помощью взрослого.

The article examines the receiver of the French magazine «Papi» for infants. The issue of the direct (real) receiver is concerned; the adult receiver and the infant receiver are characterized. The paper analyzes the phenomenon of child's socialization by means of the magazine and with the help of the adult.

Ключевые слова: медийный дискурс; социализация; адресант; адресат; терциарный / реальный адресат.

Key words: media discourse; socialization; addresser; receiver; tertiary / real receiver.

В практике коммуникации медийный дискурс охватывает широкую аудиторию, в том числе и детскую. Определение дискурса как медийного восходит к синкретичному термину, утвердившемуся в коммуникативистике, — массмедиа (mass-media, средства массовой информации), которые «связаны с развитием культуры и социальных отношений» [10: с. 197]. В данной статье предполагается ответить на вопрос, кто является адресатом в медийном дискурсе, представленном в нашем случае журналом «Papi», который позиционирует себя как издание, предназначенное для детей от одного года до трёх лет (1–3 ans), о чём заявлено на титуле.

Как известно, адресат определяется как слушающий/читающий получатель сообщения [3: с. 226]. Думается, что ребёнок обозначенного журналом возраста не может быть читающим, но способен быть слушающим, так как в данный период детства он слушает, рассматривает иллюстрации, реагирует на увиденное и услышанное. Тогда напрашивается вопрос о том, кто же является реальным адресатом, т. е. тем, кто может прочесть журнал. Для ответа на этот вопрос обратимся к характеристике адресата-ребёнка и адресата-взрослого.

При рассмотрении адресата раннего возраста значимыми являются исследования психологов: специалистов в области детской психологии, которые отмечают, что в этот период у ребёнка формируются начальные психические действия. На первом году жизни он учится манипулятивным действиям. Ко второму году ребёнок способен употреблять до 300 слов, узнавать знакомых людей/предметы на фотографиях, осуществлять предметную деятель-

ность. А ближе к третьему году у него формируется самосознание. Именно в трёхлетнем возрасте ребёнок входит в мир постоянных вещей, проявляет себя как **активный слушатель** [6: с. 118–148].

Представляется важным выяснить, насколько содержание рубрик журнала соответствует уровню развития детской аудитории раннего возраста. Думается, что составители соблюдают принцип *возрастосообразности* [8: с. 23], в противном случае журнал не был бы так востребован в родительской среде, о чём свидетельствует как внушительный тираж журнала (67 935 экземпляров), так и положительные отзывы родителей на французском сайте — <http://www.ciao.fr>. Значимость принципа *возрастосообразности* подтверждается тем, что журнал состоит из 5–6 рубрик, ориентированных на определённый возраст в диапазоне от одного года до трёх лет, а именно на умения и навыки ребёнка, формирующиеся в этом возрастном промежутке. Журнал нацелен на гармоничное развитие маленького читателя, учитывая его индивидуальные особенности. Важна в этом плане точка зрения М.Б. Елисеевой, которая выделяет два типа детей раннего возраста: *аудиалы* и *визуалы*. У *аудиалов* способность воспринимать текст на слух проявляется иногда даже раньше, чем интерес к книге (в нашем случае журналу) как к предмету. Такие дети с полугода с удовольствием слушают длинные стихотворные тексты, рассказываемые им взрослыми наизусть [4: с. 6]. *Визуалам* для восприятия текста поначалу необходима визуальная, материальная опора — книга или журнал. Ребёнок-*визуал* может воспринимать тексты на слух при том, что эти тексты сопровождаются некой визуальной опорой — совместными жестами взрослого и ребёнка. Вышесказанное позволяет утверждать, что ребенок-адресат является одновременно наблюдателем и участником процесса коммуникации.

Считаем, что редакция журнала «Pori» ориентируется как на детей-*визуалов*, так и на детей-*аудиалов*. В журнале содержатся рубрики, развивающие манипулятивную деятельность, что характерно для *аудиалов*, а также рубрики, нацеленные на формирование речевой деятельности с помощью визуальной опоры, что представляется важным для детей-*визуалов*. Психологи отмечают, что в возрасте одного года дети слушают, наблюдают, способны узнавать по памяти и предвидеть события ближайшего будущего [7: с. 59]. Эти особенности психического развития ребёнка учитываются в рубрике «L'imagerie» («Детская мастерская»)¹, где детям предлагается высказывать свои догадки по поводу её содержания. Такое предположение основано на структуре рубрики, включающей своеобразную *книжку-раскладушку*, что позволяет ребёнку не сразу увидеть все картинки, а, опираясь на увиденное, постепенно, с помощью взрослого, угадать дальнейшее развитие сюжета. Согласно М.Б. Елисеевой, для ребёнка печатное издание предстаёт, в первую очередь, как игрушка, с которой он выполняет манипулятивные действия: складывает, раскладывает.

Ко второму году жизни дети способны осуществлять предметную деятельность, опираясь на свои первичные манипулятивные навыки и выполняя

¹ Здесь и далее перевод наш. — А.В.

задания, предложенные в журнале, — *détacher* (отклеивать, отрезать), *coller* (приклеивать) [1: р. 14] и др. В этой рубрике ребёнок в возрасте двух лет также может найти применение своим умениям.

Рубрика «La surprise» («Сюрприз») предназначена для детей двух лет, которые находятся на стадии овладения предметными действиями и нуждаются в поддержке со стороны. Здесь представлены иллюстрации и текст, который читает взрослый. Эта рубрика может пользоваться особым успехом у детей-аудиалов. В возрасте двух-трёх лет дети начинают понимать речь — рассказ взрослого [2: с. 70].

Рубрика журнала «La grande image à découvrir» («Раскрой большую картинку») способствует процессу говорения ребёнка с помощью взрослого, так как включает в себя большое изображение и 1–2 предложения, вводящие в тему и определяющие её развитие. Предполагается, что читающий вслух взрослый начинает повествование, а ребёнок призван продолжить сюжет и развернуть его. Таким образом, из содержания журнала становится понятно, что при его подготовке коллектив авторов и составителей учитывает особенности психического развития ребёнка, осознаёт значимость участия взрослого в его социализации.

Чтобы получить ответ на вопрос о реальном адресате журнала «Pori», в июле 2011 года автором статьи было проведено интервью с редактором журнала «Pori» мадам Мариан Вилькок, которая считает, что именно взрослый служит посредником между автором (адресантом) и ребёнком, помогая с раннего детства осуществлять познавательную деятельность с помощью журнала. В этой связи можно сказать, что реальным адресатом становится тот, кто выписывает/покупает журнал и читает его с ребёнком (родители, воспитатели, значимые взрослые), поскольку дети раннего возраста не способны пользоваться данным изданием без посредника. Однако ребёнка также можно считать реальным адресатом, так как он и есть *целевая аудитория*, которой предназначен журнал. По мнению психологов, в период раннего детства процесс совместной деятельности взрослого и ребёнка является основополагающим, так как способствует формированию речи [2: с. 66]. Этот взрослый — посредник между адресантом и реальным адресатом (ребёнком). Важно обратить внимание на феномен терциарности, когда сообщение адресовано терциарному адресату, т.е. взрослому, который читает ребёнку, но не является при этом прямым адресатом: «Речь, обращённая непосредственно к одному слушателю, но рассчитывающая и на другого слушателя, и является терциарной речью» [5: с. 114]. Родитель создаёт с помощью журнала благоприятную среду для развития восприятия, мышления маленького читателя, его интереса к окружающему миру, для развития чувства языка, которое складывается к трём годам жизни [2: с. 68].

Основу социализации, по мнению специалистов, формирует появление у ребёнка в первый год жизни чувства привязанности [7: с. 72]. Читая, комментируя прочитанное, иницилируя диалог с помощью интонации, родитель стимулирует в ребёнке ответную реакцию, которая не выражается полноценно.

но вербальным способом, но доказывает, что ребёнок включён в процесс коммуникации и принимает в нём активное участие. Обратимся к авторитетному замечанию Д.Б. Эльконина, утверждающего, что в конце первого года жизни ребёнок живёт не со взрослым, а «**через взрослого**, с его помощью» [9: с. 47; выделено нами. — *А.В.*].

В заключение следует отметить, что проблема определения адресата в СМИ для раннего возраста представляется неоднозначной. Учитывая несформированные вербальные навыки, а также то, что ребёнок может быть *ви-зуалом* или *аудиалом*, редакция журнала предлагает такую концепцию, при которой как первый, так и второй тип детей сможет найти применение своим умениям в рубриках журнала. Адресат-ребёнок, обладая умениями и навыками, и терциарный адресат (взрослый), имеющий представление об интересах ребёнка в раннем возрасте, являются для адресанта факторами первостепенной важности при подготовке издания. Учёт этих особенностей значительно облегчает процесс составления журнала, а также способствует социализации ребёнка, прежде всего при формировании речи с помощью взрослого.

Библиографический список

Источники

1. Popi: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. – Paris: Bayard, 2011. – № 295, mars. – P. 14–15: La surprise.

Литература

2. *Белкина В.Н.* Психология раннего и дошкольного детства: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / В.Н. Белкина. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2005. – 256 с.

3. *Викулова Л.Г.* Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 316, [4] с.

4. *Елисеева М.Б.* Книга в восприятии ребёнка от рождения до 7 лет / М.Б. Елисеева. – М.: Сфера, 2008. – 83 с.

5. *Касаткин Н.В.* О лингвистическом своеобразии языка, употребляемого в речевом общении с младенцем / Н.В. Касаткин // Учёные записки Томского государственного педагогического института. Т. VII. (Серия гуманитарных наук). – Томск: ТГПИ, 1949. – С. 108–115.

6. *Мухина В.С.* Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учеб. для студ. вузов / В.С. Мухина. – 9-е изд., стереотип. – М.: ИЦ «Академия», 2004. – 456 с.

7. Развитие личности ребёнка / П. Массен, Дж. Конджер, Дж. Каган, А. Хьюстон; пер. с англ. А.М. Фонарёва. – М.: Прогресс, 1987. – 272 с.

8. Современная учебная книга: мат-лы научно-практ. конференции / Отв. ред. А.П. Тряпицына. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – 179 с.

9. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

Справочные и информационные издания

10. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов / Л.М. Землянова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.

References*Istochniki*

1. Popi: [magazine pour les enfants en bas âge] / Conception Marianne Vilcoq. – Paris: Bayard, 2011. – № 295, mars. – P. 14–15: La surprise.

Literatura

2. Belkina V.N. Psychologiya rannego i doshkol'nogo detstva: ucheb. posobie dlya stud. vy'ssh. ucheb. zaved. / V.N. Belkina. – М.: Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2005. – 256 s.

3. Vikulova L.G. Osnovy' teorii kommunikacii: praktikum / L.G. Vikulova, A.I. Sharunov. – М.: AST: AST MOSKVA: Vostok – Zapad, 2008. – 316, [4] s.

4. Eliseeva M.B. Kniga v vospriyatii rebyonka ot rozhdeniya do 7 let / M.B. Eliseeva. – М.: Sfera, 2008. – 83 s.

5. Kasatkin N.V. O lingvisticheskom svoeobrazii yazy'ka, upotrebyaemogo v rechevom obshhenii s mladencem / N.V. Kasatkin // Uchyony'e zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. T. VII. (Seriya gumanitarny'x nauk). – Tomsk, 1949. – S. 108–115.

6. Muxina V.S. Vozrastnaya psixologiya: fenomenologiya razvitya, detstvo, otrochestvo: ucheb. dlya stud. vuzov / V.S. Muxina. – 9-e izd., stereotip. – М.: ICz «Akademiya», 2004. – 456 s.

7. Razvitie lichnosti rebyonka / P. Massen, Dzh. Kondzher, Dzh. Kagan, A. X'yuston; per. s angl. A.M. Fonaryova. – М.: Progress, 1987. – 272 s.

8. Sovremennaya uchebnaya kniga: mat-ly' nauchno-prakt. konferencii / G.A. Bordovskij. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2006. – 179 s.

9. El'konin D.B. Izbranny'e psixologicheskie trudy' / D.B. El'konin. – М.: Pedagogika, 1989. – 560 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. Zemlyanova L.M. Kommunikativistika i sredstva informacii: Anglo-russkij tolkovy'j slovar' koncepcij i terminov / L.M. Zemlyanova. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.

С.Г. Иняшкин

К проблеме определения субжанров научно-фантастического дискурса

В статье приводится определение научно-фантастического дискурса. Отмечаются основные этапы развития научной фантастики, даётся классификация субжанров научно-фантастического дискурса, основанная на правилах написания научно-фантастических произведений.

In this article the author gives the definition of science fiction discourse. The main periods of science fiction development are pointed out, which is followed by the classification of science fiction discourse subgenres, based on the rules of writing science fiction.

Ключевые слова: научно-фантастический дискурс; субжанр; золотой век научной фантастики; инвентивно-социальный фантастический дискурс.

Key words: science-fiction discourse; subgenre; the golden age of science-fiction; socio-inventive science-fiction discourse.

В 1950-х годах в мире печатной художественной литературы произошли значительные изменения, вызванные стремительным ростом популярности телевидения. Если в начале пути «визуальная научная фантастика» отличалась посредственной игрой актёров и низким техническим уровнем киносъёмки, то после выхода в 1968 году сериала «Звёздный путь» («Star Trek»), за которым последовали «Космическая одиссея 2001» («2001: A Space Odyssey») и «Звёздные войны» («Star Wars»), всё больше людей стали проявлять интерес именно к «визуальной научной фантастике», а не к чтению научно-фантастических произведений. Не случайно А. Азимов (1920–1992) с грустью отметил в 1981 году, что печатная научная фантастика вряд ли когда-нибудь станет широко популярной [3: p. 128–130].

Как показывает практика конца XX – начала XXI века, намного выгоднее быть сценаристом научно-фантастических фильмов, нежели писателем научно-фантастических романов. Данное рассуждение основано, в частности, на том факте, что научно-фантастические произведения получают мировую известность зачастую только после выхода на экран. Одним из таких ярких примеров является роман М. Крайтона (1942–2008) «Парк Юрского периода», экранизированный по адаптированной версии С. Спилбергом три года спустя после его опубликования. Оглушительный успех фильма «Аватар» Д. Кэмерона, собравшего в прокате более двух миллиардов долларов, также является тому подтверждением.

Вместе с тем путь развития опубликованной научной фантастики всё больше привлекает внимание не только литературоведов, но и специалистов в области когнитологии, дискурсивного анализа и т. д. Однако фантастическая литература не вызвала активного интереса учёных в плане классификации фантастических жанров и субжанров. Отсутствует также общепринятое определение классификации научно-фантастического дискурса.

Мы определяем научно-фантастический дискурс как *совокупность высказанных в научно-фантастических произведениях взглядов на будущее, которые зависят от времени и места их высказывания, согласуются с определёнными правилами их построения и имеют своей целью развлечение, размышление, моделирование, предостережение, побуждение к развитию той или иной научной сферы и т. д.*

На основе данного определения представляется возможным использовать два подхода к классификации субжанров научно-фантастического дискурса.

Тематический подход. Поскольку непосредственной реализацией научно-фантастического дискурса в речи является научная фантастика как жанр беллетристики, могут быть определены субжанры научно-фантастического дискурса аналогично литературным субжанрам научной фантастики (научно-социальный фантастический дискурс, темпоральный научно-фантастический дискурс, приключенческий научно-фантастический дискурс и др.). Другими словами, определяющим фактором будет являться тема высказывания.

Содержательный подход. В данном подходе определяющим фактором являются правила высказывания взглядов на будущее. Иначе говоря, в истории жанра в разные периоды под «научной фантастикой» и, следовательно, «научно-фантастическим дискурсом» подразумевались разные вещи, вследствие чего правила и концепции написания научно-фантастических произведений менялись. Для выделения данных периодов обратимся к истории развития научной фантастики.

Многие исследователи научной фантастики сходятся во мнении, что предтечей данного жанра являются произведения М. Шелли (1797–1851) и Э.А. По (1809–1849). М. Шелли и её друзья лорд Байрон и Д. Полидори, личный врач Байрона, любили читать друг другу истории про привидения. Вскоре они стали соревноваться, кто напишет самую леденящую кровь историю. Д. Полидори написал рассказ «Вампир», а М. Шелли, самая молодая из них, создала первоначальный набросок романа ужасов «Франкенштейн, или Современный Прометей», опубликовав его в 1818 году. Среди подобных произведений Э.А. По можно отметить «Низвержение в Мальстрём» и «Mellonta Tauta», действие которого происходит в 2848 году.

Одним из признанных основоположников научной фантастики является Ж.Г. Верн (1828–1905), положивший начало жанру своей серией произведений «Необыкновенные путешествия», в которую вошли «Путешествие к центру Земли» (1864), «С Земли на Луну» (1865), «20 000 лье под водой» (1870) и др. Среди

авторитетных авторов «инвентивных» (от *англ.* invention — изобретение, выдумка) романов конца XIX века выделим Л. Сенаренса (1863–1939), которого называют «американским Жюль Верном», Э. Элліса (1840–1916), автора «Парового человека прерий», и Х. Хаггардта (1856–1925), писавшего о бессмертии в романе «Копи царя Соломона». Однако всех их затмил фантаст Г. Уэллс (1866–1946). Его произведения «Машина времени» (1895), «Человек-невидимка» (1897) и «Война миров» (1898) пользовались исключительной популярностью. Они считаются классикой научной фантастики и затрагивают уникальные темы, так как Г. Уэллс был первым автором, писавшим о невидимости, инопланетном вторжении и путешествиях во времени [6: p. 18–21].

Научная фантастика Ж. Верна и Г. Уэллса отличалась глубиной содержания, выявляла возможности, надежды и опасности, связанные с техническим развитием, была написана хорошим языком [3: p. 123].

Итак, мы можем охарактеризовать первый период в истории научной фантастики, начавшийся в 1863 году с написанием первого романа Ж. Верна из серии «Необыкновенные путешествия», как «инвентивный», так как в центре подобных произведений находятся различные изобретения.

Следующий этап в истории научной фантастики Д. Кайл назвал «Серебряным веком» («The Silver Age») и связал его начало с выходом в 1926 году научно-фантастического журнала «Amazing», редактором которого являлся Х. Гернсбек [5: p. 40].

Именно на страницах «Amazing» появились первые рассказы Э. Смита (1890–1965), основателя субжанра «космическая опера», Ф. Ноулэна (1888–1940), Д. Келлера (1880–1966), Д. Уильямсона (1908–2006) и др. Однако со временем произведения, публиковавшиеся в «Amazing», стали приобретать черты развлекательной литературы. В данный период истории можно отметить и другие так называемые «pulp-журналы», специализирующиеся на научной фантастике. (Название «pulp-magazine» происходит от термина *pulp*, которым называли целлюлозную массу из вторсырья и самый дешёвый сорт выработанной из неё низкокачественной бумаги, способной держать типографскую краску.) Среди них «Fantastic», «Science-wonder Stories», «Astounding» и другие [6: p. 26–34]. Термин «pulp-magazine» несёт негативную коннотативную окраску, так как говорит о низкопробности данных журналов, вследствие чего период с 1926 по 1936 год в развитии научной фантастики можно также назвать «развлекательным».

Следующий период в истории научной фантастики специалисты, в том числе Ф. Робинсон, Д. Кайл, А. Азимов и другие, определяют как «Золотой век» («The Golden Age»), началом которого является 1937 год. Именно тогда Д. Кэмпбелл (1910–1971) стал главным редактором журнала «Astounding», переименованного вскоре в «Astounding Science fiction». Д. Кэмпбелл настаивал, чтобы все произведения, печатавшиеся на страницах его журнала, основывались на оригинальной научной идее, вследствие чего «Astounding Science fiction» стал первым научно-фантастическим журналом, вышедшим из «pulp» категории. Д. Кэмп-

белл, физик по образованию, начал поиск писателей, понимавших, что такое наука и кто такие учёные, а также умеющих писать о них правдоподобно» [3: р. 108].

Д. Кэмпбелл очень тесно работал со всеми авторами, писавшими для его журнала. В его «команду» входили А. Азимов (1920–1992), К. Саймак (1904–1988), А. Ван Вогт (1912–2000), Т. Старджон (1918–1985) и другие. Именно на страницах «Astounding Science fiction» был напечатан дебютный рассказ Р. Хайнлайна (1907–1988) [6: р. 60–73].

Можно утверждать, что в данный период времени научная фантастика вернулась к своей «инвентивной» составляющей, которой славились Ж. Верн и Г. Уэллс. Например, Г. Вестфал относит «Войну миров» Г. Уэллса и «Я, робот» А. Азимова к одному субжанру научной фантастики, а именно к «научно-достоверной фантастике» [9: р. 371].

Однако данное утверждение представляется нам некорректным, так как в произведениях А. Азимова изобретения, хотя и достоверно описанные, например роботы, являются лишь фоном событий. При этом автор в первую очередь обращает внимание на возможные в будущем такие социальные проблемы, как перенаселение Земли, медицинская этика, зависимость людей от новых технологий, дискриминация и т. д. Вследствие этого третий период развития научной фантастики мы охарактеризуем как «инвентивно-социальный».

Важным историческим событием, повлиявшим на развитие научной фантастики, наряду с испытанием атомной бомбы, является запуск в 1957 году первого искусственного спутника Земли. В результате фантастика стала казаться слишком реалистичной, что привело к заметному падению тиражей американских научно-фантастических журналов, многие из них даже прекратили своё существование.

Интерес к научной фантастике вернулся со следующим этапом в истории научной фантастики, так называемой «Новой волной» («New Wave»), зародившейся в Великобритании с появлением журналов «Dangerous Visions» (1967 г.), а также «England Swings SF» (1968 г.), в котором Б. Алдис впервые использовал термин «New Wave». В произведениях, печатавшихся на страницах данных журналов, описывались зачастую психологические и социальные проблемы: сексуальность, гендерная идентичность, война во Вьетнаме и др. [6: р. 159]. «Это была смесь секса, жестокости и зачастую глубокого пессимизма» (перевод наш. — *С.И.*) [4: р. 109]. Данные произведения были скорее не о науке, а о влиянии науки на обычных людей. Во многих случаях наука отступала на задний план.

Пользуясь терминологией В.М. Чумакова, можно отметить, что научная фантастика до «Новой волны» была «содержательной фантастикой» (фантастика — цель), после неё данный жанр можно назвать «формально-стилевой фантастикой» (фантастика — средство) [7: с. 124]. После «Новой волны» ни один фантаст уже не мог преподносить в произведении научно-фантастическую идею, не обращая внимания на стиль и литературное оформление своих сочинений. А. Азимов в одном из своих интервью заметил: «Когда Кэмпбелл начал свою революцию,

пришедшие писатели принесли с собой ауру университета, науки и инженерного дела, логарифмической линейки и пробирки. Но теперь новые авторы с ярлыком поэзии и искусства каким-то образом несут с собой ауру Гринвич-Виллиджа (Нью Йорк) и Левого Берега (Париж)» [4: р. 9]. Писатель отмечал, что после «Новой волны» научная фантастика превратилась в интернациональный феномен. Научно-фантастические произведения стали главными бестселлерами, некоторые из них даже вошли в список школьной литературы. К писателям-фантастам пришла мировая известность [3: р. 127–129].

Изучив историю развития жанра «научной фантастики», выделяем в итоге следующие периоды, в которых критериальным является специфический подход к написанию научно-фантастических произведений:

- 1863–1925 — научно-достоверная фантастика (Ж. Верн, Г. Уэллс);
- 1926–1936 — развлекательная фантастика (Ф. Ноулэн, Д. Келлер);
- 1937–1966 — инвентивно-социальная фантастика (А. Азимов, Р. Хайнлайн);
- 1967 — наши дни — формально-стилевая фантастика (Д. Мэррил, Х. Эллисон).

Таким образом, субжанры научно-фантастического дискурса соответствуют периодам в истории научной фантастики:

1) инвентивный научно-фантастический дискурс (совокупность утверждений в научно-достоверных произведениях Ж. Верна, Г. Уэллса и других авторов конца XIX – начала XX века о всемогущести науки и возможных негативных её последствиях);

2) развлекательный научно-фантастический дискурс (совокупность высказываний в научно-фантастических произведениях, имеющих своей целью развлечь читателя, в связи с чем характеризующихся бурно развивающимся приключенческим сюжетом);

3) инвентивно-социальный фантастический дискурс (наиболее широкий из четырёх субжанров научно-фантастического дискурса. Его можно определить как совокупность высказанных в научно-фантастических произведениях взглядов на будущее, имеющих в обязательном порядке «инвентивный» характер с целью размышления, моделирования, предостережения, побуждения к развитию той или иной научной сферы);

4) формально-стилевой научно-фантастический дискурс (совокупность критических замечаний, имеющих глубокий социальный подтекст, написанных при этом в форме научно-фантастических произведений).

Библиографический список

Литература

1. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / Ц. Тодоров; пер. с фр. Б. Нарумов. – М.: Дом интеллект. кн., 1999. – 143 с.

2. *Чернышѐва Т.А.* Природа фантастики / Т.А. Чернышѐва. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 331 с.
3. *Asimov A.* Asimov on Science-fiction / A. Asimov. – Garden City: Doubleday, 1981. – 334 p.
4. *Freedman C.* Conversations with Isaac Asimov / C. Freedman. – Oxford: University Press of Mississippi, 2005. – 170 p.
5. *Kyle D.* A Pictural History of Science fiction / D. Kyle. – London: Hamlyn, 1977. – 173 p.
6. *Robinson F.M.* Science fiction of the XXth Century: an ill. history / F.M. Robinson. – Porland: Collectors press, 1999. – 265 p.

Справочные и информационные издания

7. *Осипов А.Н.* Фантастика от «А» до «Я»: Основные понятия и термины: краткий энциклопедический справочник / А.Н. Осипов. – М.: Дограф, 1999. – 351 с.
8. Science Fiction Citations. – URL: <http://www.jessesword.com/sf>, свободный.
9. The Greenwood Encyclopedia of Science fiction and Fantasy: Themes, Works, and Wonders / Ed. G. Westfahl. – London: Greenwood press, 2005. – 1395 p.

References

Literatura

1. *Todorov T.* Vvedenie v fantasticheskuyu literaturu / T. Todorov; per. s fr. B. Narumov. – М.: Dom intellekt. kn., 1999. – 143 s.
2. *Cherny'shyova T.A.* Priroda fantastiki / T.A. Cherny'shyova. – Irkutsk: Izd-vo Irkutsk. un-ta, 1984. – 331 s.
3. *Asimov A.* Asimov on Science-fiction / A. Asimov. – Garden City: Doubleday, 1981. – 334 p.
4. *Freedman C.* Conversations with Isaac Asimov / C. Freedman. – Oxford: University Press of Mississippi, 2005. – 170 p.
5. *Kyle D.* A Pictural history of science fiction / D. Kyle. – London: Hamlyn, 1977. – 173 p.
6. *Robinson F.M.* Science fiction of the XXth century: an ill. history / F.M. Robinson. – Porland: Collectors press, 1999. – 265 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. *Osipov A.N.* Fantastika ot «A» do «Ya»: Osnovny'e ponyatiya i terminy': kratkij e'nciklopedicheskij spravochnik / A.N. Osipov. – М.: Dograf, 1999. – 351 s.
8. Science Fiction Citations. – URL: <http://www.jessesword.com/sf>, svobodny'j.
9. The Greenwood Encyclopedia of Science fiction and Fantasy: Themes, Works, and Wonders / Ed. G. Westfahl. – London: Greenwood press, 2005. – 1395 p.

Е.С. Луткова

Результаты исследования лингвокультурологического поля «US College Education» в учебных целях

В статье представлены результаты исследования лингвокультурологического поля «US College Education» как модели содержания обучения, средства систематизации знаний учащихся об определённом пласте культуры и совершенствования филологического образования учащихся старшей ступени общеобразовательной школы.

The paper summarizes the results of the study of the linguacultural field «US College Education» as a model of teaching content, a means of structuring students' cultural knowledge and enhancing high school students' philological background.

Ключевые слова: лингвокультурологический подход в обучении; лингвистическая компетенция; лингвокультурологическое поле.

Key words: linguacultural approach in teaching; linguistic competence; linguacultural field.

Модернизация российского образования в целом и идеи личностно ориентированной концепции образования определили изменения социального заказа общества. Проект Федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования в качестве личностных результатов обучения иностранным языкам определяет формирование социальной и этнической идентичности учащихся, устойчивого интереса к чтению как способу познания других культур, уважительного отношения к ним. [1: с. 4–6]. Содержание обучения иностранным языкам (ИЯ), реализуя основные цели филологического образования, направлено на развитие иноязычной коммуникативной компетенции учащихся для осуществления межкультурного общения в устной и письменной формах как с носителями изучаемого ИЯ, так и с представителями других культур в современном поликультурном мире на базе усвоенных языковых и социокультурных знаний, речевых навыков и коммуникативных умений [1: с. 9].

Такое уточнение целевых установок языкового образования в проекте Федерального государственного стандарта среднего (полного) общего образования ставит вопрос о формировании специфических умений, входящих в состав иноязычной коммуникативной компетенции, и, как следствие, об уточнении содержания обучения ИЯ с позиции межкультурного подхода. Исходя

из межкультурного подхода в обучении иностранным языкам, мы считаем необходимым расширить языковую компетенцию в составе иноязычной коммуникативной компетенции за счёт лингвокультурологического компонента.

В целях раскрытия сущности лингвокультурологического компонента языковой компетенции необходимо уточнить понятие языковой компетенции как таковой. Вслед за И.Л. Бим мы определяем языковую компетенцию в качестве базового компонента коммуникативной компетенции, функционирующего на основе знания языковой системы изучаемого языка на всех уровнях (фонологическом, лексическом, грамматическом) и навыков оперирования этими знаниями [2: с. 44, 46]. Расширяя языковую компетенцию за счёт лингвокультурологического аспекта, мы считаем возможным включить в содержание обучения иностранному языку дополнительные компоненты. Так, расширение когнитивного компонента можно осуществить за счёт знаний о лингвокультуре как единице, совмещающей лингвистическое и экстралингвистическое содержание и отражающей в себе представления об определённом фрагменте действительности [3: с. 45].

Наряду с навыками нормативного лексического и грамматического оформления речи и умениями применять их для решения коммуникативных задач в процессе общения лингвокультурологический аспект языковой компетенции предполагает включение умения по отбору и упорядочиванию национально-маркированной лексики, выявлению и анализу их культурного фона, сопоставлению с культурным фоном слов в родном языке, выявлению общего и различного в двух культурах, толкованию различий в ситуациях межкультурного общения.

В свою очередь такой компонент содержания обучения, как отношение, может быть расширен за счёт формирования следующих качеств личности: открытость новой информации, желание восприятия «чужого» как равноправного, адаптация к явлениям культуры страны изучаемого языка, эмпатическое отношение к носителям другой культуры.

В процессе разработки содержания и технологии обучения в рамках лингвокультурологической концепции обучения ИЯ мы исходим из таких ключевых понятий лингвокультурологии, как «лингвокультурема» и «лингвокультурологическое поле». Вслед за В.В. Воробьевым, под лингвокультурологическим полем (далее ЛКП) мы понимаем «иерархическую систему лингвокультурем, единиц, обладающих инвариантным значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры» [4: с. 66].

Анализ научной литературы по лингвокультурологии, лингвокультурологическому подходу в обучении ИЯ позволил нам сделать вывод о значительном методическом потенциале лингвокультурологического поля как модели содержания обучения лексическому аспекту речи, как средства систематизации знаний учащихся о фрагменте инокультурной действительности, а также как инструмента исследовательского метода обучения и изучения ИЯ. Необходимо отметить, что привлечение учащихся к исследованию фрагмента куль-

туры и разработка ЛКП под руководством учителя способствует языковому образованию учащихся филологического профиля, так как повышает интерес к познанию «другой» культуры, формирует способность системного мышления, препятствует появлению стереотипов при восприятии «другой» культуры и обеспечивает положительную мотивацию к изучению ИЯ в целом.

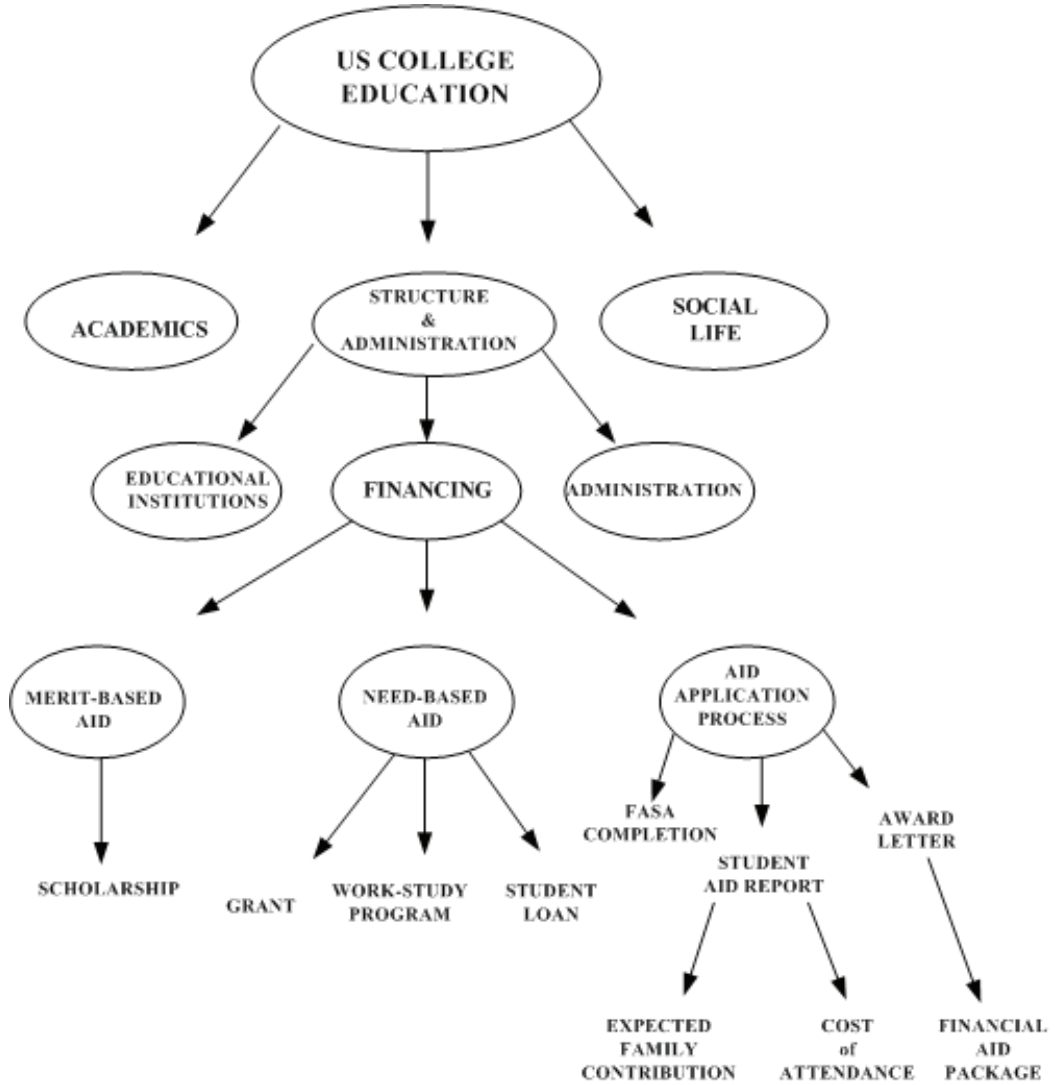
В качестве источников исследования пласта культуры «US College Education» и разработки одноименного лингвокультурологического поля были использованы оригинальная научная литература по проблеме исследования, энциклопедии, толковые словари, справочники; материалы сайтов Департамента образования США; университетская документация, представленная на официальных сайтах университетов и колледжей США; периодические издания университетов, студенческих организаций; художественная литература, художественные фильмы. В процессе работы над источниками проводилась сплошная выборка лингвокультурем, которая составляет более 200 единиц.

Анализ выборки позволил определить ядерную культуру первого порядка «**US College Education**» и три субполя второго порядка, особенные лингвокультуры, задающие три основных направления исследования фрагмента действительности: «**Structure & Administration**», «**Academics**», «**Social Life**» («Система управления и структура высших учебных заведений», «Учебный процесс» и «Внеучебная социальная жизнь на университетском кампусе»).

Проиллюстрируем структуру поля на примере субполя третьего порядка «**Financing**», раскрывающего функционирование системы финансовой поддержки студентов, организуемой государством на федеральном уровне, уровне штата, муниципальном и институциональном уровнях. Это субполе представлено субполями четвёртого порядка, особенными и единичными лингвокультурами. Так, лингвокультуры четвёртого порядка «**Merit-Based Aid**» и «**Need-Based Aid**» представлены единичными культурами **Scholarship**, **Grant**, **Work-Study Program**, **Student Loan**, которые раскрывают содержание различных видов финансовой поддержки студентов в зависимости от их академических успехов или экономического статуса их семьи. Субполе четвёртого порядка «**Aid Application Process**» представлено особенными лингвокультурами пятого порядка и единичными культурами, которые отражают всю процедуру получения финансового пакета **Financial Aid Package**, начиная с заполнения формы заявления **Free Application for Federal Student Aid (FAFSA)**, составления специалистом центра финансовой поддержки специального доклада, резюмирующего финансовое состояние семьи **Student Aid Report** на основе анализа банковских документов для вычисления **Expected Family Contribution**, и сообщающего суммарную стоимость обучения и пребывания на кампусе **Cost of Attendance**, завершая получением письма **Award Letter**, в котором сообщается, на какой вид финансовой поддержки и на какую сумму может рассчитывать студент (схема 1).

Схема 1

**Субполе «Financing»
в структуре лингвокультурологического поля
«US College Education»**

Проведённое исследование лингвокультурологического поля «US College Education» позволяет сделать следующие выводы.

В проводимом нами исследовании ЛКП выступает как метод исследования пласта культуры «US College Education», который даёт возможность системно и достаточно полно представить фрагмент инокультурной действительности как единство общего, особенного и единичного [5: с. 98].

Лингвокультурологическое поле как модель содержания обучения лексическому аспекту речи по одноимённой теме, содержащей знания о фрагменте

культуры, является системой, открытой для дополнения в процессе дальнейшего исследования заданного пласта культуры

Лингвокультурологическое поле представлено ядерной лингвокультуремой, субполями второго, третьего, четвертого, пятого и т. д. порядков и единичными культурами, которые в совокупности представляют собой минимальный, но достаточный лексический минимум для изучения темы. При отборе содержания обучения лексическому аспекту речи посредством ЛКП важно ориентироваться на особенные лингвокультуремы, покрывающие фоновые знания фрагмента культурной действительности. Единичные лингвокультуремы конкретизируют выделенные субполя и их количество индивидуально, так как зависят от интенсивности самостоятельной работы учащихся по теме.

Процесс изучения фрагмента культуры и разработки ЛКП на основе прочитанных аутентичных текстов, справочной литературы, просмотренных видеофильмов и изученных интернет-ресурсов является своеобразным мини-исследованием учащихся по выявлению культурологических лакун, заполнению их культурологической информацией и составлению комментария на основе сопоставления с явлениями родной культуры. Это обеспечивает языковое образование учащихся, а также формирует способность критического осмысления «другой» культуры, основанного на знаниях, а не на стереотипах.

Библиографический список

Источники

1. Проект Федерального государственного образовательного стандарта общего образования / Среднее (полное) общее образование / Л.П. Кезина, А.М. Кондаков; Министерство образования и науки Российской Федерации. – 2011. – 41 с. – URL: <http://www.standart.edu.ru>, свободный.

Литература

2. Бим И.Л. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования / И.Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 8. – С. 2–6.

3. Бим И.Л. Цели обучения иностранным языкам на современном этапе / И.Л. Бим // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А.А. Миролюбова. – Обнинск: Титул, 2010. – С. 39–46.

4. Воробьев В.В. Лингвокультурология: монография / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.

5. Языкова Н.В. Культура и обучение иностранным языкам / Н.В. Языкова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2009. – № 1. – С. 95–100.

References

Istochniki

1. Proekt Federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta obshhego obrazovaniya / Srednee (polnoe) obshhee obrazovanie / L.P. Kezina, A.M. Kondakov; Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii. – 2011. – 41 s. – URL: <http://www.standart.edu.ru>, svobodny'j.

Literatura

2. *Bim I.L.* Modernizaciya struktury' i sodержaniya shkol'nogo yazy'kovogo obrazovaniya / I.L. Bim // Inostranny'e yazy'ki v shkole. – 2005. – № 8. – С. 2–6.

3. *Bim I.L.* Celi obucheniya inostranny'm yazy'kam na sovremennom e'tape / I.L. Bim // Metodika obucheniya inostranny'm yazy'kam: tradicii i sovremennost' / Pod red. A.A. Mirolubova. – Obninsk: Titul, 2010. – S. 39–46.

4. *Vorob'yov V.V.* Lingvokul'turologiya: monografiya / V.V. Vorob'yov. – M.: RUDN, 2008. – 336 s.

5. *Yazy'kova N.V.* Kul'tura i obuchenie inostarnny'm yazy'kam / N.V. Yazy'kova // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie" – 2009. – № 1. – S. 95–100.

В.С. Машошина

Мифологема «корабль» в романе Г. Мелвилла «Моби Дик»

Статья посвящена анализу одной из особенностей поэтики Г. Мелвилла, обусловившей творческий эксперимент писателя по расширению границ жанра морского романа. В ней рассматривается роль и место, отводимое американским романтиком морской тематике при создании уникальной мифологической модели мира в романе «Моби Дик».

The article primarily focuses on one of the aspects of H. Melville's artistic vision, determining the writer's going beyond generic boundaries and offering more original imaginative exploration of the marine novel. Examining the issue of the marine theme in the novel «Moby Dick» the article analyses its role in creating the writer's unique mythological understanding of universe within the work under study.

Ключевые слова: мифологема; корабль; морской роман.

Key words: mythologeme; ship; marine novel.

Анализируя поэтику романа «Моби Дик», можно обнаружить, что американский писатель-маринист Герман Мелвилл во многом раскрывает своё отношение к проблемам сосуществования человечества и природы через близкие друг другу мифологема (мифологические образы). К таковым относятся, например, мифологема океана и другие параллельные образы, приобретающие ярко выраженную мифологическую окраску, в числе которых, в первую очередь, следует упомянуть мифологему *дороги*, мифологему *кита*, мифологему *корабля* и мифологему *воды*.

По мнению ряда российских философов, в частности А.Ф. Лосева и В.Н. Топорова, «мифический» тип отношения к природе не изменился с развитием технической цивилизации. Более того, как отмечает исследователь В.П. Гайденко в статье «Природа в религиозном восприятии», в философских дискуссиях и размышлениях постоянно присутствует мотив «ностальгии по мифическому, т. е. восприятию природы через миф, гарантирующему органическую цельность, слитность человека с окружающим миром» [3: с. 43]. Полагаем, что описанный тип осмысления окружающей действительности через миф был характерен и для Г. Мелвилла. С нашей точки зрения, все вышеперечисленные мифологема взаимосвязаны друг с другом и переплетены в повествовательной ткани анализируемого романа, поэтому считаем более правильным рассматривать их в комплексе. Представляется логичным, что мифологема *корабля* тесно связана с мифологемой *воды*, а следовательно, и мифологемой *пути (дороги)*.

Как это неоднократно доказывалось учёными-литературоведами, в частности Ю.В. Ковалёвым [4], морская поэтика закономерно занимает важное место в литературе и культуре США. Исторически американцы воспринимаются, по определению Е.А. Стеценко, как «нация, которая в пути» [5] (вспомним первых переселенцев на североамериканский континент, а также вновь осваиваемые земли на Западе, так называемый «фронтир»). Именно поэтому метафора дороги, как сухопутной, так и морской, находит многократное отражение в национальной литературе США. Таким образом, варьируясь и видоизменяясь, идея странствий прочно закрепляется в самосознании американцев.

Безусловно, важное место морская тематика занимает в творчестве Г. Мелвилла. Критики и исследователи отмечают новаторство писателя в освоении морской темы, имея в виду его воздействие на развитие морского романа [4]. В романе «Моби Дик» море как метафора приобретает особую ёмкость и глубину. Писатель делает море полноправным участником действия, что не было характерно для произведений его литературных предшественников. У Г. Мелвилла водное пространство — это олицетворение единства мира как живого организма, когда морская стихия, по словам В.М. Толмачёва, «является продолжением человека, образом его трагического отчуждения от цивилизации и самого себя» [6: с. 90]. Данный тезис даёт основания полагать, что автор «Моби Дика» поднял американскую маринистику на качественно новый уровень.

Интересно, что с первых страниц повествования автор обозначает отчётливую связь между освоением просторов океана и процессом познания истины. Г. Мелвилл отмечает, что приблизиться к последней можно, лишь бороздя морские просторы: «*Yes, as every one knows, meditation and water are wedded for ever*» [1: р. 4].

Океан в романе Г. Мелвилла предстает символом абсолютного, беспредельного свободолюбия, что становится одновременно бездной и основой мироздания: «*Like a savage tigress that tossing in the jungle overlays her own cubs, so the sea dashes even the mightiest whales against the rocks, and leaves them there side by side with the split wrecks of ships. No mercy, no power but its own controls it. Panting and snorting like a mad battle steed that has lost its rider, the masterless ocean overruns the globe*» [1: р. 229–230]. Образ океана в романе многолик и неоднозначен. Мощь океана безгранична, власть его абсолютна и окружена непостижимой для человека тайной.

Одной из центральных метафор романа американского писателя является океан как воплощение Божественной силы. В самом начале повествования Измаил (*Ishmael*), главный герой романа, размышляет о мистическом трепете, охватывающем человека, впервые увидевшего, что берега скрылись из виду. Он подчёркивает святость моря и указывает на то, что в античной культуре ему приписывали особое божественное предназначение: «*Why did the old Persians hold the sea holy? Why did the Greeks give it a separate deity, and own brother of Jove? Surely all this is not without meaning. And still deeper the meaning of that story of Narcissus, who because he could not grasp the tormenting, mild*

image he saw in the fountain, plunged into it and was drowned. But that same image, we ourselves see in all rivers and oceans. It is the image of the ungraspable phantom of life; and this is the key to it all» [1: p. 4–5].

Данный пример вновь доказывает архетипическую основу символики романа «Моби Дик». Из этого следует, что глубина философских воззрений автора, выраженных устами главного героя, также подтверждает соединение в романе метафорической и символической систем и указывает на огромный историко-культурный и мифологический подтекст романа.

Обращаясь к анализу мифологемы *корабля*, рассмотрим образ китобойца «Пекода» в романе «Моби Дик», представляющий собой метафору «корабля-универсума», ведомого глубинными тайными течениями жизни. Как указывает в своей монографии Н.А. Шогенцукова, «Мелвилл использует мифологемы, но не просто, чтобы привести их в пример, а работает с ними: из тех же кирпичиков он строит новое здание» [7: с. 102]. Это явно прослеживается при описании места, которое отводится автором самому судну.

Несомненно, в романе можно усмотреть стремление Мелвилла обратиться к первоистокам мира, вечным универсальным законам бытия. В тексте анализируемого произведения микрокосм корабля — это модель мира, он изображён как нечто символическое, имеющее всеобщую значимость. Описание «Пекода» как нельзя ярко реализует метафору «корабль-человек»: *«Long seasoned and weather-stained in the typhoons and calms of all four oceans, her old hull's complexion was darkened like a French grenadier's, who has alike fought in Egypt and Siberia. Her venerable bows looked bearded. Her masts — cut somewhere on the coast of Japan, where her original ones were lost overboard in a gale — her masts stood stiffly up like the spines of the three old kings of Cologne. Her ancient decks were worn and wrinkled, like the pilgrim-worshipped flag-stone in Canterbury Cathedral where Becket bled»* [1: p. 59].

Рисуя портрет китобойца, Мелвилл использует такой художественный приём, как антропоморфизм. Писатель создает удивительный метафорический ряд, который «очеловечивает» образ «Пекода». Вот лишь некоторые черты, приписанные ему автором: лицо, нос, борода, морщины, спина. Символично, как нам представляется, описано внешнее убранство корабля, в котором опять проявляются элементы сравнения с индивидом: *«She was apparelled like any barbaric Ethiopian emperor, his neck heavy with pendants of polished ivory. She was a thing of trophies. A cannibal of a craft, tricking herself forth in the chased bones of her enemies. All round, her unpanelled, open bulwarks were garnished like one continuous jaw, with the long sharp teeth of the sperm whale, inserted there for pins, to fasten her old hempen thaws and tendons to»* [1: p. 59].

Сравнение корабля с императором варваров, диким монголом и настоящим каннибалом направлено на то, чтобы поразить воображение читателя и дать возможность осознать долгую жизнь промыслового судна, его богатую историю, а также понять важность миссии «Пекода», возложенной на него Создателем.

С присущим ему размахом Мелвилл представляет читателю сложный символический образ корабля, в котором, как мы видим, синтезируется опыт различных народов и цивилизаций. На это указывают упомянутые в описании китобойца топонимы: Египет, Сибирь, Монголия, Япония, Германия, Африка.

По мнению Е.В. Беликовой, в пространстве корабля, структурируемом автором наподобие универсума, «оппозиции “космос – хаос”» соответствует разделение его на верхнюю и нижнюю части. Корабль-мир — это огромное сферическое тело, его вертикаль — «мачта – трюм» символизирует дуалистическое вертикальное построение мира; верх (небо) и низ (морская бездна)» [2: с. 102].

Исследователь делает вывод, что мачты в пространстве корабля «символизируют небо, «восхождение» к которому пробуждает в душе героев чувство слияния с вечностью мира», в то время как «подводная часть корабля-универсума представляет собой некие инфернальные сферы. Они связаны с тайной, мраком, водной стихией» [2: с. 104].

Таким образом, в оппозиции «верх — низ» у Мелвилла выстраивается характерное для самосознания новоевропейского человека противопоставление «явление – сущность». Хаос образует глубину, сущность мира, постигаемую в мистическом опыте, а космос, должно быть, видимую поверхность вещей — мир, доступный чувственному восприятию человека. Верхний мир являет собой фантом, в нем отсутствуют высшие ценности. Истина же, по мнению автора, скрывается на глубине — пугающей, смертельной, но бесконечно притягательной: *«But vain to popularize profundities, and all truth is profound»*[1: p. 154].

Можно предположить, что близость модели мира Г. Мелвилла мифологическим представлениям проявляется в том, что она формируется на основе двойственных оппозиций, среди которых базовыми являются пары «корабль – дом», «океан – земля», «космос – хаос», «мачта – трюм». Кроме того, мифологизм мышления Мелвилла также проявляется в разработке писателем категории пространства.

Рассмотренные выше двойственные оппозиции «корабль – дом», «море – земля» — это те глубинные, архетипические противопоставления, которые создают мифопоэтическую картину мира в романе «Моби Дик», где море, изображённое Мелвиллом, предстает как амбивалентная категория, символизирующая и опасность, и свободу. Иными словами, оно может восприниматься как Добро и как Зло.

Посредством установки мифологических аналогий и параллелей история об охоте за Белым Китом обогащается универсальными смыслами и сближается с широким кругом мифологических сюжетов, что позволяет прочесть главный конфликт романа в контексте проблем противостояния Человека и Мироздания.

Библиографический список

Источники

1. *Melville H. Moby Dick* / H. Melville. – London: Wordsworth Editions Limited, 2002. – 492 p.

Литература

2. *Беликова Е.В.* Мифопоэтика романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03: защищена 20.02.2004 г. / Е.В. Беликова. – Омск, 2004. – 161 с.
3. *Гайденко В.П.* Природа в религиозном мировосприятии / В.П. Гайденко // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – 191 с.
4. *Ковалёв Ю.В.* Мелвилл / Ю.В. Ковалёв // История всемирной литературы: В 8-ми тт. / АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – Т. 6. – М.: Наука, 1989–1994. – С. 423–433.
5. *Стеценко Е.А.* История, написанная в пути (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.) / Е.А. Стеценко. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1996. – 310 с.
6. *Толмачёв В.М.* От романтизма к романтизму: американский роман 1920-х годов и проблема романтической культуры / В.М. Толмачёв. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 363 с.
7. *Шогенцукова Н.А.* Опыт онтологической поэтики. Э. По, Г. Мелвилл, Д. Гарднер / Н.А. Шогенцукова. – М.: Наследие, 1995. – 232 с.

References*Istochniki*

1. *Melville H.* Moby Dick / H. Melville. – London: Wordsworth Editions Limited, 2002. – 492 p.

Literatura

2. *Belikova E.V.* Mifopoe'tika romana G. Melvilla «Mobi Dik, ili Bely'j Kit»: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03: zashhishhena 20.02.2004 g. / E.V. Belikova. – Omsk, 2004. – 161 s.
3. *Gajdenko V.P.* Priroda v religioznom mirovospriyatii / V.P. Gajdenko // Voprosy' filosofii. – 1995. – № 3. – S. 43.
4. *Kovalyov U.V.* Melvill / U.V. Kovalyov // Istoriya vsemirnoj literatury': V 8-mi tt. / AN SSSR; Institut mirovoj literatury' im. A.M. Gor'kogo. – T. 6. – M.: Nauka, 1989–1994. – S. 423–433.
5. *Stecenko E.A.* Istoriya, napisannaya v puti (Zapiski i knigi puteshestvij v amerikanskoj literature XVII–XIX vv.) / E.A. Stecenko. – M.: IMLI RAN; Nasledie, 1996. – 310 s.
6. *Tolmachyov V.M.* Ot romantizma k romantizmu: amerikanskij roman 1920-x godov i problema romanticheskoy kul'tury' / V.M. Tolmachyov. – M.: Izd-vo MGU, 1997. – 363 s.
7. *Shogentzukova N.A.* Opy't ontologicheskoy poe'tiki. E'. Po, G. Melvill, D. Gardner / N.A. Shogentzukova. – M.: Nasledie, 1995. – 232 s.

Л.Н. Носова

Специфика выражения категории адресованности в текстах инструкций по применению лекарственных препаратов

Статья посвящена анализу сферы фармацевтического дискурса и специфике выражения категории адресованности.

The article deals with the study of the pharmaceutical discourse and specific character of the addressing category.

Ключевые слова: фармацевтический дискурс; адресант; адресат; инструкция по применению лекарственных препаратов.

Key words: pharmaceutical discourse; addresser; receiver; application instructions of the medical product.

Фармацевтический дискурс (далее — ФД) представляет собой институциональный дискурс, главной целью которого выступает ориентация индивидуального сознания человека и социального менталитета в целом на здоровье как базовую ценность бытия [5: с. 6]. ФД по праву можно назвать институциональным, поскольку действия и взаимодействия индивидов в нём происходят в определённой коммуникативной среде. Взаимодействие в ФД осуществляют:

- 1) фармацевтические фирмы (адресант), разрабатывающие медицинские препараты, а также утверждающие содержание инструкций к ним;
- 2) покупатели и потребители (адресат) лекарственных средств и препаратов, являющиеся клиентами института.

В качестве посредников между адресантом и адресатом выступают

- 1) аптечные работники, реализующие лекарственные препараты (фармацевты и провизоры);
- 2) медицинские работники, представляющие социально-профессиональную группу и имеющие различную специализацию и в разной степени воздействующие на клиентов (врачи) [5: с. 131].

Инструкция по применению лекарственного препарата, рассматриваемая нами в данной статье, представляет собой текст массовой информации и рассчитана на широкий круг читателей (потребителей). Репрезентированный текст инструкции лекарственного препарата (далее — ИЛП) — жанр, принадлежащий

письменному институциональному дискурсу, где инициатива коммуникантов принадлежит адресанту, в роли которого выступают фармацевтические фирмы.

Процесс общения в ФД носит дистантный характер и идёт от коллективного автора (общественного института) через текст ИЛП. Автор, как правило, анонимен и лишён возможности напрямую общаться с адресатом. Функцию общения (передачи смысла) берёт на себя текст ИЛП, который оказывается амбивалентным по своим функциям: с одной стороны, он является информативным блоком, адресованным читателю, а с другой — он выступает блоком средств, организующих общение.

Текст ИЛП, как и любой другой текст, имеет свою прагматическую установку, которая определяет форму текста и его жанр, отбор и классификацию материала, общую стилистику, систему вербальных средств и т. д. [5: с. 147]. Основная цель адресанта в ФД — возможность влиять на общественные процессы, а также информировать и мобилизовать аудиторию на определённые действия [6: с. 74–75]. С точки зрения отправителя вводимая информация всегда существенна, релевантна, она рассчитана на определённый эффект и воздействие на адресата [8: с. 513–514].

Важное условие коммуникации в ФД — способность адресата воспринимать и декодировать посланное ему сообщение. Эта способность определяется компетентностью адресата, его опытом, групповой принадлежностью, ценностными ориентациями [6: с. 173].

Адресат речи (читатель текста ИЛП) выполняет ряд действий, а именно:

- 1) интерпретирует текст, в том числе выявляя косвенные и скрытые смыслы;
- 2) испытывает воздействие — интеллектуальное, эмоциональное, эстетическое.

Потребитель лекарственного препарата (адресат) оказывает воздействие на автора текста ИЛП (адресанта), поскольку заставляет его учитывать «фоновые знания», прагматическую заинтересованность адресата, умение пользоваться специальной терминологией, условными обозначениями и сокращениями. Следовательно, текст ИЛП как описание объекта, предназначенного для использования всем социумом, должен быть доступен для понимания любым адресатом, т. е. лексический состав инструкции должен соответствовать тезаурусу среднестатистического члена социума.

Получателем текста ИЛП является полиадресат. Его представляют:

- профессиональная группа: медицинские и аптечные работники (специалисты с медицинским или фармацевтическим образованием);
- рядовые потребители или «наивные» пользователи (больной, сиделка и др.).

Ядро языка любой науки составляет используемая терминология, т. е. совокупность обозначений научных понятий и категорий, которыми оперирует данная наука. Исходя из этого, можно утверждать, что научная картина мира (далее — НКМ) зафиксирована в частных науках, изучающих мир или отдельные его составляющие, под разными углами зрения [7: с. 11]. НКМ создаётся,

формируется и используется узким кругом людей — учёными данной области (в нашем случае фармацевтической). Для НКМ характерно стремление к полноте и точности знания одновременно, а также использование терминологического аппарата. Так, во французском ФД рубрикой, понятной только специалистам, является блок «*informations supplémentaires*», который содержит сведения о составе препарата (*La substance active et les autres composants*) (активные и вспомогательные вещества):

1) *le chlorure de sodium* [1] (хлористый натрий — зд. и далее перевод наш. — Л.Н.);

2) *oxyde d'aluminium hydraté* [2] (гидроокись алюминия).

Заметим, что в русском ФД к рубрикам, рассчитанным на специалистов, можно отнести сведения о фармакотерапевтической группе: *анальгетическое ненаркотическое средство* [3], *муколитическое средство* [4].

У обыкновенного читателя («наивного» пользователя) сформировано обыденное человеческое сознание. Его картина мира совсем другая. Она складывается как ответ, главным образом, на практические потребности человека, это своего рода необходимая когнитивная основа его адаптации к миру, которая отличается своей прагматичностью. Информационные блоки, рассчитанные на рядового покупателя, содержат, в основном, понятный для него словарь. К таким блокам в ФД можно отнести:

1) рубрику «*меры предосторожности*» (*précautions d'emploi*):

– *en cas de dialyse rénale chronique ou de traitement prolongée, tenir compte de l'apport en aluminium* [2] (в случае хронического почечного диализа или длительного применения учитывать поступление алюминия);

2) рубрику «*способ применения и дозы*» (*comment utiliser... : posologie, mode d'administration, fréquence d'administration, durée du traitement*):

– *la dose habituelle est de 1 goutte dans l'œil* [1] (обычная доза по одной капле в каждый глаз);

3) рубрику «*побочные действия*» (*les effets indésirables éventuelles*):

– *могут наблюдаться слабость, головная боль, сухость во рту...* [4].

Опытные специалисты прогнозируют, что рядовой потребитель может прекратить принимать препарат при малейшем улучшении, не соблюдая правильную дозировку и нарушить тем самым инструкцию. Поэтому они прибегают к дублированию наиболее важной информации, а также к варьированию стиля и размера шрифта:

– *il convient de ne pas prendre au même moment l'antiacide et un autre médicament. Cet autre médicament pourra être pris à distance de l'antiacide (не следует принимать в одно и то же время противокислотное и другой препарат. Этот другой препарат можно будет принять через некоторое время после приёма протокислотного).*

Ce médicament contient des antiacides (hydroxyde d'aluminium et hydroxyde de magnésium). D'autres médicaments en contiennent. Ne les associez pas, afin de

ne pas dépasser les doses maximales conseillées — информация выделена рамкой (этот препарат содержит противокислотные вещества (гидроокись алюминия и гидроокись магния). Другие препараты их также содержат. Не сочетайте их, чтобы не превысить максимально предписанную дозу) [2].

При восприятии научного сообщения среднестатистический потребитель обязательно трансформирует его, отбрасывая ненужную информацию и, наоборот, уделяет пристальное внимание наиболее важным, на его взгляд, положениям, обдумывая и анализируя их, создавая, таким образом, своего рода параллельную, понятную ему научную информацию.

Субъект речи в ФД не персонифицируется, однако он стремится в скрытой форме активно воздействовать на адресата, в частности эксплицитно выражая значение необходимости [5: с. 159]. Формы выражения значения необходимости могут быть разной степени категоричности (настоятельное требование, указание, рекомендация, пожелание и т. д.):

– *veuillez lire attentivement cette notice* (прочитайте, пожалуйста, данную инструкцию) — вежливая просьба;

– *lisez attentivement l'intégralité de cette notice* (внимательно прочитайте содержание этой инструкции) — рекомендация;

– *n'utilisez jamais* (никогда не используйте) — запрет;

– *ne pas utiliser...* (не использовать) — настоятельное требование.

Таким образом, адресант должен учитывать наличие полиадресата. Автор текста ИЛП моделирует текст в соответствии с запросами адресата, идущими от определённой группы и значимые в ФД по гендерному, возрастному, профессиональному и другим признакам. «Создатели» текста ИЛП решают задачу не только правильно описать лекарственный препарат, его свойства и назначение, дозировку и т. д., но так воздействовать на систему знаний адресата, чтобы необходимые действия по приёму ЛП были интерпретированы им однозначно.

Библиографический список

Источники

1. CELLUVISC 4 mg/0,4 ml, Carmellose sodique: Collyre en récipient unidose [медицинский лекарственный препарат]. – ALLERGAN PHARMACEUTICALS IRELAND, Irlande [изд.], 2008. – 2 с. – Текст аннотации по использованию лекарственного препарата.

2. Maalox sans sucre, comprimé à croquer: édulcore à la saccharine sodique, au sorbitol et au maltitol [медицинский лекарственный препарат]. – Sanofi-aventis S.p.A., Italie [изд.], 2007. – 2 с. – Текст аннотации по использованию лекарственного препарата.

3. Эффералган: парацетамол [медицинский лекарственный препарат]. – Бристол-Майерс Сквибб, Франция [изд.]. – 2 с. – Текст аннотации по использованию лекарственного препарата.

4. Амбробене: амброксол: сироп [медицинский лекарственный препарат]. – Меркле ГмбХ, Германия [изд.], 2002. – 2 с. – Текст аннотации по использованию лекарственного препарата.

Литература

5. Бурова Г.П. Фармацевтический дискурс как лингвокультурный код: монография / Г.П. Бурова. – Пятигорск: Пятигорская ГФА, 2008. – 286 с.
6. Викулова Л.Г. Основы теории коммуникации: практикум / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 316 с.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; РАН; Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

References

Istochniki

1. CELLUVISC 4 mg/0,4 ml, Carmellose sodique: Collyre en récipient unidose [medicinskij lekarstvenny'j preparat]. – ALLERGAN PHARMACEUTICALS IRELAND, Irlande [izd.], 2008. – 2 s. – Tekst annotacii po ispol'zovaniyu lekarstvennogo preparata.
2. Maalox sans sucre, comprimé à croquer: édulcore à la saccharine sodique, au sorbitol et au maltitol [meditsinskij lekarstvennyj preparat]. – Sanofi-aventis S.p.A., Italie [izd.], 2007. – 2 s. – Tekst annotacii po ispol'zovaniyu lekarstvennogo preparata.
3. Efferalgan: paracetamol [medicinskij lekarstvenny'j preparat]. – Bristol-Majers Skvibb, Frantsiya [izd.]. – 2 s. – Tekst annotacii po ispol'zovaniyu lekarstvennogo preparata.
4. Ambrobene: ambroksol: sirop [medicinskij lekarstvenny'j preparat]. – Merkle GmbH, Germaniya [izd.], 2002. – 2 s. – Tekst annotacii po ispol'zovaniyu lekarstvennogo preparata.

Literatura

5. Burova G.P. Farmaceuticheskij diskurs kak lingvokul'turny'j kod: monografiya / G.P. Burova. – Pyatigorsk: Pyatigorskaya GFA, 2008. – 286 s.
6. Vikulova L.G. Osnovy' teorii kommunikacii: praktikum / L.G. Vikulova, A.I. Sharunov. – M.: AST MOSKVA: Vostok – Zapad, 2008. – 316 s.
7. Kornilov O.A. Jazy'kovy'e kartiny' mira kak proizvodny'e nacional'ny'x mentalitetov. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: CheRo, 2003. – 349 s.
8. Kubryakova E.S. Yazy'k i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazy'ke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazy'ka v poznanii mira / E.S. Kubryakova; RAN. In-t yazy'koznaniya. – M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury', 2004. – 560 s.

К.Г. Шишкин

Принципы подхода к эпистолярному наследию Г. Грина

В настоящем тексте рассматриваются принципы подхода к эпистолярному наследию английского писателя второй половины XX века Грэма Грина с учётом существующих по этому вопросу изданий. Намечаются исследовательские подходы для изучения эпистолярного наследия писателя.

The paper focuses on the principles of approach to epistolary heritage of English writer of the second half of the twentieth century Graham Greene. The author outlines researching approaches to studying the writer's epistolary heritage.

Ключевые слова: письма; биография; эпистолярный дискурс; комментарии.

Key words: letters; biography; epistolary discourse; commentaries.

Творчество крупнейшего английского писателя второй половины XX в. Грэма Грина (1904–1991) хорошо известно во всем мире. Подробности его личной жизни освещены многими биографами и критиками. Существует несколько биографий и соответственно несколько авторских точек зрения на судьбу писателя. Отметим, что только одна биография¹ была одобрена Грином изначально. Вопреки возникшим разногласиям между писателем и биографом из-за материала, включённого в первый том биографии, на публикацию которого Грин согласия не давал, книга всё-таки была напечатана.

В нашем случае, когда научные интересы связаны как с литературоведением, так и с изучением автографов — оригиналов писем английских писателей [8: с. 123–124], а также с некоторыми аспектами лингвистики, важной представляется работа канадского исследователя Ричарда Грина [1], где представлена многолетняя переписка английского писателя, насчитывающая десятки тысяч писем. На сегодняшний день эта книга является наиболее полным собранием писем писателя, опубликованных в одном издании. До недавнего времени переписка Г. Грина была практически недоступна читателю и до выхода упомянутой работы исследователям приходилось обращаться за оригиналами писем в различные частные и государственные архивы или библиотеки. Отдельные письма можно было найти в зарубежных газетах и журналах.

В связи с выходом в свет вышеупомянутой книги Р. Грина некоторые личные письма писателя, написанные в отрезок жизни длиной в 70 лет и адресо-

¹ Речь идет о трёхтомнике, написанном английским биографом Н. Шерри, над которым он работал четверть века, под названием «Жизнь Грэма Грина» («The Life of Graham Greene»).

ванные совершенно разным людям, стали известны широкой публике. Для исследователя важен материал, где представлены письма, предназначавшиеся не только родным и близким писателя, тому кругу лиц, которые окружали его на протяжении почти всей жизни, но и тем, с кем писатель поддерживал отношения через переписку.

В поле нашего зрения попали также неизвестные письма писателя, адресованные в Россию, которые по понятным причинам не были включены в книгу Р. Грина. Они были предоставлены отделом редкой книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино и Региональным общественным фондом содействия развитию и поддержке культуры и искусства им. В.Т. Козлова.

Известно, что личный архив Г. Грина насчитывает около 3000 книг и более 60 000 писем. Этот архив был выкуплен Библиотекой Бёрнса при Бостонском колледже в США в 1995 г. у племянника писателя Н. Денниса. Несмотря на усилия британской стороны, она оказалась не готова выплатить ему сумму в 1 миллион фунтов стерлингов, возможную для американцев [7]. Кроме того, Библиотека Бёрнса целенаправленно собирает и хранит архивы и рукописи английских авторов-католиков, таких, например, как Г.К. Честертон, поэтому нынешнее местонахождение архива писателя вполне объяснимо. С тем что Г. Грин является истинным католиком, можно и не соглашаться, однако у самой библиотеки на этот счёт, видимо, имеются свои взгляды.

Источниками книги Р. Грина послужили письма, хранящиеся у родственников и близких друзей Г. Грина, а также архивы крупнейших библиотек Великобритании и США. Наибольшее количество писем было предоставлено именно Библиотекой Бёрнса, а также Центром гуманитарных исследований Гарри Рэнсома при Техасском университете, библиотекой Джорджтаунского университета, Британской библиотекой.

Наше обращение в Библиотеку Бёрнса с просьбой предоставить другие письма писателя открыло тот факт, что переписка Г. Грина, впрочем, как и весь его архив, не оцифрованы, что исключило возможность дистанционно поработать с теми письмами, которые не были опубликованы в книге Р. Грина. Библиотека не торопится перенести на электронные носители свои архивы. Думается, что таким образом она подчёркивает уникальность своих коллекций. Доказательством нашего предположения является один факт. Студентам Бостонского колледжа или иных учебных заведений США для работы с архивом Г. Грина в Библиотеке Бёрнса и получения ксерокопии каких-либо материалов приходится обращаться в Ассоциацию Дэвида Хигэма в Лондоне за разрешением, потому что права на использование архива писателя, выкупленного Библиотекой Бёрнса, принадлежат этой организации, хотя сами письма реально находятся в США.

Автор вышеуказанной книги Р. Грин — однофамилец писателя, в настоящий момент играет значительную роль в литературной жизни Канады, поскольку помимо преподавательской деятельности он также проявляет себя как критик, биограф и поэт. Неслучайно, что он исследовал переписку Г. Грина. В 1997 году им была выпущена книга избранных писем английской поэтессы Эдит Луизы Си-

туэлл (1887–1964) «Selected Letters of Edith Sitwell», которые позволяют проникнуть в суть её жизни [2: р. 6]. Автор книги считает, что для исследователей творчества писательниц XX века эти письма очень важны [там же: р. 8]. Подобное высказывание можно применить и к переписке Г. Грина, учитывая, что Э.Л. Ситуэлл также вела переписку с писателем, однако эти письма, за исключением одного, хранящиеся в Джорджтаунском университете, получить для публикации не удалось. Недавно Р. Грин был награждён литературной премией Генерал-губернатора (Канада) за поэтический сборник «Boxing the Compass» (2009). Если попытаться перевести на русский язык это словосочетание, то мы получим «морское» и вместе с тем романтическое название «Собирая компас».

Для прояснения некоторых аспектов, касавшихся, в частности, процесса работы над книгой писем Г. Грина, мы вступили в личную переписку с учёным, который любезно ответил на наши вопросы. Выяснилось, что отбор писем у исследователя происходил по ряду критериев.

1. Соблюдение хронологии. Так, главы в книге последовательно представляют периоды жизни писателя и имеют характерные названия. Например, первое письмо в книге, написанное матери Г. Грина — Мэрион Грин, датируется 3 сентября 1921 г. Оно было отправлено во время путешествия Г. Грина со своей тётёй Евой по Бискайскому заливу на корабле. Вероятно, письмо было доставлено телеграфом прямо с корабля или же было опущено в почтовый ящик одного из портов, где судно делало остановку. Ниже мы приводим отрывок из этого письма: «*Dear Mumma / We are having another glorious day; the Bay of Biscay not fulfilling its reputation. I've been having a most energetic day, with deck tennis and bowls etc. and am getting back a sea-side appetite. We've got a most amusing table. There's a large fat profiteer, who had the title, probably nominal, of the captain during the war. He has practically no chin, the fat of his neck [?] drowning it in one colossal 'buldge' ...*»¹ [1: р. 1].

В письме встречаются семь географических названий. Записывать такие, на первый взгляд, незначительные подробности следовало бы, например, в судовой журнал, а не писать о них в частном письме. Возможно, юный Грин представлял себя капитаном корабля. Интересно также отметить, что в данном письме нет диалога, даже опосредованного. Грэм просто последовательно пишет о том, что он видит вокруг себя, не задавая вопросов о том, что происходит дома и как себя чувствуют его родственники.

Ласковое обращение *mumma*, которое Г. Грин употребляет по отношению к своей матери, — это что-то среднее между *mammy* [9: с. 435] или *mummy* (тж. *mum*) [9: с. 463], отражает те теплые, любовные чувства, которые он испытывает к своей матери. Эти особенности стиля Грина, тогда еще шестнадцатилетнего подростка, говорят о том, что уже в раннем возрасте Г. Грин стремился через письмо, предназначавшееся только одному адресату — матери, выразить своё видение окружающего мира.

¹ В этом отрывке сохранены авторская аутентичная орфография и пунктуация.

Дополнительную ценность несут дотекстовые комментарии, встречающиеся почти перед каждым письмом, которые раскрывают для читателя малоизвестные страницы биографии Г. Грина. Что касается вышеприведённого отрывка, нельзя не согласиться с Р. Грином, когда он пишет: «В шестнадцатилетнем возрасте Грэм описывает характеры некоторых людей на корабле с поразительным мастерством» [1: р. 1] (перевод наш. — *К.Ш.*). Можно также предположить, что именно эта поездка привила Г. Грину тягу к путешествиям. Впоследствии писатель передаст своему биографу Н. Шерри большую карту, на которой красными точками, словно сыпь, были помечены страны, где ему довелось побывать [3: р. 27].

II. Разделение переписки по содержанию:

- на личную (интимную) переписку, характеризующую личность писателя;
- на письма общего характера, повествующие о религиозных и политических взглядах писателя, его духовных переживаниях и отношении к литературе.

Задумкой Р. Грина было создать биографию писателя, сотканную из его же писем. Учитывая имеющийся колоссальный архивный материал в Библиотеке Бёрнса, исследователь проделал огромную работу по подборке материала. Ему даже пришлось сокращать объём книги, поскольку издатель не был готов опубликовать такое большое количество писем.

Мы задаёмся вопросом, какой интерес могут представлять для изучения эти письма в контексте литературоведения и лингвистики текста. Во-первых, как отмечают некоторые исследователи, например, Н.В. Силаева: «Частные письма по праву считаются важнейшими источниками изучения жизненных и творческих биографий великих деятелей прошлого: философов, политиков, поэтов, критиков, литературоведов» [4: с. 5]. Во-вторых, книга, которую мы взяли в качестве основного источника, поможет найти ответы на вопросы, связанные и с творчеством, и с мировоззрением писателя, а также проследить за тем, менялся ли авторский стиль письма как в художественной прозе, так и в эпистолярном дискурсе в диахроническом срезе.

Как отмечает О.В. Тимашева, «на современном этапе развития наук без углубленного изучения культурологии, лингвистики, теории и истории литературы нельзя подготовить в области лингвистики грамотного специалиста» [6: с. 6]. Поэтому мы, в перспективе, предполагаем рассмотреть исследуемый материал, в первую очередь, с точки зрения литературоведения, а также обратиться к такой научной дисциплине, как эпистолография, которая изучает «совокупность писем или, иными словами, эпистолярное наследие, эпистолярный ряд» [5: с. 5].

Изучение эпистолярного наследия Г. Грина поможет исследовать творчество писателя в новом направлении, а также узнать, какие проблемы волновали писателя в действительности и как отразились основные мотивы переписки в его романах.

Библиографический список*Источники*

1. *Greene R.* Graham Greene: A Life in Letters / Ed. by R. Greene. – London: Abacus, 2008. – 446 p.
2. *Greene R.* Selected letters of Edith Sitwell / Ed. by R. Greene. – London: Virago Books, 1997. – 484 p.
3. *Sherry N.* The Life of Graham Greene. Vol. I (1904–1939) / N. Sherry. – London: Penguin Books, 2004. – 783 p.

Литература

4. *Силаева Н.В.* Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста (на материале английской частной переписки XVIII–XIX вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; защищена 23.10.2007 г. / Н.В. Силаева. – Самара, 2007. – 204 с.
5. *Сметанин В.А.* Новое в развитии представлений об эпистолографии / В.А. Сметанин // Античная древность и средние века. – Свердловск: УрГУ, 1980. – [Вып. 17]: Античные традиции и византийские реалии. – С. 5–18. – URL: <http://elar.usu.ru/bitstream>, свободный.
6. *Тимашева О.В.* Семинарий по общей и французской филологии. Аналитическое чтение и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / О.В. Тимашева. – М.: РосНОУ, 2004. – 248 с.
7. *Macdonald M.* Graham Greene Archive Sold to American College / M. Macdonald // Independent, Friday, 20 January 1995 г. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk>, свободный.

Справочные и информационные издания

8. Автографы // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890. – Т. 1 (1): А – Алтай. – 1890. – С. 123–124.
9. *Мюллер В.К.* Большой англо-русский словарь / В.К. Мюллер. – 9-е изд., стер. – М.: Цитадель-трейд и др., 2008. – 831 с.
10. Путеводитель по английской литературе / Под ред. М. Дрэббл, Дж. Стрингер. – М.: Радуга, 2003. – 928 с.

References*Istochniki*

1. *Greene R.* Graham Greene: A Life in Letters / Ed. by R. Greene. – London: Abacus, 2008. – 446 p.
2. *Greene R.* Selected letters of Edith Sitwell / Ed. by R. Greene. – London: Virago Books, 1997. – 484 p.
3. *Sherry N.* The Life of Graham Greene. Vol. I (1904–1939) / N. Sherry. – London: Penguin Books, 2004. – 783 p.

Literatura

4. *Silaeva N.V.* Lingvopragmaticheskij analiz e'kspressivnosti e'pistoljarnogo teksta (na materiale anglijskoj chastnoj perepiski XVIII–XIX vv.): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04; zashhishhena 23.10.2007 g. / N.V. Silaeva. – Samara, 2007. – 204 s.

5. *Smetanin V.A.* Novoe v razvitii predstavlenij ob e'pistolografii / V.A. Smetanin // Antichnaya drevnost' i srednie veka. – Sverdlovsk: UrGU, 1980. – [Vy'p. 17]: Antichny'e tradicii i vizantijskie realii. – S. 5–18. – URL: <http://elar.usu.ru/bitstream>, svobodny'j.

6. *Timasheva O.V.* Seminarij po obshhej i francuzskoj filologii. Analiticheskoe chtenie i mezhkul'turnaya kommunikaciya: ucheb. posobie / O.V. Timasheva. – M.: RosNOU, 2004. – 248 s.

7. *Macdonald M.* Graham Greene Archive Sold to American College / M. Macdonald // Independent, Friday, 20 January 1995. – URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk>, svobodny'j.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

8. *Avtografy' // E'nciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona.* – SPb.: Brokgauz-Efron, 1890. – T. 1 (1): A – Altaj. – 1890. – S. 123 – 124.

9. *Myuller V.K.* Bol'shoj anglo-russkij slovar' / V.K. Myuller. – 9-e izd., ster. – M.: Citadel'-trejd i dr., 2008. – 831 s.

10. *Putevoditel' po anglijskoj literature / Pod red. M. Drebbl, Dzh. Stringer.* – M.: Raduga, 2003. – 928 s.

У Даньдань

Лирический герой С. Есенина и А. Рембо

В статье рассматриваются аналогичные мотивы в лирике С. Есенина и А. Рембо. Оба поэта создали так называемый «персональный символизм». В статье проанализированы такие типологические близости между С. Есениным и А. Рембо, как двойственность, мятежность, отношение к Церкви, любовь к природе и др.

This article deals with similar motifs in the poetries of Esenin and Rimbaud. Both poets established a so-called «personal symbolism». This article analyses the typological proximity between S. Esenin and A. Rimbaud, such as duality, rebelliousness, attitude to the Church, love of countryside, etc.

Ключевые слова: лирический герой; имажинизм; мятежность; двойственность; есенинское «хулиганство».

Key words: lyric character; imagism; insurrection; duality; Esenin's «hooliganism».

Для исследователей жизни и творчества Есенина одной из частых стала тема соответствия или несоответствия лирического героя и реального поэта. Уже в начале поэтического пути Есенин создаёт образ своего «я» — кроткого странника или инока, он отмечен и «*Спаса кроткого печалью*», и «*волхвами, потайственно волхвующими*» [5: с. 106]. Со временем тот уступает место разбойнику, потом — образу пророка космической революции, далее — скандалисту, потом и образу одинокого чужака в своей стране. Эта смена обликов отражает как внутреннюю эволюцию поэта, так и воздействие на него внешних обстоятельств.

Есенинское «хулиганство» связано с народной традицией, с фольклорным образом ушкуйника. Но возможны и французские литературные источники. Произведения Мюссе были знакомы Есенину [9: с. 127–140], в них стираются грани между лирическим героем и реальным автором, что актуально и для Бодлера, Верлена, который ввёл выражение «проклятые поэты» [7: с. 179–193.], Рембо и др. В работах М. Никё (««Литературная лич-

ность» Есенина и традиция «проклятых поэтов»», 2009), Н.М. Солнцевой («Странный Эрос», 2000) отмечались аналогии лирических героев Есенина и Рембо, Верлена, Бодлера. История «русского» Рембо начала свой отсчёт в 1894 г., когда появились первые переводы его стихов [9]. Есенин читал Верлена и Рембо, о чём свидетельствовал И. Эренбург [3: с. 208]. Оба поэта принципиально лиричны.

Путь Рембо к «Пьяному кораблю» был кратким по времени, но ёмким. Столь же стремительной была эволюция воззрений Есенина, что сказалось на смене его лирических «я». Когда Рембо создал «Пьяный корабль», ему было всего 17 лет. Есенин рано сформировал свою поэтическую концепцию на базе обогащения поэтического словаря. Рембо как автор «Пьяного корабля» выразил своё стремление к обновлению поэзии и поэтического языка.

В произведениях Есенина и Рембо очевидно сходство в мотивах эпатажного, «низкого» характера, что в определённом смысле отражает поиск новых поэтических форм и тенденцию приблизить искусство к жизни. Вместе с тем названная черта поэтики отвечает эмоциональному миру обоих поэтов. Рембо ещё ребёнком влекла жизнь трактиров и постоянных дворов, в написанном в 1873 г. «Одном лете в аду» он вспоминал, что восхищался каторжником. С 1915 г. Есенина увлекла тема чёрной, каторжной России, страны «железного звона цепей» («Наша вера не погасла...», 1915) [5: с. 108], его лирический герой — «хулиган», позже он — певец «Москвы кабацкой». Рембо эпатировал. Появление мятежного «я» у Есенина связано с усилением бунтарских идей в России. Лирический герой, помня о том, что «Затерялась Русь в Мордве и Чуди, / Нипочём ей страх» («В том краю, где жёлтая крапива...», 1915) [5: с. 111], что по её дорогам бредут «люди в кандалах», «убийцы или воры», заявил о себе как об одном из них. Так у лирического героя Есенина появилось второе лицо — от «чёрной» Руси.

В «Вечерней молитве» Рембо есть ряд скабрёзных образов, например: «Спокойный, как творец и кедров, и иссопов, / Пускаю ввысь струю, искусно окропив / Янтарной жидкостью семью гелиотропов» (перевод Б. Лившица) [6: с. 44]. Есенин, отдавшись имажинистскому эпатажу, также решил «из окошка луну обосать» («Исповедь хулигана», 1920) [5: с. 210]. Стремление символиста Рембо соединить высокое и низменное сродни имажинистским критериям. В текстах Рембо есть экспрессия, знакомая русскому читателю по лирике Есенина. Читаем у Рембо: «На ночном празднестве в северном городе я повстречал всех женищин, которых писали старые мастера. В старинном парижском переулке я получил классическое образование <...> Ведь я на том свете, мне нечего делать на этом» (перевод В. Орла) [2: с. 86–87]. У Есенина читаем: «Рано ли, поздно всажу я / В рёбра холодную сталь. // Нет, не могу я стремиться / В вечную сгнившую даль» («Слушай, поганое сердце...», 1916) [5: с. 124].

Есенин отразил в лирике, как и в поэмах, неоднозначность своего эмоционального мира. В Рембо также была заложена двойственность. В лирическом

герое Есенина сталкивались противоположности: «сердцем чист» и «зарезу» («В том краю, где жёлтая крапива...» [5: с. 111]). В автобиографическом стихотворении «Семилетние поэты» Рембо раскрывает свои черты «угрюмости и лицемерья злого» [2: с. 45]. Среди его стихотворений уже упоминавшийся «Пьяный корабль» имеет наибольшее значение. Стихотворение приобретает характер то исповеди мятущегося человека, то мрачного пророчества, то гимна ничем не ограниченной свободе.

Ещё одна аналогия поэзии Есенина и Рембо — «пьяный бред» («Улеглась моя бывшая рана...», 1924) [5: с. 287], о котором идёт речь и в «Москве кабацкой», и в «Чёрном человеке», и в других произведениях. Рембо ставит вопрос о самопознании с помощью алкоголя и наркотиков. Но Рембо же требовал от поэта упорного труда, позволяющего открывать новые идеи и формы. Таким образом, «пьяный бред» не снижал творческого потенциала. Бунтарь, обличитель буржуазности, Рембо ценил общение с природой: «...пойду я вдоль межи, // Ступая по траве подошвою босою» (перевод Б. Лившица) («Ощущение») [2: с. 5] и др. В есенинском пейзаже выразилась вера во всеобщую одушевлённость природы.

Особо следует сказать об отношении Рембо к Церкви, к христианству. Он рано расстался с детской верой, увидев в религии некое заблуждение ума, сознательный обман, унижающий человека. У Есенина тоже сложное отношение к Церкви. И. Розанов записал за ним: «В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до желания кощунствовать и богохульствовать» [8: с. 442]. В поэме «Инония» (1918) Есенин пишет: «Даже Богу я выщиплю бороду», «Проклинаю тебя я, Радонеж» [4: с. 180]. Но Есенину не изменяла религиозная интуиция, вопреки грубым фразам в адрес Церкви и даже Творца он оставался верующим человеком, сожалевшим о своём временном неверии.

Есенин создал поэтический мир крестьянского космоса. Он поэт-философ русского космизма. В «Озарениях» Рембо поэтические восприятия зачистую не от непосредственных и очевидных данностей видимого и осязаемого, а от всего космоса. В «Импровизационных мемуарах» П. Клодель писал, как «Озарения» открыли ему сверхъестественное. Есенина и Рембо сближает и готовность к самокритицизму, исповедальности, раскаянию (например, поэма «Чёрный человек» (1925) С. Есенина и цикл стихотворений в прозе «Пора в аду» (1873) А. Рембо.)

При очевидности общих мотивов в творчестве Есенина и Рембо есть и принципиальное различие в мировосприятии поэтов. Согласимся с тем, о чём пишет С. Бернар: «Величие Рембо в том, что он всё время заставляет нас вместе с самим собой ставить под вопрос не только то, что, как нам кажется, мы знаем о мире, но и самый мир» [6: с. 139]. Есенин, в силу своей витальности, никогда не ставил под вопрос «самый мир».

Библиографический список

Источники

1. Проклятые поэты / Пер. с фр. М. Яснова. – СПб.: Наука, 2005. – 495 с.
2. Рембо Ж.-А. Пьяный корабль: стихи: пер. с фр. / Ж.-А. Рембо // Рембо Ж.-А. Пьяный корабль: стихи: пер. с фр.; Карре Ж.-М. Жизнь и приключения Жана-Артура Рембо: Роман / Пер. с фр. Б. Лившица. – СПб.: Петербург–XXI век, ТОО «Лань», 1994. – С. 5–127.
3. Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников / Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. – М.: Республика, 1995. – 208 с.
4. Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912–1925. Проза 1915–1925 / Сост. и общ. ред. С.П. Митрофановой. – М.: Республика, 1995. – 180 с.
5. Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения 1910–1925 / Сост., общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. – М.: Республика 1995. – 415 с.

Литература

6. Балахонов В. Гимн загадочной свободе / В. Балахонов // Рембо Ж.-А. Пьяный корабль: стихи: пер. с фр.; Карре Ж.-М. Жизнь и приключения Жана-Артура Рембо: роман / Пер. с фр. Б. Лившица. – СПб.: Петербург – XXI век, ТОО «Лань», 1994. – С. 128–139.
7. Гарин И.И. Проклятые поэты / И.И. Гарин. – М. Терра – Книжный клуб, 2003. – 846 с.
8. Розанов И. Воспоминания о Сергее Есенине / И. Розанов // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 428–444.
9. Шубникова-Гусева Н. И. Французские литературные источники «Чёрного человека» С.А. Есенина / Н.И. Шубникова-Гусева // Etudes slaves. – Париж, 1995. – Т. 67. – Вып. 1. – С. 127–140.
10. Henry (-Safier) H. / Verlaine, poete russe: «un etranger si familier» // Slavica Ocotania. – Toulouse. – 10. – 2000. – P. 179–193.
11. Labracherie P. La vie quotidienne de la boheme litteraire au XIXe siecle. – Paris: Hachette, 1967. – 249 p.

References

Istochniki

1. Proklyaty'e poety' / Per. s fr. M. Yasnova. – SPb.: Nauka, 2005. – 495 s.
2. Rembo Zh.-A. P'yanyj korabl': stixi: per. s fr. / Zh.-A. Rembo // Rembo Zh.-A. P'yanyj korabl': stixi: per. s fr.; Karre Zh.-M. Zhizn' i priklyucheniya Zhana-Artura Rembo: Roman / Per. s fr. B. Livshicza. – SPb.: Peterburg – XXI vek, TOO «Lan'», 1994. – S. 5–127.
3. Sergej Esenin v stixax i zhizni: Vospominaniya sovremennikov / Obshh. red. N.I. Shubnikovoj-Gusevoj. – M.: Respublika, 1995. – 208 s.
4. Sergej Esenin v stixax i zhizni: Poemy' 1912–1925. Proza 1915–1925 / Sost. i obshh. red. S.P. Mitrofanovoj. – M.: Respublika, 1995. – 180 s.

5. Sergej Esenin v stixax i zhizni: Stixotvoreniya 1910–1925 / Sost., obsh. red. N.I. Shubnikovoj-Gusevoj. – M.: Respublika 1995. – 415 s.

Literatura

6. *Balaxonov V. Gimn zagadochnoj svobode / V. Balaxonov // Rembo Zh.-A. P'yanyj korabl': stixi: per. s fr.; Karre Zh.-M. Zhizn' i priklyucheniya Zhana-Artura Rembo: roman / Per. s fr. B. Livshicza. – SPb.: Peterburg – XXI vek, TOO «Lan'», 1994. – S. 128–139.*

7. *Garin I.I. Proklyaty'e poety' / I.I. Garin. – M. Terra – Knizhnyj klub, 2003. – 846 s.*

8. *Rožanov I. Vospominaniya o Sergee Esenine / I. Rožanov // S.A. Esenin v vospominaniyax sovremennikov: V 2-x tt. – T. 1. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1986. – S. 428–444.*

9. *Shubnikova-Guseva N. I. Francuzskie literaturny'e istochniki «Chyornogo cheloveka» S.A. Esenina / N.I. Shubnikova-Guseva // Etudes slaves. – Parizh, 1995. – T. 67. – Vy'p. 1. – S. 127–140.*

10. *Henry (-Safier) H. / Verlaine, poete russe: «un etranger si familier» // Slavica Ocotania. – Toulouse. – 10. – 2000. – P. 179–193.*

11. *Labracherie P. La vie quotidienne de la boheme litteraire au XIXe siecle. – Paris: Hachette, 1967. – 249 p.*

О.В. Тимашева

**Рецензия на монографию
Н.В. Морженковой «Авангардистский
эксперимент Г. Стайн: в поисках
жанра» (М.: Изд. гр. URSS, 2012. – 296 с.)**

Монография «Авангардистский эксперимент Г. Стайн: в поисках жанра» Н.В. Морженковой представляет собой первое в отечественном литературоведении целостное исследование творчества Гертруды Стайн. В российской филологии творчество писательницы до настоящего времени изучено мало и несистематично, что, несомненно, обусловлено, с одной стороны, семантической «закрытостью» её языка, а с другой, — устоявшимся в нашем литературоведении расхожим представлением о второстепенности её статуса в модернистской «иерархии». Монография Н.В. Морженковой восполняет этот пробел в отечественной американистике.

В сферу исследовательского внимания попадают практически все произведения писательницы, от романов до опер. Исследование характеризуется глубоким знанием историко-литературных и теоретических контекстов, связанных с модернистской литературой. Автор работы избирает жанровый подход, доказывая, что жанровое мышление отнюдь не уходит в прошлое, в эпоху модернизма, изменяется лишь представление о жанре, оно утрачивает нормативность.

Актуальность монографии связана с острым интересом современной науки к модернистскому типу художественного мышления. Н.В. Морженкова обращается к обширному материалу. Так или иначе затрагивается большая часть текстов, составляющих модернистский канон. С другой стороны, Г. Стайн рассматривается как американская писательница, неразрывно связанная с национальной культурной и литературной традицией. Автору удалось выразить представление о сущностной целостности целого ряда сложных явле-

ний: американской литературы, модернизма XX века как литературной эпохи. В работе внятно показаны тенденции, возникающие на рубеже XIX–XX веков, реализующиеся в модернизме и очень часто находящие своё завершение в литературе второй половины XX века.

Монография имеет выверенную структуру и состоит из трёх глав, введения и выводов. Структура монографии является классической для научных работ высокого уровня: каждый обособленный блок исследования выделен в самостоятельную главу, а все главы в своей совокупности представляют цельную, логически связанную картину исследуемой проблематики. Главы первая, вторая и третья посвящены соответственно роману и его трансформациям в творчестве Г. Стайн, жанровому выражению взаимодействия литературы и живописи, актуального не только для Г. Стайн, но и для модернизма в целом, жанровой специфике автобиографических произведений американской писательницы.

Н.В. Морженкова последовательно доказывает, что в творчестве Г. Стайн «именно жанр выступает ключевым способом взаимодействия с литературной традицией». Язык её произведений, неоднократно становившийся предметом специальных исследований в западном литературоведении, рассматривается в книге как явление жанровое, ориентированное на внелитературные речевые жанры, которые выступают как источник обновления языка литературы.

Важнейшее достоинство монографии в том, что в ней наследие Г. Стайн рассматривается как явление художественное, литературное, обладающее эволюционным значением и эстетической ценностью. Н.В. Морженкова обнаруживает глубокое понимание поэтической природы модернистской прозы, оценивая произведения Г. Стайн по законам поэзии, где нет второстепенных элементов в процессе смыслопорождения.

В целом монографию отличают обоснованность выводов, продуманность композиции, безупречная логика изложения как теоретических фрагментов, так и конкретного материала. Являясь значительным вкладом в изучение творчества американской авангардистки Г. Стайн, она существенно обогатит научный кругозор читателя, интересующегося экспериментальной литературой XX века.

**Первый коллоквиум
«Отечественная лингвистика,
литературоведение и лингводидактика
второй половины XX столетия:
история и судьба»**

28 февраля 2012 года в Институте иностранных языков МГПУ произошло замечательное для нашего профессионального сообщества событие: состоялся Первый коллоквиум «Отечественная лингвистика, литературоведение и лингводидактика второй половины XX столетия: история и судьбы».

Инициатором проведения и вдохновителем коллоквиума стал проректор по инновационной деятельности и международным связям МГПУ, доктор филологических наук, профессор Олег Анатольевич Радченко, автор большого количества работ, посвящённых истории языкознания и философии языка, один из основателей Российского союза германистов.

Коллоквиум объединил не только лингвистов, литературоведов и специалистов по лингводидактике Москвы, мероприятие привлекло внимание ведущих филологов из Нижнего Новгорода, Нальчика, Самары, Ульяновска и других городов России. Учёные, выступившие с докладами, отметили, что история лингвистических, литературоведческих и лингводидактических учений — это не только наука о становлении и развитии концепций, теорий и практической деятельности, но и история судеб выдающихся советских и российских учёных, история Учителей, взрастивших целую плеяду блестящих языковедов, литературоведов и специалистов по лингводидактике нашего времени.

С большим вниманием были встречены выступления старшего научного сотрудника Института языкознания РАН, кандидата филологических наук Н.С. Бабенко с докладом «В чём уникальность отечественной школы германи-

стики?», профессора, доктора филологических наук Р.С. Аликаева (Кабардино-Балкарский государственный университет), посвятившего своё выступление М.М. Гухман и её научной школе. Размышлениями о научной деятельности своих Учителей поделились многие преподаватели ИИЯ МГПУ. Профессор, доктор филологических наук Л.Г. Викулова подготовила доклад «Универсум языка и личности: Школа профессора Л.М. Скрединой». Профессор, доктор филологических наук О.А. Сулейманова рассказала о лингвистическом наследии и семантической школе О.Н. Селивёрстовой. Особый интерес участников коллоквиума вызвали выступления профессора, доктора филологических наук В.А. Собяниной «В.Д. Девкин — выдающийся российский германист и его школа»; профессора, доктора филологических наук Е.Г. Таревой «Б.А. Лapidус: школа высочайшего мастерства»; профессора, доктора филологических наук О.В. Тимашевой «Две последние книги Ю.С. Степанова (идеи и смыслы)»; профессора, доктора филологических наук Н.В. Языковой «И.Л. Бим — основоположник системно-деятельностного подхода в обучении иностранным языкам» и других коллег.

Тёплая, сердечная и дружеская обстановка объединила всех, кто в этот день пришел почтить память своих Учителей, давших путёвку в мир Лингвистики, Методики преподавания и Литературоведения. Все собравшиеся на коллоквиуме учёные единодушно отметили, что невозможно объективно изучать языкознание, литературоведение и лингводидактику и их историю в отрыве от личностей основоположников отечественной филологической науки. Было принято решение сделать коллоквиум по этой теме регулярным.

С.Л. Фурманова

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
2012, № 2 (10)**

Афанасьева Ольга Васильевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Варкан Анна Петровна — учитель английского языка ГОУ СОШ № 222, аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: anna.varkan@gmail.com

Вяткина Анна Александровна — соискатель кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: Viatkinaa@rambler.ru

Гончарова Виктория Анатольевна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ МГПУ.

E-mail: v-goncharova@yandex.ru

Горшкова Наталья Эдуардовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и современных технологий обучения ИИЯ МГПУ.

E-mail: natgorshkova@mail.ru

Иняшкин Станислав Геннадьевич — ассистент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯ МГПУ; аспирант кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯ МГПУ.

E-mail: stanislav.g.inyashkin@mail.ru

Карпухина Виктория Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков для специального обучения филологического факультета ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»; докторант кафедры общего и исторического языкознания филологического факультета ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» (г. Барнаул).

E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

Кулешова Анна Васильевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: ksas3@yandex.ru

Машошина Виктория Сергеевна — ассистент кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ, аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: vi06@mail.ru

Луткова Елена Сергеевна — учитель английского языка ГОУ Гимназия № 1520; аспирант кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ МГПУ.

E-mail: krepkih.elena@yandex.ru

Лягушкина Наталия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: nwl2002@gmail.com

Нечаева Людмила Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией «Восточные языки в средней школе» ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Носова Людмила Николаевна — аспирант кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: yanzha@mail.ru

Седых Аркадий Петрович — доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета.

E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

Собянина Валентина Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

E-mail: valensob@mail.ru

Сорокина Наталья Валерьевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры немецкой и французской филологии и лингводидактики Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского; докторант кафедры теории и истории педагогики Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Чита).

E-mail: sorokinachita@mail.ru

Тимашева Оксана Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: Timacheva@list.ru

У Даньдань (КНР) — аспирант кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: wudandan@mail.ru

Фурманова София Львовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

E-mail: sofie_f@list.ru

Чурпына Ольга Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: ochurpyna@yandex.ru

Шишкин Константин Георгиевич — главный библиограф ГПНТБ России; соискатель кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: shishkin_k@mail.ru

«MCTTU Vestnik» / Authors, series «Philology. Theory of Linguistics.
Linguistic Education», 2012, № 2 (10)

Afanasieva Olga Vasilievna — Doctor of Philology, full professor, head of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Varkan Anna Petrovna — English teacher of SEI SCS № 222, postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: anna.varkan@gmail.com

Vyatkina Anna Alexandrovna — doctoral candidate of Roman Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: Viatkinaa@rambler.ru

Goncharova Viktoriya Anatolievna — PhD (Pedagogy). senior assistant professor of Theory and Methods of Modern Languages Teaching department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: v-goncharova@yandex.ru

Gorshkova Nataliya Eduardovna — PhD (Philology), associate professor of German Language and Modern Educational Technologies department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: natgorshkova@mail.ru

Inyashkin Stanislav Gennadievich — assistant professor of English Grammar and History department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate student of English Grammar and History department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: stanislav.g.inyashkin@mail.ru

Karpukhina Viktoriya Nikolaevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Foreign Languages for Special Studies department; postdoctoral student of General and Historical Linguistics department of Philology faculty, Altai State University, Barnaul.

E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

Kuleshova Anna Vasilievna — PhD (Philology), senior assistant professor of French Language and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: ksas3@yandex.ru

Mashoshina Victoriya Sergeyevna — assistant professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU; postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: vi06@mail.ru

Lutkova Elena Sergeevna — English teacher of SEI Gymnasia № 1520; postgraduate of Theory and Methods of Modern Languages Teaching department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: krepkih.elena@yandex.ru

Lyagushkina Nataliya Vladimirovna — PhD (Philology), docent, associate professor of West European Languages and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: nwl2002@gmail.com

Nechaeva Lyudmila Timofeevna — Doctor of Pedagogy, professor, head of Laboratory «Oriental Languages at Secondary School», Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University.

E-mail: ltnechaeva@mail.ru

Nosova Lyudmila Nikolaevna — post-graduate student of Roman Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: yanzha@mail.ru

Sedykh Arkady Petrovich — Doctor of Philology, professor of French department, Faculty of Roman and Germanic philology, Belgorod State University.

E-mail: sedykh@bsu.edu.ru

Sobyanina Valentina Alexandrovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: valensob@mail.ru

Sorokina Nataliya Valerievna — PhD (Pedagogy), docent, associate professor of German and French philology and Linguodidactics department, N.G. Chernyshevsky Zabaikalsky State Humanities and Pedagogy University; postdoctoral student of Theory and History of Pedagogy department of N.G. Chernyshevsky Zabaikalsky State Humanities and Pedagogy University, Chita.

E-mail: sorokinachita@mail.ru

Timasheva Oksana Vladimirovna — Doctor of Philology, docent, professor of Roman Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: Timacheva@list.ru

Wu Dandan (China) — postgraduate of History of Russian Literature of XX Century department, Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University.

E-mail: wudandan@mail.ru

Furmanova Sofiya L'vovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Theoretical and Applied Linguistics department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: sofie_f@list.ru

Tchupryna Olga Gennadievna — Doctor of Philology, full professor, professor of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: ochupryna@yandex.ru

Shishkin Konstantion Georgievich — chief bibliographer of Russian National Public Library for Science and Technology; doctoral candidate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCTTU.

E-mail: shishkin_k@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объём статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05 – 2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведённым в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Key words) на английском языке.

7. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, учёная степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

---

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для её доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Викуловой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казённый пер., д. 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@ifl.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 2 (10), 2012

Главный редактор:
проректор ГБОУ ВПО МГПУ,
доктор филологических наук, профессор *О.А. Радченко*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
М.В. Чудова

Корректор:
Л.Г. Овчинникова

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 26.11.2012 г. Формат 70 × 108¹ / 16.

Бумага офсетная.

Объём: 8,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.